

(2Р-БК-6)

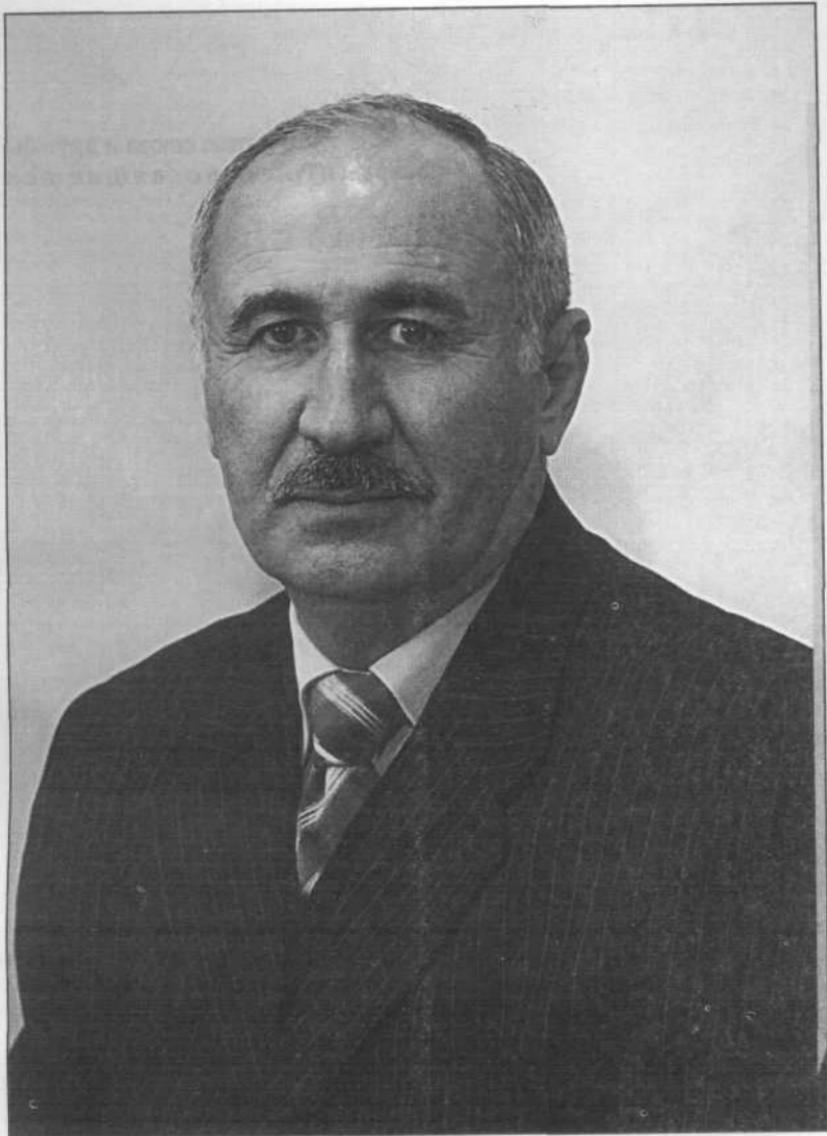
17

Ж. А. КАЛМЫКОВ

ИНТЕГРАЦИЯ
КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ
В ОБЩЕРОССИЙСКУЮ
СИСТЕМУ УПРАВЛЕНИЯ

(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)

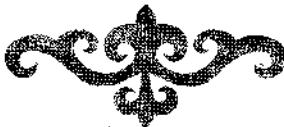

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Ж. А. КАЛМЫКОВ

**ИНТЕГРАЦИЯ
КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ
В ОБЩЕРОССИЙСКУЮ
СИСТЕМУ УПРАВЛЕНИЯ**

ФОРУМ ПОДДЕРЖАНИЯ НАЧАТОХ ВЕБ-

НАЛЫЧИК
ГП КБР «РЕСПУБЛИКАНСКИЙ
ПОЛИГРАФКОМБИНАТ им. РЕВОЛЮЦИИ 1905 г.»
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЭЛЬ-ФА»
2007

Монография обсуждена и рекомендована к изданию на кафедре истории и этнологии народов КБР Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова

Научный редактор: – доктор исторических наук, профессор Аизор Викторович Кушхабиев

Рецензенты: доктор философских наук, профессор Кашиф Жадаутович Унежев; кандидат исторических наук, доцент Петр Абрамович Кузьминов.

Калмыков Ж. А. Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX века). – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 232 с.

В монографии рассматриваются: этапы и различные аспекты административно-территориальных и управленических преобразований на Северном Кавказе во второй половине XVIII – начале XX века; раскрываются особенности общественно-политической жизни кабардинцев и балкарцев в условиях ломки традиционных институтов управления и создания российских административно-правовых учреждений; выявлена степень интегрированности Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления к началу XX века.

Книга рассчитана на студентов высших и средних учебных заведений, учителей школ, всех кто интересуется историей народов Северного Кавказа.

Научное издание.

Жилябы Адальбиевич Калмыков

**ИНТЕГРАЦИЯ КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ
В ОБЩЕРОССИЙСКУЮ СИСТЕМУ УПРАВЛЕНИЯ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

Зав. редакцией Л. О. Тамазова, художник В. И. Мартынова, технический редактор Т. В. Демьяненко, корректор Т. М. Ачабаева. Рег. № 1020700753952 от 06.02.2004. Сдано в набор 26.07.2007. Подписано в печать 06.08.2007. Формат 84×108^{1/32}. Печать офсетная. Гарнитура SchoolBookС. Бумага офсетная. Усл. п. л. 12,18. Тираж 1000 экз. Заказ № 149. ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.». Министерства культуры и информационных коммуникаций КБР. Издательский центр «Эль-Фа». 360000, КБР, Нальчик, пр. Ленина, 33

© Ж. А. Калмыков, 2007

© Издательский центр «Эль-Фа»,
2007

ISBN 978-5-88195-854-1

ВВЕДЕНИЕ

Хозяйственно-экономическое развитие национальных регионов Северного Кавказа до и после инкорпорации в состав России изучено достаточно глубоко и в основном в позитивном плане. Но этого нельзя сказать о Русско-Кавказской войне и об установлении российской администрации. По этим проблемам у современных кавказоведов нет единных позиций.

Ученые Ростова-на-Дону, Краснодара, Ставрополя и Пятигорска вносят очень большой вклад в изучение различных аспектов истории народов Северо-кавказского края, но некоторые из них склонны к однозначному оправданию экспансионистской политики царизма во второй половине XVIII – первой половине XIX века, объясняя это геополитическими интересами Российского государства. По известным причинам они также подвергают вольной интерпретации конфронтационные страницы истории взаимоотношений России с народами Северного Кавказа. Примерами подобного подхода служат недавно вышедшие исторические труды В. А. Матвеева¹ и А. В. Казначеева². Первый из них утверждает, что в «Кавказской войне справедливость была на стороне России» (с. 44), а второй, что «... горцы Северного Кавказа не подвергались насильственному изгнанию в Турцию: выселились добровольно те, кто не был способен или не желал жить под диктовку победителей, в новых условиях государственного строя, которого прежде они не знали» (с. 350). Нетрудно заметить, что эти авторы не изобрели ничего нового, они всего лишь вернулись на позиции дворянско-охранительного направления в российской историографии XIX века. Старые и оскорбительные для коренного населения Северного Кавказа идеи, поданные в новой теоретической упаковке, они выдают как достижения современной научной мысли.

Историки Махачкалы и Грозного, Владикавказа и Нальчика, Майкопа и Черкесска посвятили немало трудов многовековым союзническим отношениям и дружбе народов Северного Кавказа с Россией, но к событиям периода Русско-Кавказской войны отношение иное. Большая часть из кавказоведов настаивает, чтобы весь спектр взаимоотношений с Россией, в том числе и конфликтные события, рассматривались взвешенно, на принципах историзма и с позиции научной объективности.

Понятно, что с обеих сторон недопустима чрезмерная политизация этой и других проблем нашей истории. Поэтому исследователи обязаны стремиться избежать одномерности, избирательности и предвзятости при анализе, обобщении и оценке исторических фактов и событий, если они хотят не декларативную, а истинную дружбу и взаимоуважение между народами. Иной подход может породить у одной части населения страны такие уродливые черты характера, как кичливость, желчность и нетерпимость, а у другой – чувства ущемленности и желание исправить исторические ошибки (как это было в Чечне).

Геополитическая задача России на Северном Кавказе заключалась не только в расширении и укреплении своих южных рубежей, но и в установлении там российской административно-политической системы.

В XIX – начале XX века история создания и особенности функционирования российской администрации и судебных учреждений на Северном Кавказе, в частности в Кабарде и Балкарии в той или иной степени затрагивались в трудах Н. Ф. Грабовского, К. Атажукина, М. М. Ковалевского, Ф. И. Леонтовича, С. Эсадзе, Н. М. Рейнке, Н. М. Агишева и В. Д. Бушена, М. Абаева, В. Кудашева и др.³

Несмотря на их важность и значительный объем фактологического материала, они в основном носят описательный характер и затрагивают лишь отдельные аспекты.

В советский период нашей истории в общих чертах писали о колониальной политике царизма на Северном Кавказе, но российскую систему управления почти не затрагивали. Авторами первых небольших публикаций по административным реформам и судебным учреждениям были Ф. П. Тройно, Т. Х. Кумыков, Х. М. Думанов⁴. Впервые комплексное изучение административно-судебных реформ на Северном Кавказе в 60–70-х годах и особенности деятельности Российской администрации во второй половине XIX – начале XX века на Северном Кавказе и в Кабарде и Балкарии предпринял Ж. А. Калмыков⁵.

Лишь с 90-х годов прошлого столетия по 2006 год история Российской администрации на Северном Кавказе становится предметом активного изучения. К настоящему времени по этой проблематике накопился довольно большой круг литературы⁶. Но до сих пор нет специальной работы, показывающей полную картину многослойного и длительного по времени процесса интеграции Кабарды

и Балкарии в Российское полигэтническое государственное сообщество.

Поэтому автор настоящего издания предпринимает попытку восполнить этот пробел в истории Кабардино-Балкарской Республики. При этом он вполне осознает, что данная публикация не в состоянии одинаково полно осветить все проблемы заявленной темы.

Знакомство с книгой позволит читателю увидеть, что предлагающаяся работа опирается на широкий круг опубликованной литературы и материалов, извлеченных из различных архивохранилищ страны (см. примечания к главам данной работы).

Административно-территориальные и управленические преобразования на Северном Кавказе осуществлялись в течение длительного периода времени – с 60-х годов XVIII века до 1917 года. В рамках этого периода становление российской администрации на Северном Кавказе проходило в несколько этапов, особенности которых зависели от характера и активности политики имперского правительства в этом регионе.

Первый этап приходится на период с 1769 года до середины 50-х годов XIX века и связано это с присоединением к России на своеобразных вассалитетных и подданных условиях Кабарды, Осетии, Ингушетии, Чечни, Балкарии, ногайцев, некоторых дагестанских феодальных владений, введением у них «частных» приставских управлений и первых судебных учреждений (Родовых судов и расправ, Временного кабардинского суда, «народных судов» в Осетии и Чечне).

Второй этап охватывает время с конца 50-х до конца 80-х годов XIX века. В рамках этого периода упраздняются прежние приставские управления и вместо них создается система военно-народных управлений (областные, окружные, участковые и сельские), которые после крестьянской реформы в России и на Северном Кавказе приспособливаются к условиям Российской модернизации второй половины XIX века.

В дальнейшем, с конца 80-х годов XIX века по 1917 год, в основных чертах завершается процесс интеграции всей системы хозяйственных институтов и общественно-политических структур власти и управления Кабарды и Горских обществ в общероссийскую капиталистическую модернизацию.

Каждый из трех выше названных этапов имеет свою внутреннюю периодизацию, с учетом которой построена структура (главы и параграфы) данной работы.

В первой главе автор, на основе опубликованных источников, попытался показать вкратце особенности общественно-политического строя Кабарды и балкарских обществ и характер их взаимоотношений с Россией в XVI–XVIII веках.

Во второй главе рассматривается вопрос о том, как Россия переходит от союзнических отношений с народами Северного Кавказа к политике аннексии и подчинения. Прослеживается как шаг за шагом вместо традиционных общественных институтов создаются новые административные и судебные учреждения, которые в конечном итоге привели к включению Кабарды и балкарских обществ в российское административно-территориальное и правовое пространство.

В третьей главе изучены административно-территориальные и судебные реформы, которые привели к замене «частных» приставских управлений системой военно-народного управления. Несмотря на наличие военного элемента реформы 50–80-х годов создали условия для интеграции Кабарды и Горских обществ в общероссийскую систему управления.

В четвертой и пятой главах показаны основные направления, особенности и характер деятельности административных и судебных учреждений в условиях российской модернизации.

В шестой главе рассказывается о том, как некоторые традиционные общественные институты в трансформированном виде были включены в систему российской администрации и какое место они занимали в общественно-политической жизни кабардинцев и балкарцев в условиях второй половины XIX – начала XX века.

В заключении сделаны выводы и обобщения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Матвеев В. А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования и государственного единства (вторая половина XIX – начало XX века). Ростов-на-Дону, 2006.

² Казнacheев А. В. Развитие Северокавказской окраины России (1864–1904). Пятигорск, 2005.

³ Грабовский Н. Ф. Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. 4; Атажукин К. Заметки на статью г. Краббе // Терские ведомости. Владикавказ, 1870. № 23; Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1; Леонович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882. Вып. 1; Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 1, 2; Рейнке Н. М. Горские и народные суды Кавказского края // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1912. № 2; Агишев Н. М., Бушен В. Д. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912; Абаев М. К. Балкарская // Мусульмания. Париж, 1911. № 14–17; Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913; Туманов Г. М. Разбой и реформа суда на Кавказе. СПб., 1903.

⁴ Тройко Ф. П. Царизм и горские народы Северного Кавказа в 60–90-х гг. XIX века // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1966. Т. 25; Кумыков Т. Х. Из истории судебных учреждений в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начало XIX в.) // УЗ КБНИИ. Нальчик, 1963. Т. 19; Его же. Административная, военная и судебная реформы // История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 315–318.

⁵ Калмыков Ж. А. К вопросу о сельском административном управлении в Кабарде и Балкарии в конце XIX – начале XX века // УЗ КБНИИ. Нальчик, 1974. Т. 26; Из истории судебных учреждений в Кабарде и Балкарии (1890–1917) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 1975. № 1; К вопросу о сельских судебных органах в дореволюционной Кабардино-Балкарии // Материалы научно-практической конференции «Молодежь и наука». Нальчик, 1981. С. 35–44; Некоторые общественно-политические органы управления Кабарды и Балкарии в пореформенный период // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980; Административно-судебные преобразования в Кабарде и Горских обществах в годы Русско-Кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. Краснодар, 1995. С. 120–122; Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1995; Установление российской администрации на Северном Кавказе (вторая половина XIX века) // Исторический вестник КБНИИ. Нальчик, 2006. № 4. С. 272–294.

⁶ Киняпина Н. С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX в. // Вопросы истории. 1883. № 4; Кумыков Т. Х. Административно-судебная и военная реформы в 60–70-х годах XIX в. // История народов Северного Кавказа (конец XVIII–1917 г.). Москва, 1988. С. 277–285; Бейтуганов С. Кабарда и Ермолов. Нальчик, 1993; Омаров А. И. Административно-колониальная политика царизма на Северо-Восточном Кавказе в XIX веке: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1993; Тройко Ф. П. Кавказская война и судьбы горских народов // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции в Краснодаре 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995; Мальцев В. А. Влияние Кавказской войны на административно-судебные реформы на Северном Кавказе во второй половине XIX в.; Матвеев В. А. Особенности

бенности административно-политического устройства Северокавказской окраины России накануне революции 1917 года // Исторические этюды. Под ред. В. Е. Максименко, И. М. Узнародова. Ростов-на-Дону, 1993. Вып. 1. С. 115–136; *Его же. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.)*. Ростов-на-Дону, 2006; *Блиева З. М. Российский бюрократический аппарат на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в.* Владикавказ, 2001; *Малахова Г. Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII–XIX в.* Ростов-на-Дону, 2001; *Губаханова Р. А. Государственные учреждения в Дагестане в преобразованный период // Государственные учреждения в дореволюционном Дагестане: Тематический сборник*. Махачкала, 1989; *Геворкьян Д. П. Создание и деятельность российской администрации в Дагестане (1860–1917)*: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1999; *Ибрагимова З. Х. Терская область под управлением М. Г. Лорис-Меликова // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1998*; *Хасбулатов А. И. Установление российской администрации в Чечне (II пол. XIX – начало XX в.)*. М., 2001; *Битова Е. Г. Политико-административная интеграция Российской империи с ее Северокавказской периферией в XIX в.* // Сборник научных трудов молодых ученых КБГУ. Нальчик, 1998. С. 38–42; *Казначеев А. В. Развитие северокавказской окраины России (1864–1904)*. Пятигорск, 2005; *Думанов Х. М. и Кетов Ю. М. Адыгэ Хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII–XIX века*. Нальчик, 2000; *Маремкулов А. Н. Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв.: историко-правовой аспект*. Ростов-на-Дону, 2006; *Возюля И. В. Система окружных судов в Терской и Кубанской областях (к 130-летию со дня введения) // Северный Кавказ и кочевой мир Евразии*. Ставрополь. 2001; *Клычников Ю. Ю. Очерки истории прошлого народов Северного Кавказа*. Пятигорск, 2004; *Шнайдер В. Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов*. Монография. М., 2005; *Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии: История и современность*. Нальчик, 2000.

КАБАРДА И ГОРСКИЕ ОБЩЕСТВА В XVI–XVIII ВЕКАХ

1. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ В КАБАРДЕ И ГОРСКИХ ОБЩЕСТВАХ В XVI–XVIII ВЕКАХ

1.1. Территория и население

В XVI–XVII веках западные адыги и кабардинцы занимали обширную территорию в предгорьях и на равнине Северного Кавказа, богатую пастбищами и удобную для хлебопашества. Крупный французский коммерсант, Батиста Тавернье, который побывал на Северном Кавказе в XVII веке, писал: «Черкессия представляет собой красивую и хорошую страну с очень разнообразными видами. В ней встречаются равнины, леса, холмы и горы, откуда берет свое начало множество источников. Почва настолько плодородна, что плоды прекрасно вызревают в изобилии, не требуя особого труда»¹.

Кабарда являлась восточной частью Черкессии. Как и прежде, очертания ее границ менялись часто и радикально в зависимости от внешнеполитических и внутриполитических обстоятельств.

Западная граница Кабарды не была четко определенной. Бесланеевцы, отделившись от кабардинцев еще в XV веке, жили в XVI–XVII веках между Кубанью и Лабой. Отсюда видно, что на западе территория Кабарды начиналась с места впадения реки Лабы в Кубань. На востоке территория Кабарды простиралась до нижних течений Терека, примерно до места впадения Сунжи в Терек. Территория нижнего течения Терека до середины XVI века занимало Тюменское княжество, а затем здесь появились русские поселения.

Во второй половине XVI века русский посол в Турции Новосильцев утверждал, что Черкессия простирается от моря до моря. Итальянский монах Доминиканского ордена Джованни Лука в XVII веке писал, что «Черкесы населяют... лесистые места, в которых они укрываются... Область (их) имеет самое большое протяжение от Тамани

до... Дербента, города, расположенного на берегу Каспийского моря. Страна Черкесов тянется на 26 дней пути»².

Более точные описания территории Кабарды XVIII века содержится в «Карте Большой и Малой Кабарды 1744 года» с комментариями к ней 1753 года. Сведения о западных границах Кабарды содержит и лист князя Асланбека Кайтукина от 2 августа 1722 года, адресованного Петру I. По данным этих источников Кабарда в первой половине XVIII века продолжала занимать сравнительно обширную территорию в центральной части Северного Кавказа. С запада на восток она охватывала земли, заключенные между верховьем реки Кумы и станцией гребенских казаков Червленной, а с севера на юг – от Прикумских степей до Дарьялского ущелья³. Отсюда видно, что в первой половине XVIII века по сравнению с XVI–XVII веками границы Кабарды существенных изменений не претерпели.

Во второй половине XVIII – первой половине XIX века в результате колониальных захватов царизма территория Кабарды многократно сократилась. На западе за Кабардой остались лишь земли, лежавшие восточнее Подкумки (современного Пятигорска), к югу от Малки и правому берегу Терека до Моздока. Так называемая Кавказская военная линия, соединяющая Моздок, Прохладную, Ново-Маринскую и Каменный мост (верховья реки Малки) служила как бы границей с Россией⁴, хотя в районе Пятигорска и Кисловодска до середины XIX века оставалось с десяток кабардинских деревень. В этот же период Кабарда лишилась и значительной части своей восточной территории, те обширные места, где сейчас находится равнинная часть современной Осетии, Ингушетии и Чечни.

Демографическую картину в Кабарде и Горских обществах в XVI–XVII веках невозможно точно выяснить из-за отсутствия достоверных письменных и других источников. Но мы можем отметить, что по совокупным сведениям европейских и русских авторов XVI–XVII веков адыги, в том числе кабардинцы, были наиболее многочисленным населением на Северном Кавказе. Что касается XVIII – первой половины XIX века, то мы здесь располагаем более точными данными.

По мнению В. К. Гарданова, население Кабарды в первой половине XVIII века составляло 130–160 тысяч человек⁵.

По сведениям Т. Х. Кумыкова, в Кабарде к концу XVIII века насчитывалось 300–350 тысяч человек⁶. Данные Е. Дж. Налоевой не на много расходятся с этими цифрами. Она считает, что население кабардинского двора колебалось от 15 до 50 человек (в среднем 30 человек), значит население Кабарды в первой половине XVIII века приблизительно составляло 250–300 тысяч человек⁷.

Нам представляется, что цифры 300–350 тысяч более близки к истине, если учесть, что по данным бывшего пристава Большой Кабарды И. П. Дельпоццо в начале XIX века от некогда многочисленного кабардинского населения осталось в живых только $\frac{1}{10}$ часть. Известно, что к 40-м годам XIX века кабардинцев насчитывалось всего лишь 35 тысяч человек. (Это после чумы, холеры и карательных экспедиции царизма в 1804, 1810, 1822, 1825). Это та часть, о которой говорил Дельпоццо. Значит, данные о том, что население Кабарды в конце XVIII века составляло 300–350 тысяч человек являются более достоверными.

В середине XVIII века наибольшее число поселений Большой Кабарды располагалось по рекам: Баксану (20 деревень и 5 замков), Нальчику (24 деревни), Чегему (10 деревень), Куркужину (9 деревень и 2 замка), Шалушка (6 деревень и 1 замок) и т. д. Особенно густо был заселен центр Кабарды, где сконцентрировалось почти $\frac{2}{3}$ ее поселений.

Поселения Малой Кабарды располагались, главным образом, в западной ее части, по течению Терека (до впадения в него реки Малки). Всего в Малой Кабарде было 45 деревень и 2 замка⁸.

По наиболее точным статистическим данным 1867 года численность кабардинцев составляла 44 тысяч человек.

Что касается Горских обществ, то источники дают о них мало сведений. В XVII веке балкарцы как и прежде жили на северных склонах центральной части Главного Кавказского хребта. Их соседями были: с севера – Большая Кабарда, с востока – Осетия, с юга – Сванетия и с запада – Карабай. Балкарские селения располагались в труднодоступных ущельях рек Баксана, Чегема, Черека. Во второй половине XVII веке балкарцы поселились и в Баксанском ущелье (Урусбиевское общество). В 70-х годах XVIII века (по данным А. И. Гюльденштедта) в четырех балкарских обществах насчитывалось 1560 дворов (семейств) в том числе в Черекском – 1000, в Безенгийском и Хуламском –

по 100, в Чегемском – 360. Если иметь в виду, что каждая большая семья состояла из 10–12 человек, получим число от 15 до 18 тысяч человек⁹. К 1867 году это количество сократилось до 10 тысяч человек, главным образом из-за эпидемии чумы и холеры в начале XIX века.

Таким образом в Кабарде и Горских обществах в 1867 году в общей сложности проживало не более 54 тысяч человек¹⁰.

1.2. Социально-экономические отношения

Считается окончательно установленным, что в XVI–XIX веках господствующим укладом в социально-экономических отношениях Кабарды был феодализм, главная особенность которого – натуральность хозяйства и крепостничества. Исходное же начало крепостничества – в экспроприации феодалами земли и прикрепление к ней крестьян. Следовательно, основное средство производства (земля) находилось в собственности феодалов, без чего нет и не может быть феодального способа производства. Но класс феодалов не был однородным. В нем господствовало строгая иерархия знатности. Она соответствовала иерархической структуре землевладения.

Берховое право собственности на землю в Кабарде принадлежало князьям (шии)¹¹: Мисостовым, Атажукиным, Бекмурзинным, Кайтукиным, Таусултановым, Гелехстановыми. Первостепенные дворяне, которых в Кабарде называли «тлекотлешами» и «дижинуго» владели землей также на вотчинном праве с той лишь разницей, что они являлись вассалами князей.

Основная масса господствовавшего класса – уорки (второстепенные дворяне) – сидела на земле сеньоров (князей, тлекотлешей и дижинуго) на правах бенифииции, которая к XVII–XIX векам успела перерости в неотчуждаемую принадлежность ее владельцев (воотчина)¹².

Крестьяне (макъумэшыцэ – хлебопашцы) пользовались землей своих господ (князей и уорков разных степеней) и несли различные повинности в их пользу. Они по степени своей зависимости от феодалов разделялись на несколько категорий¹³.

В далеком прошлом кабардинское общество первонациально распадалось на шиши-уорков и тхокотлов. Тхокотлы

были экономически зависимы от уорков, но юридически свободными общинниками.

С развитием производительных сил тхокотлы расслабились, выделялась из них группа лагунопытов (экономически и юридически зависимые). Это крепостные дворовые крестьяне. В первой половине XIX века тхокотлов осталось немного, а лагунопыты стали наиболее многочисленным крестьянским сословием. Это значит, что крепостничество утвердилось окончательно.

Третья категория зависимых – оги (Гуэгу) – составляли переходную группу между лагунопытами и тхокотлами. Ог мог выкупить себя у своего владельца и тогда он переходил в категорию вольноотпущеных азат (юридически свободных, но экономически зависимых).

На самой низшей ступени стояли унауты (домашние холопы), которых к 1867 году насчитывалось 2 тысяч человек. Их в Кабарде называли безобразными (без всяких прав).

В Балкарии сами феодалы до середины XIX века называли себя «ак-сюек», что переводится как белая кость. В русских источниках их называли старшинами. С 1853 года с разрешения царских властей они стали называть себя таубиями – горскими князьями¹⁴. К таубиям относились такие фамилии, как Абаевы, Айдебуловы, Жанхотовы, Шакмановы, Уруслановы и др.

Балкарские таубии по своему статусу приравнивались к первостепенным кабардинским дворянам – тлекотлешам и дижинуго.

Среди крестьян наиболее многочисленной была категория каракиши¹⁵. Накануне отмены крепостного права их было 5 тысяч человек. Основная масса каракищей была обременена многочисленными феодальными повинностями.

Существовала категория зависимых крестьян под названием чагары или кулы. Они составляли основную массу крепостных крестьян.

На самой низшей ступени в балкарских обществах стояли казаки и караваши. Это домашние рабы, на которых, как и в Кабарде, не распространялось обычное право, т. е. были совершенно бесправными¹⁶.

Таковы социальные отношения в Кабарде и балкарских обществах в самых общих чертах.

Основными отраслями хозяйства кабардинцев в XVI–XVIII веках были скотоводство и земледелие. В первой

половине XIX века земледелие начинает приобретать преимущественный характер.

Общая совокупность данных (статистических данных по указанному периоду нет) свидетельствует о том, что с древних времен главным занятием кабардинцев было скотоводство. В XVIII веке Жан Батист Тавернье писал, что в Черкесии (т. е. в Кабарде) «главное богатство – скотоводство, что там прекрасные лошади, овцы дают прекрасную шерсть, есть также быки и коровы, но посредственные»¹⁷.

В силу особых исторических условий в Кабарде сложился военно-феодальный режим. Конница стала кафовой привилегией господствующего класса, наездничество – профессией каждого дворянина (урока). Успех воина-урока в бою во многом зависел от качества его коня.

Такое значение коня в военной и социальной жизни кабардинцев предопределило развитие коневодства в стране, целью которого становится постоянная забота об улучшении породы лошадей. В XVII–XIX веках были такие знаменитые породы кабардинских лошадей, как «Шоулох», «Бейкан», «Трама», «Хуара», «Шагди»¹⁸.

Ханы, султаны, цари и царицы дальних и ближних государств высоко ценили кабардинских лошадей и охотно их принимали как ценный подарок...

Коневодство не только удовлетворяло потребности страны, но и носило товарный характер. В целом скотоводство в Кабарде носило товарный характер. В записке, составленной коллегией иностранных дел в 70-х годах XVIII века указано, что «из Кабарды купцы... в Кизляр, в Астрахань и Черкесск... пригоняли... на продажу равно и другие места лошадей во множестве, рогатый скот и овец стадами»¹⁹.

В целом скотоводство было на сравнительно высоком уровне развития, оно было хорошо приспособлено к экономическим потребностям общества и внешнему рынку того времени. Об этом свидетельствует вывоз продуктов скотоводства.

По сведениям французского консула в Крыму М. Пейсонеля в 1750–1762 годы из Черкесии через порты Таманского полуострова ежегодно вывозилось²⁰:

Мытой шерсти – от 80 до 100 тысяч цент.

Овечьих шкур – 500 тысяч штук.

Бычьих рогов – 200 тысяч штук.

Соленой кожи крупного рогатого скота – 5–6 тысяч штук.

Бурок – 200 тысяч штук.

Кусков сукна – 100 тысяч штук.

Суконных штанов – 50–60 тысяч штук.

Черкесок – 5–6 тысяч штук и т. д.

Для вывоза такого количества товаров Черкессия в XVIII веке должна была иметь свыше 11 млн овец, в том числе Кабарда 1 млн голов.

Основу хозяйственной жизни балкарских обществ на протяжении многих столетий составляло скотоводство. В статистическом обзоре барона Бревского за 1837 год отмечалось, что их «главная промышленность состоит в овцеводстве». А в военно-статистическом обзоре за 1851 год имеются сведения, что балкарцы «лошадей и рогатого скота держат мало, но преимущественно разводят овец. Кроме того, в каждом доме находятся ослы и катеры, столь необходимые и полезные для переездов и перевозки товаров в их горной стране, у них по такому же расчету, как у дигорцев, приходится на каждый двор по одной штуке рогатого скота и по 10 или более овец»²¹.

Овцеводство обеспечивала балкарцев наиболее жизненно важными материалами для одежды и пищи.

Земледелие является давним занятием кабардинцев, неотделимой частью их экономики. Архивные источники свидетельствуют, что кабардинцы в XVIII–XIX веках отводили обширные районы под посевы зерновых.

Экстенсивное земледелие, присущее феодализму в основном удовлетворяло потребность населения в хлебе и фураже.

Основной полеводческой культурой XVI–XIX веков оставалось просо. Оно лучше всего было приспособлено к распространенной в то время переложной системе земледелия.

Сравнительно большое развитие скотоводства в сочетании с переложной системой земледелия, а также политические и военные обстоятельства обусловили своеобразную бытовую жизнь кабардинцев в XVI–XVIII веках – неполную оседлость. Поэтому у них не было городов, в смысле центров, сосредотачивающих постоянное оседлое ремесленное и торговое население. Об этом писали Джорджи Иниериано в XV веке, Жан Батист Тавернье в XVII веке. В XVIII–XIX веках об этом также свидетельствовали мно-

гие европейские и русские путешественники, побывавшие на Северном Кавказе.

Земледелие у балкарцев, как и у кабардинцев, до середины XIX века носило подчиненный скотоводству характер.

Касаясь роли земледелия в жизни балкарцев современник крестьянской реформы Н. Ф. Грабовский писал: «Впрочем справедливость требует сказать, что незначительное хлебопашество составляет большое подспорье и экономию в жизни и трудах горцев. Добившись с этих полей четверть другую хлеба, горец выгадывает две-три лишние поездки для покупки его на плоскость, которые каждый раз по меньшему расчету, отнимают 4–6 суток»²². Основной хлебной культурой у балкарцев был ячмень.

У кабардинцев и балкарцев широкое развитие получила домашняя промышленность. Они занимались производством шерстяных, войлочных и кожаных изделий, в том числе и конской упряжи и седел, бурок, одежды, оружия и орудия труда.

Добыча железа и серебра составляла профессиональную тайну немногих лиц. Особым искусством славились кабардинские оружейники. В XV веке Джорджио Интериа-но писал, что «у черкесов стрелы лучшие в мире». В XVIII веке распространение получило и производство огнестрельного оружия. Искусство кабардинских мастеров «панцирного и сабельного дела» ценились на Руси. Правда в XVIII–XIX веках производство оружия в Кабарде значительно падает. Видимо, это объясняется появлением возможности приобретать в других странах огнестрельное оружие.

Источники XVI–XVIII веков не знают среди кабардинцев и балкарцев профессиональных торговцев. Внутренняя торговля, как и торговля с соседними народами развивалась слабо. Ярким показателем этого является отсутствия у адыгов своего денежного хозяйства. В XIX веке в связи с более тесными экономическими и торговыми связями с Россией и распространением русских денег у кабардинцев нужда в собственной денежной единице отпала. Отсюда видно, что торговля по-прежнему продолжала носить монетовой характер.

Для осуществления торговых дел кабардинские князья нанимали себе посредников из армян и горских евреев.

В XVIII–XIX веках торговля с Россией приобретает более оживленный характер. В первой половине XIX века

специально для торговли в Кизляре, Моздоке и Георгиевске открываются меновые дворы. Но торговля с русскими купцами для кабардинцев и балкарцев носила неэквивалентный характер. Товары русской промышленности продавались дороже, чем на самом деле они стоили, а товары горцев покупались русскими по заниженным ценам.

1.3. Политический строй

До недавнего времени было немало споров о том, сложилась ли государственность в Кабарде до ее включения в состав России, и какова форма этой государственности? Возникновение этого спора объясняется сознательной фальсификацией истории Кабарды до 1917 года не только дореволюционными историками дворянско-охранительного направления, но и советскими исследователями. Первые это делали, выдавая колониальную политику царизма за цивилизаторскую, а вторые, чтобы подчеркнуть значение Октябрьского переворота в жизни кабардинцев и балкарцев.

В 70-х годах, благодаря исследованиям Е. Дж. Налеевой первая часть вопроса (споры) перестала быть дискуссионной²³.

Сейчас лишь немногие сомневаются в том, что в XVI–XVIII веках в Кабарде имелись все атрибуты суверенного государства. Но, что касается формы государственности, то здесь еще нет установившегося мнения. Е. Дж. Налеева определила политический режим Кабарды XVIII века, как тип аристократической республики во главе с пожизненно выборным князем – олишищ²⁴.

В. Х. Кажаров такое определение считает не вполне точным. Скрупулезно анализируя данные архивных материалов и точки зрения таких авторитетов как Г. Ю. Клапрота, С. Броневского, Тебу де Мариньи, хорошо знакомых с особенностями политического правления в Кабарде, он определил государственно-политический строй Кабарды в XVI–XVIII веках как сословно-представительную монархию в форме федеративной княжеской республики²⁵.

Думается, что Кажаров прав в целом, хотя и этот вариант нельзя считать окончательно утвержденным. Историки и правоведы еще не сказали свое последнее слово по этому аспекту государственности Кабарды.

Государство – это специфическая форма организации общества. Важнейшим признаком государства является его суверенность, которая выражается в том, что только ему принадлежит право официально представлять все общество в целом внутри страны и вовне, издавать законы и осуществлять правосудия.

Государство имеет следующие составные элементы: *система представительных учреждений* (*парламенты и др.*); *исполнительно-распорядительные органы* (*правительство, министерства и др.*); *судебные органы, надзорно контрольные инстанции*.

Любое государство исполняет две группы функций: внутренние и внешние. К внутренним функциям относятся: защита существующего социально-политического строя; регулирование социальных, экономических, национальных и социальных отношений; охрана общественного порядка; культурно-воспитательная работа. К внешним функциям относятся: обеспечение обороны и территориальной целостности страны, защита интересов государства на международной арене (политического суверенитета).

Разумеется, речь идет об основных признаках современного государства. Но, следует иметь в виду, что в прошлом, как в рабовладельческом, так и в феодальном обществах, при разных формах и особенностях государственного устройства их функции (внутренние и внешние) были теми же, что и сегодня.

В XVI – первой четверти XIX века Кабарда являлась суверенной страной со своим особым государственным и общественным устройством, которое в основных чертах имело много общего с государственным устройством стран Западной Европы, Прибалтики и России периода раннего феодализма. Но, в отличие от названных стран, в Кабарде, в силу особых исторических, социально-экономических условий, до начала XIX века затянулось господства средневековых институтов правления. В этом главная особенность общественно-политического развития Кабарды.

Но в XVI – первой половине XIX века Кабарда по сравнению со своими соседями по своему общественному развитию стояла значительно выше. В это время в Кабарде, как мы уже отмечали выше, уже господствовали феодальные отношения, тогда как у некоторых народов (чеченцев, ингушей) процесс классообразования еще не завершился.

Кабарда в XVI – первой четверти XIX века состояла из удельных княжеств при наличии постоянно действующих (функционирующих) общекабардинских законодательных, исполнительных и судебных органов²⁶.

Законодательные функции осуществляла Хаса (совет) – сословно-представительный орган всей Кабарды²⁷. На общекабардинскую Хасу первоначально возлагались в основном законотворческие и военно-оборонительные функции. Но потом выборам Верховного князя Кабарды стали придавать не маловажное значение.

В феодальной Кабарде в XVI–XIX веках было несколько видов хасы²⁸: общекабардинская Хаса, Хаса в отдельном уделе, Хаса в нескольких уделах, Хаса одной партии (XVIII век). Обязательные для всей страны решения принимались на общекабардинской Хасе – Совете всех удельных князей с уорками, созываемой Верховным князем. Решения остальных видов собраний имели местное или региональное значение.

Высшим исполнительным институтом власти всей Кабарды был Верховный князь (шышихуэ, олиппи) со своим аппаратом управления²⁹. Верховного князя избирали на общекабардинской Хасе. Избрали из числа удельных князей пожизненно, из той фамилии, которой досталось очередьность. Потом избирали другого, с другой княжеской линии, чья очередь подошла. Ввиду этого выборы в сущности, сводились к формальному узаконению традиционного права. Тем не менее они являлись большим политическим событием в стране, вокруг которого разгоралась острые борьбы между феодальными группировками часто переходившая в открытое столкновение. К таким событиям не оставались равнодушными соседние державы, заинтересованные иметь своего сторонника в Кабарде.

Как было сказано выше, Верховным князем избирался один из удельных князей. С этого времени его замок – двор «внутри каменной ограды» – становился резиденцией Верховного князя, как бы столицей, политическим центром всей Кабарды. Но в виду низкого уровня развития базиса политическое объединение затрагивало незначительные сферы.

Верховный князь текущие дела решал при содействии Кодза (соправителя, избираемого первостепенными дворянами из своей среды) и «малого совета», а по более серьезным делам созывал общекабардинскую Хасу. Дело-производство велось сугубо устно, если не считать писаря

князя, который составлял деловые письма к главам и различным сановникам соседних держав.

Мы не ставим своей целью проследить всех, кто был Верховным князем Кабарды на протяжении XVI–XIX веков. Однако будет небезынтересным упомянуть некоторых из них. По общепринятому мнению и согласно преданиям родоначальником адыгских князей является Инал (XV век). В 50–70-х годах XVI века «большим князем» Кабарды был Темрюк Идаров. При нем и по его инициативе, как нам уже известно, был заключен военно-политический союз между Кабардой и Московским государством.

В 1700–1709 годах Верховным князем Кабарды был Кургоко Атажукин. Это он возглавлял разгром крымского хана Каплан-Гирея в 1708 году. Тогда в Крым вернулось всего лишь 5 тысяч татар из 40 тысяч, в Керчь 30 человек из 4 тысяч турок. По словам турецкого историка Рашида Эфенди «никогда не слыхано было такого их избиения».

С 1709-го по 1718 год Верховным князем Кабарды был двоюродный брат Кургоко Атажукина князь Хатошко Мисостов. Он возглавил весьма успешный Кубанский поход против крымско-ногайской группировки войск во время так называемого Прутского похода Петра I на Балканы. По сообщению летописных источников 30 августа 1711 года кабардинцы совместно с русскими войсками под командованием А. П. Апраксина разгромили отборные войска противника и обратили их в бегства.

В 1746–1749 годах Верховным князем Кабарды был Батоко Бекмурзин. Он отличался чрезмерной суворостью и был изгнан. По праву старшего после него Верховным князем стал Жамболат Кайтукин.

Последним Верховным князем Кабарды был полковник русской армии Кучук Джанхотов, с 1809-го по 1830 год. При нем царизм завершил завоевание Кабарды и ликвидацию ее государственности. После смерти Кучука Джанхотова прекратилась традиция выбора Верховного князя и вся полнота власти перешла к приставу Кабарды и к созданному А. П. Ермоловым, Временному Кабардинскому суду. Таким образом был ликвидирован институт Верховного князя Кабарды.

Высшей судебной властью в Кабарде была Хейжа (хэ-яшцэ)³⁰. Членов суда избирали на Хасе. Председателем суда, как правило, являлся Верховный князь. В основе судопроизводство лежало обычное право кабардинцев. Наряду с Хейже были еще и мусульманские суды – Мехкеме,

руководствовавшиеся в своей деятельности нормами мусульманского законодательства (шариатом).

В Кабарде имелась и общекабардинская вооруженная сила, дворянское ополчение. В случае внешней опасности удельные князья со своими вооруженными отрядами являлись к Верховному князю. Последний автоматически становился Главнокомандующим (Дээпш).

Как было сказано выше, Кабарда состояла из удельных княжеств³¹. На рубеже XVII–XVIII веков их было пять, но потом их количество увеличилось до шести. Это уделы (княжества) Джамболатовых, Кайтукиных, Мисостовых, Атажукиных (в Большой Кабарде), Гелехстановых и Талостановых (в Малой Кабарде).

Каждое удельное княжество обычно состояло из нескольких десятков деревень (къуажэ). Главой удела автоматически становился тот, кто из князей удела (фамилии) был старшим по возрасту. Он своим уделом управлял «при помощи подвижного управленческого аппарата»: казначея, дворецкого, писаря, «ближних узденей» – личных телохранителей – сравнительно большого числа бейголов и пшикеу, выполнявших функции сборщика податей, судебного исполнителя, полицейских, посыльного и др.

В княжеских уделах самой низшей административной единицей управления была деревня, где владелец села (къуэжэпш) осуществлял административно-политическую власть³². В его компетенцию входили также хозяйственно-распорядительные функции.

Правовой основой всей общественно-политической жизни Кабарды являлось обычное право, регулировавшее отношения между различными классами и сословиями³³, а также нормы поведения людей в обществе и семье, известные под названием Адыгский этикет (Адыгэ хабзэ)³⁴.

Как было отмечено выше в XVIII – первой половине XIX века балкарское общество было феодальным. Господствующий класс представляли таубии. Вся судебная, исполнительная и административная власть фактически принадлежало им.

В народном суде – Тёре заседали старейшие таубии. При рассмотрении крестьянских вопросов приглашали и представителей от крестьян. С распространением и упрочением мусульманства в суде стал заседать и кадий (законовед, судья). Дела решались главным образом по адату³⁵. Если возникали вопросы не предусмотренные адатой

ми балкарцев, то Тёре устанавливал новый обычай. Таким образом Тёре являлся и законодательным органом.

Помимо главного Тёре в Черекском ущелье в каждом обществе имелся свой суд. В сборнике балкарских адатов сказано, что в этих местных судах заседали «избранные почетные старики из всех классов». Они собирались под открытым небом в определенном месте, которое называлось «ныгъыш».²⁶

Таково в общих чертах общественно-политическое устройство Кабарды и балкарских обществ в XVI–XVIII веках. Из всего изложенного видно, что Кабарда и Горские общества, до их инкорпорации в состав России, представляли собой типичные феодальные общества, где в силу особых исторических условий продолжали сохраняться средневековые институты власти и управления.

2. К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ КАБАРДИНО-РУССКИХ И БАЛКАРО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЙ В XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

В настоящее время историки республики принимают участие в подготовке специального издания, посвященного 450-летию союза и дружбы Кабарды с Россией. С высоты уже достигнутого исторической наукой уровня, там могут быть расставлены акценты по очень непростым вопросам кабардино-русских и балкаро-русских отношений в прошлом. Сложность этой проблемы, на мой взгляд, заключается в следующем:

Во-первых, ее нельзя рассматривать как одно событие на каком-то определенном отрезке времени. Русско-кабардинские отношения указанного периода, как мы знаем, представляют собой длительный исторический процесс, имеющий этапы с различными политико-событийными характеристиками. Одно дело кабардино-русские отношения в XVI – первой половине XVIII века, другое дело в годы Русско-Кавказской войны, совсем иное – во второй половине XIX – начале XX века.

Во-вторых, при всем желании историки не могут дать сегодня гарантию полной объективности и полноты освещения данной проблемы, так как они располагают лишь российскими источниками. О том, что рассказывают крымско-турецкие архивы, к нашему сожалению, мы пока не

знаем. Когда будет устранен этот недостаток сказать трудно.

В-третьих, кабардино-русские отношения в прошлом не следует рассматривать исключительно с позиции сегодняшних реалий, а будет более правильным, если это делать в историческом контексте XVI – начала XX века, с учетом как внутренних условий каждой из сторон, так и международных обстоятельств, без амбиций и перехлестов.

Если при изучении кабардино-русских отношений следовать принципам историзма, нетрудно будет заметить, что в XVI веке, а точнее в 1552–1557 годах были заложены лишь основы союзнических отношений на перспективу, когда были определены общие интересы и взаимные обязательства сторон. Совместная борьба против Крыма и Турции оставалась приоритетной, а взаимная военная помощь обязательным условием союза от Ивана Грозного до Елизаветы Петровны. Но для историка является очевидным, что сложившиеся между Москвой и Кабардой отношения нельзя трактовать, как союз между двумя однозначно равными сторонами.

Кабарда страдала больше от крымско-турецкой экспансии, и она располагала для борьбы с ней меньшими возможностями, чем Россия того времени. Последняя также сильно страдала от набегов крымских татар и турок, но для нее во второй половине XVI века приоритетной внешнеполитической задачей стала война с Ливонским орденом. Поэтому, адыго-кабардинцам удалось уговорить Ивана IV заключить союз лишь с третьей попытки³⁷. Разумеется, интересы Кабарды и России совпадали, и это послужило основой для переговоров и соглашения. Но в этом союзе в роли покровительствующей стороной выступала Россия, тогда как Кабарда была в положении нуждающегося в покровительстве (в защите). Поэтому на всех переговорах между кабардинцами и русским царем речь шла о том, чтобы последний заступился за них, защищал и оберегал. При этом адыги (кабардинцы) просили царя, чтобы «он взял к себе в холопы»³⁸, что означало утвердить их на царскую службу. Таким образом, русский царь приобрел по отношению к кабардинцам статус сюзерена, а сами кабардинские феодалы выступили в роли его подданных, обязанных только службой. В дипломатической переписке XVI–XVIII веков с обеих сторон при определении статуса кабардинцев чаще всего употребляется термин «подданства», хотя их отношения к престолу по своему

характеру больше соответствовали понятию «вассальства». Думаю, что российское руководство в лице императора Павла I в конце XVIII века имело полное основание заявить, что народы Северного Кавказа, разумеется, в первую очередь кабардинцы, «находятся более в вассальстве нашем, нежели в подданстве»³⁹.

Подданство предполагало вхождение Кабарды в территориальное пространство России, чего на самом деле не было до 1822 года. Даже во время второго и третьего адыго-кабардинских посольств речь шла только о службе всем народом, до конца жизни («*со всею землею Черкасскую*» ... «*до своего живота*»)⁴⁰. Отсюда видно, что на этих переговорах уже не было речи о том, чтобы царь «*их с землями взял к себе*» как это было во время первого посольства⁴¹. Нельзя забывать и о том, что в XVI веке и позже у кабардино-русского союза было немало противников, которые считали, что мир в Кабарде будет более надежным, если найти общий язык с Крымским ханством и Турцией. Но спрашивается, как можно было найти согласие с тем, кто требовал полного подчинения и плату позорной дани людьми. Мы должны так же учитывать, что кабардинцы в качестве покровителя избрали Москву и по религиозным причинам. Шора Ногмов писал, что кабардинцы прибегли под покровительство русских как к единоверцам. Но, как мы уже знаем, в последующее время благодаря усилиям Крыма и Турции, постепенно, произошла смена религиозных взглядов кабардинцев в пользу ислама. Отсюда можно заключить, что кабардино-русские отношения развивались в очень непростых условиях. Видимо с учетом этих обстоятельств и позиций Крыма с Турцией царский двор и кабардинцы на протяжении длительного времени не ставили вопрос о фактическом вхождении, хотя в зависимости от политической обстановки, заявляли о подданныхских отношениях. Таким образом, в XVI–XVIII веках подданство в понимании кабардинских феодалов, скорее всего, означало, службу царскому престолу за то, что последний покровительствовал и платил им жалованье.

Союзническо-покровительственный характер отношений кабардинцев с царем позволял Кабарде сохранять территориальный и политический суверенитет. Кабардинские посольства, прибывавшие в Москву, после каждой смены престолонаследия, принимались самим царем в торжественной обстановке, как иностранные гости. А они,

как правило, добивались подтверждения союзнических обязательств с обеих сторон. Из достоверных источников нам также известно, что кабардинские князья на протяжении ряда десятилетий обращались в Москву за царской грамотой «на большое кабардинское княжение»⁴². Многочисленные челобитные, шертные записи, листы и письма, с которыми кабардинские владельцы обращались к царской персоне, не оставляют сомнения в том, что в XVI – первой половине XVIII века они воспринимали русского царя не иначе как верховного сюзерена. В своих обращениях к нему они, как правило, подтверждали свое подданство, просили: защиту не только от внешних врагов, но и от соперников у себя в стране; назначения жалованья за службу; о «не взимании» таможенных пошлин; по поводу аманатов и так далее⁴³.

Несмотря на все это, в XVI–XVII веках царские власти, в дипломатической переписке с турецким султаном, могли заявить лишь о союзническо-подданических отношениях с кабардинцами⁴⁴. В ответ на это турецкие власти отвечали абсурдной (для нас сегодня) претензией, что кабардинцы в прошлом были данниками (вассально зависимыми) золотоордынских ханов и что эти отношения (права), после распада Золотой Орды, перешли к Крымскому хану, как к правопреемнику. Игнорировать эту ситуацию и присоединить Кабарду, как это было с Казанским (1552) и Астраханским (1556) ханствами, Москва не имела возможности, так как для этого на данном этапе у нее не было сил, да и Кабарда не планировала такого варианта. Заметим, что до 60-х годов XVIII века в Кабарде не было российской администрации, ее внутренняя и внешнеполитическая жизнь протекала исключительно по местным традициям и законам, то есть Кабарда оставалась самостоятельной страной. Да и Терский город, расположенный в устье Терека, в котором размещался русский воинский гарнизон, находился за пределами территории Кабарды и выполнял в основном функции обороны южных рубежей России и оказания помощи ее союзникам на Кавказе. Поэтому определение взаимоотношений Кабарды с Россией как подданических имело, скорее, значение союзнических, а не вхождение. Такой подход уже закрепился в научной литературе и в учебных изданиях для школ и вузов нашей республики.

Кабарда в начале XVIII столетия становится «яблоком раздора» между Крымом и Турцией, с одной стороны, и

Россией, с другой. Россия ни в XVII-ом, ни в начале XVIII века на международном уровне не смогла добиться, чтобы Турция и Крым признали подданические отношения Кабарды к ней. Поэтому, когда Кабарде угрожала опасность и она не получала своевременную военную помощь со стороны России (так часто бывало), она вынуждена была вести гибкую внешнюю политику, чтобы отвести от себя новые разорительные набеги со стороны Крыма и Турции. Нет сомнения, что кабардино-русские отношения поднимали авторитет Кабарды на Кавказе и служили сдерживающим фактором крымско-ногайско-турецкой агрессии. Но есть все основания утверждать, что во второй половине XVII – начале XVIII века Кабарда в свою очередь оказывала помощь России в осуществлении ее внешнеполитических задач. Примеров тому достаточно много.

В кабардино-русских отношениях есть еще один важный аспект, который вводит в заблуждение наших читателей, а иногда и историков. Это то, что в Кабарде с XVI века, как постоянный фактор, имели место две феодальные группировки (с 20-х годов XVIII века по русской терминологии «партии»), которые не всегда были последовательными в своей внешнеполитической ориентации. Когда Россия по разным причинам не могла оказывать Кабарде своевременную военную помощь, изначально прорусская Кашкатауская партия вынуждена была стать более сговорчивой к требованиям Крыма и Турции. Было и наоборот, когда Баксанская партия обращалась за помощью к России в борьбе со своими политическими противниками, не только внешними, но и внутри страны. Отсюда видно, что наличие или отсутствие единства (стабильности) внутри Кабарды во многом зависело от внешнеполитических обстоятельств, так как она была уязвимой в отношениях с великими державами, какими тогда были Турция и Россия. Если бы у Кабарды был только один противник в лице Крыма или Ногайской орды, то она смогла бы постоять за себя вместе со своими соседями. Многовековая история помнит, немало таких случаев, когда кабардинцы с позором изгнали со своей территории чужеземных поработителей и могли проучить зазнавшихся крымских ханов, ногайских мурз и турецких паша.

Серьезно вопрос о вхождении Кабарды в состав России стал только в начале XVIII века, когда Азов стал российским и выход к Черному морю был поставлен в практичес-

скую плоскость. Инициатором стал Петр I, который проявил заинтересованность в дальнейшем углублении отношений с западными адыгами и кабардинцами, в связи с чем запрашивал азовского губернатора «*похотят ли они с нами заодно быть*»⁴⁵. Сразу заметим, что с обычными подданными царский двор так не обращался.

В отношениях с Кабардой Россия пошла еще дальше накануне Русско-турецкой войны 1710–1711 года. Чтобы лишить крымчан возможности участвовать в русско-турецкой войне на стороне осман, на Северный Кавказ был послан сподвижник Петра I Александр Бекович-Черкасский (он происходил из знатного кабардинского рода Джамбулатовых, был капитаном русской армии и личным советником царя по восточным вопросам)⁴⁶.

Миссия нашего соотечественника успешно завершилась. На переговорах кабардинцы и другие народы торжественно подтвердили свою преданность России и выразили готовность в случае войны с Турцией собственными силами защитить побережья Каспийского и Черного морей от вторжения вражеских войск, а так же «*чинить поиски*» на Крым и кубанских ногайцев, если они выступят на стороне Турции⁴⁷. По сохранившимся сведениям кабардинцы сдержали свое обещание и летом 1711 года организовали поход на Кубань, который завершился весьма успешно...

Для нас представляет значительный интерес тот факт, что Александр Бекович-Черкасский во время пребывания на Северном Кавказе (1711) от имени русского правительства подписал договор с кабардинскими князьями, в котором Россия обязывалась: *включить Кабарду в состав России на правах автономного управления ...; оборонять ее от внешних врагов ...; не брать с кабардинцев ни налогов, ни податей; платить ежегодно жалованье кабардинским владельцам, находящимся на русской службе*⁴⁸. В свою очередь кабардинцы обязывались: *сохранять верность России, нести пограничную службу, выставлять каждый раз войска и участвовать, в случае необходимости, в военных походах против Турции и Крымского ханства*⁴⁹.

Таким образом, по нашим сведениям, только при Петре I серьезно возник вопрос о вхождении Кабарды как суверенного и независимого государства в состав России, при этом на исключительно благоприятных условиях. До этого речь могла идти только о союзе двух стран и подданстве отдельных владетелей или группы кабардин-

ских феодалов царскому престолу. Если внимательно вчитаться в содержание этого договора станет понятным, что он означал не столько вхождение, сколько присоединение, так как «автономия» предполагала сохранение на присоединяемой территории прежних традиционных общественных институтов, а не установление новых порядков, как предусматривается при территориальном вхождении.

Условия указанного договора были притворены в жизнь лишь частично, поскольку Россия в 1711 году в войне с Турцией потерпела поражение. России пришлось подписать тяжелый Прутский мирный договор, предусматривающий возвращение Турции Азова, срытие Таганрога, уничтожение Азовского флота и вывода русских войск из Польши⁵⁰. А кабардинский вопрос, на положительное решение которого рассчитывали в Кабарде на случай победы России, и вовсе не рассматривался. Таким образом, Россия не смогла выполнить свои обязательства перед Кабардой: ни включить ее в свои территориальные владения, ни полноценно защищать. Как свидетельствуют письменные источники, Россия лишь от случая к случаю выплачивала жалованье кабардинским феодалам за службу. Что касается возвращения беглых холопов своим владельцам, то и это, со временем, становится «камнем преткновения» в кабардино-русских отношениях XVIII века⁵¹. Но это не значит, что русско-кабардинские отношения из-за этого прекратились. Наоборот, в исключительно сложных международных условиях, с перерывами и медленно, но в целом поступательно развивались эти отношения.

В первой половине 30-х годов XVIII века дипломатическая борьба за Кабарду возобновилась с новой силой. Турция настаивала на вассальстве Кабарды Крыму, а Россия на подданстве. Дипломатическая борьба настолько обострилась, что она привела к вооруженному конфликту между Турцией и Россией⁵². Нападение крымских татар и турок на Кабарду вызвало в 1735 году ответные действия русских войск против Азова, что послужило поводом к новой Русско-турецкой войне (1735–1739). В этой войне кабардинцы приняли самое активное участие на стороне России. Но по вине Австрии, в союзе, с которой воевали русские, Россия вынуждена была подписать с Турцией невыгодный для себя мир.

В 1739 году на Белградской мирной конференции русские дипломаты вынуждены были отступить от своей первоначальной позиции: от проведения границы между

Турцией и Россией по Кубани и от присоединения Кабарды к России. В конечном итоге они согласились с принципом нейтралитации Кабарды, давно выдвигавшейся турками⁵³.

Согласно статье 6 Белградского мирного трактата, Кабарда провозглашалась «вольной» и должна была служить своеобразным барьером между владениями России и Турции. Обе империи обязывались не вмешиваться во внутренние дела кабардинцев. Отсюда видно, что Россия не выполнила принятые на себя обязательства перед кабардинцами по договору 1711 года, по которому Кабарда включалась бы в состав России на правах широкого автономного управления. В связи с этим мы солидарны с мнением К. Ф. Дзамихова, что «Если бы царское правительство считало кабардинские земли неотъемлемой частью своей государственной территории, то вряд ли оно пошло на такой шаг»⁵⁴. Тем более, если бы этой территорией оно владело с середины XVI века.

6-я статья Белградского мира имела большое значение для Кабарды, так как она объявляла ее суверенным государством и тем самым она становилась субъектом международных правовых отношений. Это во-первых. Во вторых, она сняла угрозу крупномасштабных акций со стороны Крыма и Турции почти на треть века. По нашему мнению не правы те историки, которые утверждают, что «нейтрализация Кабарды не отвечала ни интересам России, ни потребностям самого кабардинского народа»⁵⁵. На самом деле потребностям кабардинцев не отвечал ни статус «нейтральной» и «вольной» страны, а то, что Россия и Турция сознательно не оговорили внешние границы Кабарды под предлогом их «неопределенности», что в будущем сделало уязвимым ее территориальный и политический суверенитет.

Как показала жизнь, ни Турция, ни Россия всерьез не собирались соблюдать на практике принцип невмешательства во внутрикабардинские дела. В Кабарду постоянно засыпали турецкие эмиссары и русские агенты, разумеется, для агитации в свою пользу. Именно в условиях действия Белградского мира Россия, без согласия Кабарды, начала строительство на ее северо-восточной территории Моздокской крепости (1763), вокруг которой, вскоре, стали создаваться казачьи станицы. С этого времени кабардино-русские отношения приобретают иной характер, что может быть темой отдельного разговора.

Таким образом, Кабарда с середины XVI-го до 60-х годов XVIII столетия состояла в союзе и покровительстве с русским государством. Думаю, что прав кавказовед К. Ф. Дзамихов, когда он пишет, что «Оном подданстве, то есть инкорпорации Кабарды в состав России можно говорить только по отношению к XIX веку»⁵⁶.

Историю Горских (балкарских) обществ в XVI–XIX веках и балкаро-русские отношения нельзя рассматривать вне связи с историей Кабарды. Развитие кабардино-русских отношений в XVI–XVII веках способствовало налаживанию в XVII веке и балкаро-русских связей. Этому способствовало также строительство Терского города и развитие русско-грузинских отношений. На перевальных путях через горы в Грузию жили балкарцы и карачаевцы. Путь в Имеретию лежал через Суканское и Черекское, а в Сванетию и Мигрелию через Баксанское ущелья. Установлению русско-балкарских связей способствовали русские посольства в Имеретии в 1639-ом и 1650 годах. Артутай Айдебулов был первым из балкарцев, который побывал в Москве в 1658 году вместе с кахетинским царем Таймуразом⁵⁷.

Но мы не располагаем документальными данными о том, что эта поездка имела какие-нибудь практические последствия для балкарских обществ. Лишь в конце XVIII века балкарские таубии делают попытки начать переговоры с Кавказской военной администрацией на предмет налаживания прямых отношений с Россией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 74.

² Там же. С. 70.

³ История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 132; История народов Северного Кавказа... М., 1988. Т. 1. С. 367.

⁴ История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 196.

⁵ Там же. С. 133.

⁶ Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965. С. 57.

⁷ Налоева Е.Дж. Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII века.: Автограф. дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1973. С. 9.

⁸ История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 133.

⁹ Там же. С. 134.

¹⁰ Там же. С. 196.

- ¹¹ Думанов Х. М. Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Нальчик, 1990. С. 184–190.
- ¹² Налоева Е. Дж. К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в первой половине XVIII в. // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1968. Вып. 1. С. 65, 66.
- ¹³ Там же. С. 69–78; Думанов Х. М. Указ. раб. С. 131–184.
- ¹⁴ История Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1995. С. 150.
- ¹⁵ История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 207.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Адыги, балкарцы и карачаевцы в... С. 74.
- ¹⁸ Ашибоков Л. Х. Кабардинские аргамаки и современное коневодство. Нальчик, 1995.
- ¹⁹ Цит. по кн.: Тхамоков Н. Х. Социально-экономический строй кабардинцев и балкарцев в XVIII в. Нальчик, 1961. С. 28.
- ²⁰ Адыги, балкарцы и карачаевцы в... С. 196–197.
- ²¹ Цит. по кн.: Битова Е. Т. Социальная история Балкарии XIX века. Селевская община. Нальчик, 1997. С. 85.
- ²² Кавказские горцы. Сборник сведений. Тифлис, 1870. Вып. 3. С. 7.
- ²³ Налоева Е. Дж. К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды первой половины XVIII века // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1972. Вып. 6. С. 69–88.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Боров А. Х., Думанов Х. М., Кажаров В. Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. С. 19.
- ²⁶ Налоева Е. Дж. Указ. раб. С. 69–88.
- ²⁷ Там же. С. 79–81.
- ²⁸ Кажаров В. Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 1994. С. 230–240.
- ²⁹ Налоева Е. Дж. Указ. раб. С. 81–83.
- ³⁰ Там же. С. 83, 84.
- ³¹ Там же. С. 73–79.
- ³² Там же. С. 72, 73.
- ³³ См. Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в XV–XIX вв. / Сост.: Х. М. Думанов, Ф. Х. Думаикова. Майкоп, 1997. С. 45–70, 79–106.
- ³⁴ Багжноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978.
- ³⁵ Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев... С. 118–126.
- ³⁶ Там же. С. 122, 123.
- ³⁷ Кумыков Т. Х. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивное значение. Нальчик, 1957; Карданов Ч. Э. У истоков дружбы. Нальчик, 1982; Дзамихов К. Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик, 1994. С. 57–71; Мамбетов Г. Х. 1557 год – присоединение или военно-политический союз? // Сборник статей молодых ученых и аспирантов. Майкоп, 1993. С. 5–25.
- ³⁸ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. 1. С. 3.
- ³⁹ История народов Северного Кавказа (конец XVIII–1917 г.). М., 1988. С. 16.

- ⁴⁰ Кабардино-русские отношения... С. 3.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Сокуров Б. Н. Кабардинские грамоты XVI–XVIII вв.: Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1981. С. 162–201.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 166.
- ⁴⁵ Там же. С. 162.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же. С. 236.
- ⁴⁸ Налоева Е. Д. Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XIX века.: Дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1973. С. 12.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Алоев Т. Х. К вопросу о международно-правовом статусе Кабарды // Исторический вестник КВНИИ. Нальчик, 2005. Вып. 1. С. 223, 224.
- ⁵² История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 166, 167.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Дзамихов К. Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик, 1994. С. 60.
- ⁵⁵ История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 167.
- ⁵⁶ Дзамихов К. Ф. Адыги и Россия. М., 2000. С. 118.
- ⁵⁷ История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 129, 167.

КАБАРДА И ГОРСКИЕ (БАЛКАРСКИЕ) ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ПРИСТАВСКОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (1769–1858)

1. ВВЕДЕНИЕ ПРИСТАВСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В КАБАРДЕ И ГОРСКИХ (БАЛКАРСКИХ) ОБЩЕСТВАХ

О том, как создавались и какое место занимали приставские формы правления в Кабарде и балкарских обществах затрагивались в трудах С. Н. Бейтуганова, Т. Х. Кумыкова, Ж. А. Калмыкова, Г. Н. Малаховой и других историков¹. Но до сих пор нет даже специальной статьи по этой теме.

В настоящей работе делается попытка собрать и обобщить фрагментарные сведения об институте приставства, содержащиеся в различных изданиях, в том числе и документальных.

В XVI – первой половине XVIII века связи между Кабардой и Россией осуществлялись через специальные взаимные дипломатические посольства, Астраханского генерал-губернатора, комендантov Терской, Кизлярской и Моздокской крепостей. В Кабарде на постоянной основе не было ни российской администрации, ни российского воинского контингента. На протяжении всего этого периода она продолжала сохранять территориальную целостность и политический суверенитет в рамках союзническо-вассалитетных отношений с Россией, о чем свидетельствуют и слова Павла I, что народы Кавказа, в том числе и кабардинцы, «находятся более в вассальстве нашем, нежели в подданстве»².

В результате Белградского трактата (мира) 1739 года, подписанного между Турцией и Россией, Кабарда была объявлена нейтральной, никому не принадлежащей страной, в связи с чем кабардино-русские связи были затруднены почти на 30 последующих лет. Более того, русские офицеры, втайне от Турции посылаемые в Кабарду со специальными заданиями, в целях конспирации не должны были в своих письменных донесениях упоминать о кабардинцах как о подданных России. Такая установка

со стороны Коллегии иностранных дел России объяснялась нежелательностью на данном этапе обострять отношения с Турцией под предлогом нарушения условий Белградского мира. На самом деле, как правильно заметил В. Х. Кажаров, «...Россия, не имея возможности открыто нарушить условия этого договора, делала все возможное, чтобы ослабляя ее (Кабарду. – Ж. К.) военно-политический потенциал провоцированием княжеских междоусобиц. Все это делалось весьма осторожно, под предлогом мирного посредничества между враждующими коалициями князей...»³

18 июня 1761 года Коллегия иностранных дел России распорядилась, чтобы Астраханский губернатор отправил в Кабарду «нарочного сведущего человека» чтобы напомнить кабардинским князьям, что они по трактату с Турцией оставлены «ни от кого не зависимыми». Российские власти, скорее всего, хотели внушить им, что они находятся вне зависимости от Османской империи. И в роли такого человека в Кабарду был направлен майор Петр Татаров⁴.

По мнению С. Бейтуганова майор Татаров прибыл в Кабарду не для выполнения разового поручения, как это бывало раньше с другими посланниками, а в качестве посредника, обязанного оставаться там на неопределенное время для примирения противоборствующих феодальных группировок. То есть Татаров был не приставом, а лишь его предшественником.

Капитан Михоэл Гастотти, побывавший в 1770 году в Кабарде со специальным заданием Коллегии иностранных дел сообщил, что там уже находится один штаб-офицер, которому следовало бы придать команду из 100 человек и «в жилищах Бекмурзов заложить для себя небольшую крепостцу...». Далее он говорит, что этот «офицер всячески имеет возбуждать чернь (народ. – Ж. К.) быть благонадежною...»⁵ По другим косвенным данным в 1769 году, находящемуся в Кабарде офицеру было назначено жалование.

Считается установленным, что после известной военной экспедиции генерала де Медема (1768) и признания со стороны кабардинцев подданными России, в Большой Кабарде в 1769 году был назначен приставом секунд-майор Дмитрий Тоганов, состоявший при Коллегии иностранных дел. По версии Н. Ф. Грабовского это назначение было сделано по просьбе кабардинцев.

По мнению С. Бейтуганова, кабардинцы тогда просили не пристава, а офицера, наделенного посредническими функциями, как это практиковалось раньше. Но правительство согласно Высочайшего повеления Екатерины II, адресованного генералу де Медему в 1771 году, хотело чтобы «в Кабарде две равносильные партии находились и чтобы кабардинцы привыкли иметь у себя пристава российского, к чему все способы изыскать должно».

Таким образом, как утверждает Бейтуганов, «1771 год должен быть принят датой официального признания царизмом практически уже существовавшего приставства»⁶.

По мнению С. Эсадзе приставства на Северном Кавказе вводились у народов переданных к России «для присмотра за поведением» местных князей и дворян и исполнением ими «распоряжений правительства»⁷.

С этого времени «кабардинские князья и дворяне обязаны были свои действия (особенно внешнеполитические.— Ж.К.) согласовывать с назначенным царским правительством приставом, который осуществлял контроль за их деятельностью»⁸. Тем самым политические права кабардинских князей были настолько ограничены, что из прежних полноправных правителей они превратились в исполнителей распоряжений военных властей, так как пристава назначали из числа офицеров российской армии. «Действия царизма на данном этапе были рассчитаны на то, что кабардинцы привыкнут к должности пристава и это со временем даст возможность заменить ею институт Верховного князя Кабарды»⁹.

Резиденция пристава находилась в Моздоке. В летнее время он часто бывал в Кабарде, где встречался с кабардинскими князьями как прорусской, так и протурецкой ориентаций. Если до 60-х годов XVIII века русское правительство было заинтересовано в консолидации кабардинского общества для совместной борьбы против общих врагов – Турции, Ирана и Крыма, то в условиях проведения активной колониальной политики на Северном Кавказе во второй половине XVIII – начале XIX века, его деятельность была направлена на раскол кабардинской элиты на враждующие между собой группировки и провоцирования социальной напряженности. По отношению к князьям проводилась «политика кнута и пряника», а по отношению к дворянам и крестьянству политика заигрывания и социальной демагогии. Как правильно отметил В. Кажа-

ров, главные усилия военных властей в Кабарде были направлены на ликвидацию «всех политических институтов, связанных с независимостью страны: сословно-представительных собраний, дворянского ополчения, власти верховного князя, Мехкеме и т. д.»¹⁰. На протяжении почти столетнего своего существования проводниками такой политики были приставские управления Большой и Малой Кабарды.

После прихода на царский трон Александра I и до Кавказской линии донеслись идеи либерализма, что внесло в чисто военное приставское учреждение элементы гражданского устройства. Нововведение выразилось в том, что в 1802 году была учреждена должность Главного пристава, в лице коллежского советника Макарова, призванного осуществлять гражданское управление над кочующими народами Астраханской губернии, а также «в ближних к ней местах кабардинских, трухменских, ногайских, абазинцах и прочих народах, кроме калмык»¹¹.

В подчинении Главного пристава должны были находиться, кроме названных четырех, еще предполагаемые семь приставств¹². Итого 11 приставств в начале XIX века. К 1847 году количество приставств на Северном Кавказе достигнет около 20, в том числе приставства: «Бесланеевских народов», «Тохтамышевских аулов», «Карачаевского народа», «Урусбиевского, Хуламского, Чегемского и Балкарского народов», «Малокабардинское», «Дигорское», «Кумыкское», «Назрановского народа», «Карабулаков и чеченцев», «Надтеречных чеченцев и брагунского народа»¹³.

Коллежский советник Макаров (штатное, гражданское лицо) был поставлен «в непосредственную зависимость Государственной коллегии иностранных дел, а частные приставы в единое его наблюдение»¹⁴.

Главному приставу позволялось обращаться к командующему Кавказской линии «только в таких случаях, когда нарушаемая тишина востребует военных мер»¹⁵.

Но в условиях продолжавшейся Русско-Кавказской войны изъятие приставств из военного ведомства пришло явно не по вкусу Кавказской военной администрации. Против такого порядка выступили Главнокомандующий кавказской армией генерал-лейтенант Кнорринг, а затем генерал-лейтенант П. Д. Цицианов, назначенный на эту должность в 1802 году.

Вскоре Цицианов убедился, что гражданские чиновники, назначенные в качестве приставов на Северном Кавказе служат, если не во вред, то помехой деятельности военных властей. Поэтому Цицианов принял реформировать созданную до него приставскую систему управления. Свои соображения на этот счет он представил царю 9 февраля 1803 года. «Посредник между главным Российским начальством и кабардинским народом, — писал он Александру I, — есть чиновник под именем пристава при кабардинском народе, — слово «пристав» в азиатском народе никакого почтения и уважения к себе не привлекает... а потому слово «начальник» по мнению моему предпочтительнее приставства, так как и название *Кабардинская область вместо Кабардинского народа* есть необходимое потому, что сие последнее название само собою напоминает им, что оные есть как будто отдельное тело от российской империи»¹⁶.

Историк С. Бейтуганов совершенно справедливо заметил, что обрусевший грузинский князь Цицианов стремился немедленно изъять из официального лексикона даже понятие «кабардинский народ», чтобы таким путем вытравить из памяти кабардинцев сознание о себе как о самостоятельном этносе (народе).

Цицианов считал необходимым поставить начальником Кабардинской области (так он в том рапорте стал называть Кабарду) офицера чином не ниже генерал-майора. Необходимость подобного назначения Цицианов объяснял тем, что кабардинцы «все имеют военные чины и не имеют никакого уважения к статским, предпочитая войну и силу всему»¹⁷.

На случай одобрения своего предложения Цицианов предложил кандидатуру на должность начальника Кабарды отставного полковника И. П. Дельпоццо, для которого он одновременно испросил и звание генерал-майора. Пристава кабардинского народа Н. С. Стемниковского обвинили в неспособности «к сей должности и не могущего заменить военного человека...»¹⁸.

Осуществление намеченного Цициановым плана ускорили события связанные с антироссийским восстанием кабардинцев в 1804 году в связи с началом строительства Кисловодского военного укрепления и категорического отказа выбирать судей в Родовые суды и расправы. Дельпоццо стал приставом Большой Кабарды на довольно продолжительное время. При нем имели место два крупных

антиправительственных выступлений в Кабарде, в 1805 и 1809–1810 годах. Вместе с тем следует подчеркнуть, что Дельпоцо по документам того времени значился в звании пристава Кабарды, а не начальника, как предполагал Цицианов.

По архивным материалам более позднего времени мы знаем, что в Кабарде пристава в одних случаях называли «управляющим», в других – «начальником Большой Кабарды и войск в ней расположенных»¹⁹.

В 1822 году Кабарда окончательно была включена в состав России. Для нее Ермолов учредил «Временный кабардинский суд», на который возложил не только судебные, но и административные функции²⁰. Суд этот до 1858 года находился под контролем начальника (пристава) Кабарды и фактически являлся исполнительным органом внутреннего управления Кабардой. Все правительственные мероприятия в крае «начальник Кабарды» и Временный кабардинский суд осуществляли, опираясь на местную феодальную верхушку и так называемую почетную стражу при суде.

О том, когда для балкарских обществ было учреждено приставское управление нет сведений в статье Е. Г. Битовой «Балкарская знать в условиях включения в административно-политическую систему Российской империи»²¹. Судя по свидетельству штабс-капитана Генерального штаба И. В. Шаховского с 1822 года балкарские общества находились под управлением Временного Кабардинского суда²², т. е. балкарцы включались в единую систему административного управления вместе с кабардинцами. В 1846 году члену Временного кабардинского суда князю Атажуке Атажукину было поручено отправиться в Чегемское и Урусланское общества и изыскать с них «деньгами по 40 туманов с каждого за недоставление 4 всадников к назначению в Варшаву, на службу...»²³. Подобные примеры не единичны. Принятие балкарцами в 1827 году присяги на «верноподданство» России не сразу изменило правовой статус и систему управления. В записке того же Шаховского от 24 ноября 1834 года в разделе «О горских нам покорных племенах» говорится, что «Горские племена, называющие себя осетинами и говорящие карачаевским языком, как то: карачаевцы или аланы, урусланцы или кумыки, чеченцы, хуламцы, безенгиецы и малкары, должны входить в описание кабардинцев Большой Кабарды, коим они с давних пор принадлежат...»²⁴ Отсю-

да видно, что и в 30-х годах XIX века балкарцев российские власти воспринимали как часть народов населяющих Большую Кабарду. Кавказская военная администрация пока еще не считала возможным нарушить исторически сложившиеся традиции во взаимоотношениях Кабарды с соседними народами.

В 1843 году исполняющий обязанности начальника Центра Кавказской линии полковник В. С. Голицын в своем рапорте от 25 января отмечал, что Малая Кабарда, Карабай и Дигория уже находятся под приставскими управлениями, а «Балкарцы же, хулагузы, чегемские осетины, принадлежащие к племени малкарскому, а также племя урусланско-урусбийское, не имеют пристава, через что чрезвычайно затрудняется присмотр за ними Центрального управления Кавказской линии»²⁵. Видимо, чиновников Кавказской администрации раздражали попытки балкарских владельцев сохранить прежнюю самостоятельность. По этому поводу Шаховской писал, что «сии горские племена... слишком много полагают, на горы свою надежду в коих поселены, а не испытав сами сил наших, довольно самонадеянны и готовы оспаривать оружием всякое невыгодное по их мнению предпрятие со стороны русского правительства, но впрочем они кротки и спокойны, набегов делать не могут, ибо большая часть не имеет лошадей, а если и случаются хищничества, то это более из молодечества, чем из нужды»²⁶. Отсюда видно, что по мнению Кавказской военной администрации, Временный Кабардинский суд (он как мы знаем выполнял и административные функции) недостаточно эффективно обеспечивал российские интересы на территории балкарских обществ. Поэтому Голицын предлагал создать для балкарцев отдельное приставство, «которое внушало бы им «уважение... к чиновнику, назначенному от Российского государства для суда и расправы между ними и для доведения через начальство нужд их до подножия престола»²⁷. Территорию Кабарды и балкарских обществ он рассматривал как источник несметных богатств для развития хозяйства.

Предложение Голицына, видимо, на верхних эшелонах власти было воспринято неоднозначно. Поэтому оно не было осуществлено немедленно. Судя по имеющимся архивным материалам в балкарских обществах приставское управление было введено не ранее 1846 года. В официальной переписке за 1846-й и далее мы уже встречаем документы за подписью «Пристава балкарских и других гор-

ских народов» (имеется в виду урусиевцев, чегемцев, безенгиевцев и хуламцев)²⁸. По всей видимости, одним из первых приставов в Горских обществах был войсковой старшина Хоруев²⁹. Как было сказано выше, в «Записке главного штаба Кавказской армии...» от июля месяца 1848 года, приставство «Урусиевского, Хуламского, Чегемского и Балкарского народов» значится одним из 20 приставских управлений на Северном Кавказе³⁰.

Одной из обязанностей пристава балкарских обществ, считался контроль за деятельностью традиционных судебных учреждений (Тёре), изымая, однако, из их ведении уголовные дела: «убийство, хищение вооруженною рукою, улика в сношениях с непокорными, нападение на проезжающих и тому подобные злодеяния», которые подлежали «суждению по российским законам»³¹. По спорным гражданским делам пристав мог приостановить исполнение решения суда и представить дело на рассмотрение начальника Центра Кавказской линии, который посовещавшись с почетными таубиями, принимал окончательное решение. Юридической основой судопроизводства в традиционных балкарских судах были адатно-правовые нормы, собранные ротмистром Давыдовым и Я. Шардановым под руководством В. С. Голицына, известные позже под названием «Адаты балкарцев» (См. «Приложения», док. № 1).

Для начальника Центра Кавказской линии, по всей видимости, главным ориентиром по судебным делам служило «Наставление» 1822 года А. П. Ермолова Временному кабардинскому суду. Об этом свидетельствует письмо Наместника Кавказа Н. Н. Муравьев-Карского опальному генералу А. П. Ермолову в 1855 году, где он указывал: «... устав ваш и прокламации служат единственным руководством для дел, встречающихся не только между кабардинцами, но даже между племенами, живущими в горах»³². Надо полагать, что это, в первую очередь, касалось балкарских обществ. Это во-первых. Во-вторых, указанная переписка свидетельствует о том, что обещанная Ермоловым на момент создания Временного суда, что позже будут изданы «основные правила», надо полагать более совершенные, в 50-х годах XIX века еще не были осуществлены. Отсюда видно, что ермоловские правила, наспех составленные на момент создания суда, оставались руководством к действию в течение 36 лет (1822–1858). При этом мы полагаем, что Ермолов при создании Временного суда учил-

тывал опыт, накопленный Родовыми судами и расправами конца XVIII – начала XIX века.

Таким образом приставские управление в Кабарде и Горских (балкарских) обществах во второй половине XVIII – первой половине XIX века были первыми шагами по пути упразднения традиционных институтов власти и создания вместо них системы российских органов администрации и суда. По мнению Г. М. Малаховой с введением приставских управлений «в структуру аппарата управления Кабардой... фактически было положено военно-административное управление»³³.

* * *

Административно-территориальные и управленческие преобразования в Кабарде и балкарских обществах в XVIII – начале XX века происходили в условиях военной обстановки и в рамках глобальных перемен на всем Кавказе, суть которых заключалась в следующем. С 1863-го по 1960 годы бассейны рек Кубани и Терека начиная от Кизляра до Азова, на которых размещались десятки крепостей и сотни военных укреплений и казачьих станиц назывались *Кавказской линией*.

Для удобства управления она была территориально разделена на пять самостоятельных частей: Черноморская линия, Правый фланг, Центр, Владикавказский военный округ и Левый фланг. По этому военно-административному и территориальному делению Северного Кавказа приставства Большой и Малой Кабарды и Горских обществ входили в состав Центра Кавказской линии, управление которого находилось в крепости Нальчик.

Кавказская линия стала частью *Кавказского наместничества*, впервые созданного в 1785 году в границах Предкавказья и Астраханской губернии. В 1802 году его переименовали в Кавказскую губернию, а в 1822-м – в область. Административным центром сначала был Екатериноград, потом – Георгиевск. Руководителя этого военно-административного образования сначала называли главнокомандующим войсками на Кавказе, а потом губернатором (начальником) Кавказской губернии (области). После присоединения Закавказья к России, в 1844 году было воссоздано Кавказское наместничество в новых границах с административным центром в г. Тифлисе³⁴.

Кавказское наместничество являлось высшим государственным учреждением на Кавказе. Наместничество со-

вмешало в себе военные, административные и гражданские функции. В реескрипте царя Николая I от 24 декабря 1844 года на имя наместника Кавказа князя М. С. Воронцова было особо подчеркнуто, что «... *наместник наряду со званием главнокомандующего войсками осуществляет и все руководство над гражданской властью...*»³⁵. С самого начала управления Кавказом принял характер обособленности и автономии. Российские министры не имели права вмешиваться в дела Наместничества³⁶. Оно подчинялось только *Кавказскому комитету* в Петербурге, который на правах особого министерства входил в Государственный Совет Российской империи.

Для управления горскими народами при главном штабе Кавказской армии в 1860 году была учреждена *Канцелярия по управлению кавказскими горцами*, которая в 1865 году была преобразована в *Кавказское горское управление*, а затем в *Кавказское военно-народное управление*³⁷.

В 60-х – 70-х годах XIX века было признано, что управленческий аппарат Наместничества стал слишком громоздким с присущим ему излишними бюрократическими барьераами, задерживавшими своевременное решение важных государственных задач на Кавказе. Чиновников высшей царской администрации в Петербурге особенно раздражало чрезмерная пышность и роскошь дома наместника, который не мог уже себя окупить. Поэтому со временем пребывания на Кавказе Великого князя Михаила Николаевича в качестве наместника (1862–1882) началось постепенное сокращение бюрократического аппарата и расходов на его содержание. В 1882 году Кавказское наместничество было приравнено к губернскому управлению в России, а Кавказский комитет при Государственном Совете и вовсе был упразднен. *Кавказский край*, как стали именовать бывшее Наместничество, с 1883 года имел следующее административно-территориальное деление (см. табл. 1)³⁸. С этого времени высшую кавказскую администрацию возглавлял Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе. По мнению З. М. Блиевой такое изменение было направлено на «*завершение процесса полной интеграции Кавказа в общероссийскую систему управления...*»³⁹.

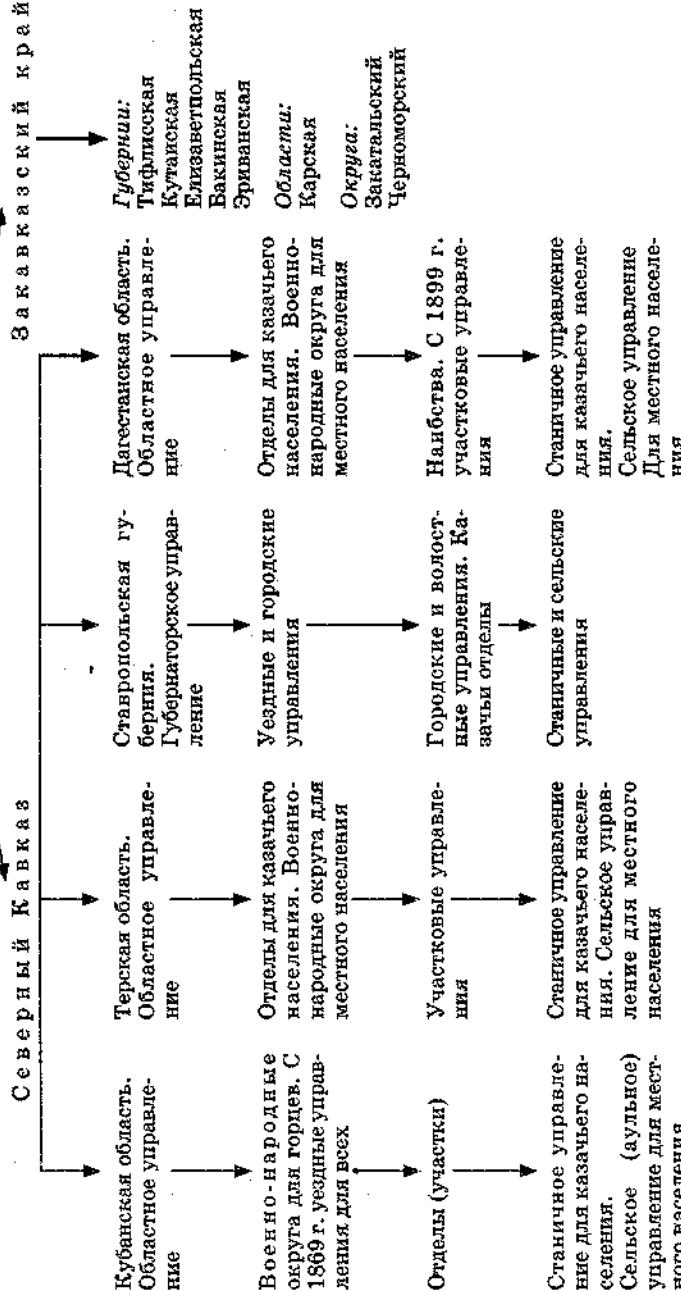
Кавказское наместничество вновь было восстановлено в 1905 году. Большинство историков это связывают с ростом революционного движения на окраинах Российской империи. Наместниками Кавказа в разное время были:

Ф. И. О.	Название должности	Годы пребывания в должности
Князь Потемкин Павел Сергеевич, генерал-поручик	Командующий Кавказским корпусом и флотом, Саратовский и Кавказский генерал губернатор	1782–1791
Гудович Иван Васильевич, генерал-аншеф	Рязанский, Тамбовский и Кавказский генерал-губернатор, главнокомандующий на Кавказе	1790–1800
Киорринг Карл Федорович, генерал-лейтенант	Главнокомандующий в Грузии	1800–1802
Цицианов Павел Дмитриевич, генерал от инфантерии	Главнокомандующий в Грузии	1802–1806
Гудович Иван Васильевич, генерал-фельдмаршал	Кавказский генерал-губернатор, главнокомандующий на Кавказе	1806–1809
Тормасов Александр Петрович, генерал от кавалерии	Главнокомандующий в Грузии	1808–1811
Ртищев Николай Федорович, генерал от кавалерии	Главнокомандующий в Грузии	1812–1816
Ермолов Алексей Петрович, генерал от инфантерии	Главнокомандующий на Кавказе	1816–1827
Паскевич Иван Федорович, генерал-фельдмаршал	Главнокомандующий в Грузии	1827–1831
Барон Розен Григорий Владимирович генерал-адъютант	Командир отдельного Кавказского корпуса	1832–1837
Головин Евгений Александрович	Командир отдельного Кавказского корпуса и управляющий гражданской администрацией на Кавказе	1838–1842
Нейдгард Александр Иванович	Командир Отдельного Кавказского корпуса	1842–1844
Воронцов Михаил Семенович	Наместник на Кавказе	1844–1854
Муравьев Николай Николаевич, генерал-адъютант	Наместник на Кавказе	1854–1856

Барятинский Александр Иванович, генерал-фельдмаршал	Наместник на Кавказе	1856–1862
Орбелиани Георгий Дмитриевич	И. д. наместника	1861–1862
Воронцов (Романов) Михаил Николаевич	Наместник на Кавказе	1862–1882
Князь Дондуков-Кор- саков А. М., генерал- адъютант	Главноуправляющий граж- данской частью на Кавказе	1881–?
Шереметьев С. А., генерал-адъютант	Главноуправляющий граж- данской частью на Кавказе	?
Князь Голицын Г. С., генерал-адъютант	Главноуправляющий граж- данской частью на Кавказе	?–1905
Граф Воронцов-Дашков Илларион Иванович	Наместник Кавказский	1905–1915

К А В К А З С К И Й К Р А Й

Таблица I

2. УЧРЕЖДЕНИЕ В БОЛЬШОЙ И МАЛОЙ КАБАРДЕ РОДОВЫХ СУДОВ И РАСПРАВ

После Кючук-Кайнарджийского мира Кабарда в вопросах внутреннего управления около двух десятков лет пользовалась относительной самостоятельностью (автономией). Русско-кабардинские отношения в основном определялись Жалованной грамотой Екатерины II (1771), соблюдение которой контролировалось и осуществлялось приставом Кабарды и командующим Кавказской линией.

С течением времени приставу все сложнее становилось добиваться от княжеских группировок исполнения «распоряжений правительства» и требований начальника Кавказской линии. В связи с этим назревала необходимость в новых дополнительных органах власти, способных поставить вопросы внутреннего управления кабардинцев под жесткий и эффективный контроль Кавказской администрации, без чего включение Кабарды в состав России оказалось невозможным⁴⁰.

Поводом, сделавшим решение этого вопроса актуальным стал случай, который произошел в 1791 году. В том году в Кабарде погиб капитан российской армии Бегидов со своими пятью товарищами при попытке увоза женщины тайно. В гибели этих людей обвинили Кучука Джанхотова, сына действующего тогда Верховного князя Кабарды Джанхота Татарханова⁴¹.

Тогда Кавказская администрация потребовала выдачи Кучука русским властям для наказания, но в Кабарде за него заступились. Ссылки на присягу кабардинцев в 1779 году на верность России не возымели желаемых для царских властей результатов.

В связи с этим пристав Большой Кабарды Ураков докладывал генерал-аншефу Ивану Васильевичу Гудовичу, что в Кабарде по местным обычаям не только владельца (князя), но даже уздена (дворянина) никто не имеет права «лишить чести и выдать к наказанию, так как у них во всем единогласие»⁴². Отсюда видно, что несмотря на наличие приставского контроля, российские власти напрямую не могли вмешиваться во внутренние дела Кабарды, даже для осуществления правосудия.

Тогда Гудович стал серьезно задумываться над тем, как создать постоянно действующий орган власти, чтобы заставить кабардинцев исполнять присяги на верное подданство России. 16 января 1792 года он в донесении им-

ператрице Екатерине Алексеевне изложил свои мотивы по введению в Кабарде родовых судов и расправ. Он писал, «что народ обеих Кабард, почитаемых подданными державе Всероссийской, обязавшейся присягой во всем зависеть от главного начальника, на Линии поставленного, не перестает следовать прежним своим развратным обыкновениям и потому часто требует большого внимания и заботы, нежели все независимые горские народы»⁴³.

В связи с этим он предлагал учредить «в обеих Кабардах, особо для владельцев с их подвластными и особо для узденей, родовых судов и расправ... кои судили бы тяжебные дела и малые поступки по их обычновениям, а за важные преступления, как-то измену, убийство и разбой – по законам Империи»⁴⁴.

Отсюда видно, что главная цель предполагаемого мероприятия состояла в том, чтобы прибрать к своим рукам основные рычаги управления краем, ослабив тем самым влияние местной феодальной верхушки. Новые судебные учреждения также должны были серьезно подорвать позиции мусульманского духовенства в общественно-политической жизни местного населения. Известно, что в 80–90-х годах XVIII века в Кабарде ислам стал знаменем в антиколониальной борьбе кабардинцев. По этому поводу Н. Ф. Грабовский писал: «Необходимость учреждения судов особенно выражалась тем, что вся судебная часть начала переходить в руки мулл, первых злейших и опаснейших врагов России, стремившихся всеми силами мусульманского фанатизма ослабить упрочение русской власти в Кабарде»⁴⁵.

На предложение Гудовича вскоре последовал реескрипт от 28 февраля 1792 года. Екатерина II обвинив кабардинцев в беспорядках на Линии, в наглости и хищничестве «соизволила... приступить к предложению (Гудовича. – Ж. А.) ...об учреждении между кабардинцами судов»⁴⁶.

Основные положения предполагаемых родовых судов и расправ сводились к следующему: «Оные суды должны судить тяжебные дела и малые поступки подсудных им кабардинцев по их обычновениям и быть подвластны Верхнему пограничному суду, в которой на сии суды должны идти апелляции. Важные преступления, как-то измена, убийство и разбой, до сих судов не принадлежит, а должны быть рассматриваемы прямо в Верхнем пограничном суде по законам Е. И. В.»⁴⁷

Авторы этого проекта исходили из своеобразия общественно-политического строя Кабарды. Как известно, она состояла из нескольких самостоятельных феодальных уделов. Большая Кабарда была разделена на четыре удела: Атажукинского, Мисостовского, Бекмурзинского и Кайтукинского, а Малая Кабарда – на два – Таусултановского и Гиляхстановского. С учетом этого обстоятельства в основу судебной реформы был положен родовой принцип. Проект предусматривал один родовой суд (княжеский) для Атажукинской и Мисостовской фамилии, другой для Бекмурзинской и Кайтукинской, третий – Таусултановской и Гиляхстановской. Были предусмотрены также три родовые расправы (дворянский) соответственно.

В компетенцию родовых судов и расправ входил разбор дел, касающихся семейных и холопских вопросов. «Родовым судам и расправам представлено судить тяжебные дела и малые проступки им кабардинцев, по их обычновениям (обычному праву. – Ж.К.)»⁴⁸, – сказано в положении о родовых судах. Полный текст «Постановления о сословиях в Кабарде», который служил правовой основой судопроизводства в родовых судах и расправах дается в «Приложениях» (док. № 2).

Кроме того, создавался *Верхний пограничный суд* с местопребыванием в крепости Моздок под председательством коменданта этой крепости. Верхний пограничный суд являлся апелляционной инстанцией родовых судов и расправ и находился в подчинении Астраханского генерал-губернатора⁴⁹. Разборы политических и уголовных дел входили в компетенцию Пограничного суда и рассматривались «по законам Империи».

Заседатели Пограничного суда, за исключением чиновников военной администрации, должны были переизбираться через каждые три года, как и заседатели родовых судов и расправ.

Предложение Гудовича получило одобрение 19 января 1793 года. В 1794 году родовые суды и расправы уже работали и власти считали, что их создание в Кабарде себя оправдывает⁵⁰.

По вопросу родовых судов и расправ у Гудовича в Кабарде были и сторонники, и ярые противники. За «особливое усердие к службе И. В.» наградили чином премьер-майора с назначением более высокого жалования Кучуга Джанхота, в будущем правителя Кабарды. Очередными

чинами были награждены еще несколько князей из разных княжеских фамилий.

Среди противников особенно выделялся князь Атажуко Мисостов. На собраниях кабардинцев, недовольных новыми судами, он произносил, по мнению Гудовича, «разные нелепые слова и советы, клонящиеся к леному ослушанию начальства, замыкающие в себе измену и падущая к тому других, делая присягу»⁵¹. Смысл всех выступлений на этих собраниях заключался в том, чтобы родовые суды и расправы заменить одним духовным судом⁵².

Несмотря на противодействие части феодальной верхушки Кабарды и политический кризис, вызванный выборами в родовые суды и расправы, они, ценой немалых усилий Кавказской военной администрации, продолжали функционировать.

Если вникнуть в суть судебной реформы начала 90-х годов XVIII века, становится понятным, что она в значительной степени укрепила позиции России в Кабарде. Местные князья были ограничены в юридических правах, хотя в целом они не так уж сильно обижены. Дело в том, что состав родовых судов и расправ формировался через выборы, а также и прямые назначения из числа наиболее влиятельных князей и дворян.

Следует также подчеркнуть, что с самого начала Россия на Кавказе проводила политику «приласкания» социальных верхов, путем раздачи им высоких чинов, пожалований и признания за ними вотчинных прав на землю. Разумеется, что это касалось той части феодалов, которая сотрудничала или хотя бы проявляла лояльность к российским властям.

В новых судебных учреждениях каждая княжеская группа стремилась обеспечить себе больше мест. Эта борьба носила тем более ожесточенный характер, что для двух фамилий создавался лишь один суд. Кто должен быть председателем? Этот вопрос волновал всех. Три дня с 1-го по 3 сентября 1793 года продолжались выборы родового суда для Атажукинской и Мисостовской фамилии⁵³. Судебные заседатели избирались на общем сходе открытым голосованием сроком на три года. В голосовании принимали участие лица, имеющие лишь княжеское и дворянское происхождение. При выборе родового суда для Атажукинской и Мисостовской фамилии было выдвинуто 20 человек. Они из своей среды должны были избрать председателя и заседателей. Председателем этого родового суда был из-

бран князь Жанхот Сидаков, получивший 18 голосов из 20⁵⁴. Кроме официально избираемых заседателей в состав суда входили также кадий и помощник председателя⁵⁵.

Деятельность родовых судов и расправ не ограничивалась судопроизводством. Без их разрешения кабардинцам воспрещалось созывать народные собрания, то есть хасу. По мнению В. Х. Кажарова, эти суды положили начало кризису традиционных общественных институтов в Кабарде⁵⁶. Подчинение высшего законодательного органа судебным учреждениям и через них военным властям вызывало недовольство в кабардинском обществе.

Особенно враждебную позицию заняло мусульманское духовенство, так как оно в судебных реформах усматривало ограничение его политического влияния. Поэтому духовенство при поддержке антироссийско настроенных князей развернуло активную деятельность против новых судебных учреждений. Шариатское движение в Кабарде, как известно, в 1807 году прервало деятельность российских судебных органов, но Кавказская администрация через институт приставства и принудительные меры экономического и военно-политического характера, сумело сохранить свое влияние в Кабарде до создания А. П. Ермоловым в 1822 году так называемого Временного кабардинского суда.

3. ВРЕМЕННЫЙ КАБАРДИНСКИЙ СУД

Время с 1807-го по 1822 год называют периодом «духовного правления» в Кабарде⁵⁷. В это время присутствие России в Кабарде не прекращается, но ее влияние на внутреннюю общественную жизнь сводится к минимуму. Естественно, что такое полузависимое существование Кабарды не устраивало Кавказское военное командование. Особенно такое положение Кабарды стало неприемлемым для России после присоединения в 1801 году Грузии к России.

Кабардинцы в принципе не отказывались от подданства России, но они считали, что духовный суд не является помехой в налаживании нормальных отношений. Но взаимные претензии сторон часто перерастали в вооруженные столкновения. С таким положением покончил А. П. Ермолов, который прибыл на Кавказ в 1816 году в качестве главнокомандующего русскими войсками.

В 1822 году Ермолов подавил антироссийскую оппозицию господствующего класса Кабарды и приступил к изменению ее общественно-политического и судебного устройства в соответствии с интересами Российской империи. Прежде всего были ликвидированы «духовные суды» (мехкеме) в Кабарде, которые с 1807 года являлись оплотом ее самостоятельности. Вместо них с 1 сентября 1822 года учреждался «*Временный кабардинский суд*», просуществовавший до 1858 года.

С учреждением Временного кабардинского суда и назначением его председателем Верховного князя Кучука Джанхотова с годовым окладом в сумме 500 рублей процесс ликвидации государственности Кабарды завершился. Территория Кабарды с этого времени стала составной частью Российской империи, а традиционные общественно-политические институты либо ликвидированы, либо трансформированы в соответствии с новыми политико-правовыми условиями.

Председателем суда, как сказано выше, был назначен Верховный князь Кабарды, полковник российской армии Кучук Джанхотов, секретарем – Якуб Шарданов, судьями от князей: Хаджи-Мурзабек Хамурзин, Темир Булат Атажукин и губернский секретарь Касай Картулов; от дворян Большой Кабарды – Беслан Куденетов и Али Конов, Малой Кабарды – Али Мурза Коголкин. Местопребывание суда – крепость Нальчик⁵⁸.

В основу судопроизводства «Временного кабардинского суда» были положены «Постановление о сословиях в Кабарде», «Народные условия», сделанные 1807 года июля 10-го, после прекращения в Кабарде заразы в отмену прежних обычаев», а также дособранные под руководством В. С. Голицына в 1843–1844 годах правовые нормы кабардинцев. В 1844 году они все были сведены в «Полное собрание кабардинских древних обрядов» (см. «Приложения», док. № 2, 3).

Для Временного кабардинского суда А. П. Ермолов составил «Наставление» (см. «Приложения», док. № 4), где были определены основные правила, которым «должны были следовать члены суда в своей деятельности. В нем говорилось, что «Временный суд» может рассматривать лишь гражданские дела и «маловажные проступки... между всеми состояниями кабардинцев, как то: владельцев, узденей (дворян. – Ж. К.) и простого народа»⁵⁹. К таким делам согласно 18 параграфа «Наставления» были

отнесены: воровство скота и прочего имущества на сумму не более 200 рублей, обманы, драки без оружия, оскорбление подвластными своих владельцев и т. д.⁶⁰ Меры наказания по таким маловажным делам были сравнительно мягкими: возмещение убытков или штрафы. Когда пропступки подвластных по отношению к владельцам признавались малозначительными последним предоставлялось право самим без суда определять меру наказания⁶¹. Одной из особенностей ермоловского судопроизводства в Кабарде было отсутствие такой формы наказания, как лишение свободы путем заключения под стражей.

В соответствии с девятым параграфом «Наставления» «Все дела гражданские и спорные между кабардинцами, равно и претензии на них от людей инородных, разбираются и решаются по их древним обычаям и обрядам, приспособляя оныя, поколику важность случаев дозволить, к правам российским»⁶². Содержание этого параграфа имело исключительно важное значение в дальнейшей практике Временного суда. Древние обычаи были трансформированы, хорошо приспособлены к интересам феодалов. Это давало возможность местным князьям и дворянам обеспечивать на суде собственные интересы. Поэтому российские власти на Кавказе осторожно относились к нормам обычного права, когда дела касались прав и привилегий местных феодалов, которых военная администрация рассматривала как свою главную опору в крае⁶³.

Уголовные дела (убийства, государственная измена, противоправительственное выступление, умышленное ранение, ссора, побег к непокорным горцам, нападение на русские укрепления и т. д.) были изъяты из ведения Временного суда. Подобные дела разбирались военным судом согласно действующим законам Русского государства⁶⁴. Однако в судебной практике были некоторые отступления от этих правил. Так, например, с разрешения администрации во Временном суде рассматривались дела, возникавшие по поводу убийства или ранения, если они носили частный характер и не были связаны с государственным преступлением⁶⁵. В этом случае предусматривались два вида наказания: штрафы или битие по телу «розгами не свыше 100 ударов»⁶⁶.

В суде состоял кадий, представитель мусульманского духовенства, но он не должен был вмешиваться в решение гражданских дел⁶⁷. По мусульманскому законодательству (шариату) решались лишь «дела до веры касающиеся»,

несогласие между мужем и женой, споры между родителями и детьми. «Но на деле, — как отмечает Т. Х. Кумыков, — по шариату разбирались самые различные тяжбы, в том числе и дела между владельцами и крестьянами, дела об убийстве, воровстве и т. д.»⁶⁸. В то же время дела, подлежащие разбирательству по шариату, как например, бракоразводные, разбирались во Временном суде по обычному праву. Все решения делались со ссылками на соответствующие нормы обычного права. Все это свидетельствует о том, что власти стремились приспособливать шариат к нормам обычного права, а последние к российскому законодательству.

Архивные материалы свидетельствуют о том, что на протяжении всего своего существования Временный суд исполнял не только функции правового разрешения конфликтов и споров внутри кабардинского общества, но он в силу того, что во главе него стоял сначала Верховный князь Кабарды, а со временем «управляющий (пристав.— Ж. К.) Кабарды, исполнял и административные функции». Временный суд фактически стал важнейшим исполнительным органом внутреннего управления Кабардой⁶⁹.

Все правительственные мероприятия в крае, управляющий Кабардой и Временный суд, осуществляли опираясь на местную феодальную верхушку и так называемую почетную стражу при суде, состоящую из офицеров местного происхождения⁷⁰. В 1854 году милицией при Временном суде, как ее стали именовать в 40–50-х годах XIX века, командовал Темрюк Кучмазукин⁷¹.

Следует отметить, что сложившаяся при Ермолове новая система административно-судебного управления, несмотря на потерю Кабардой политической самостоятельности, все же имела определенное положительное значение, игнорирование которого исказило бы историческую действительность и нарушило бы принцип научной объективности.

Во-первых, введение российского управления имело прогрессивное значение в том смысле, что оно способствовало ослаблению патриархально-феодальных отношений, ограничивало произвол местных владельцев к их подвластным. В частности, было запрещено убивать подвластных без суда, отнимать у них жен и детей. Однако необходимо заметить, что в условиях господства крепостничества не только в Кабарде, но и в России, этот шаг объясняется не любовью Кавказской администрации к простому народу,

а желанием завоевать его симпатии, чтобы не дать возможность оппозиционно настроенным владельцам вовлечь народ в антироссийскую борьбу.

Во-вторых, российское управление внесло больше определенности и четкости во внутреннем и внешнем положении Кабарды. Фактически были упразднены удельная система и обеспечивающие ее жизнедеятельность средневековые военно-политические, административные и судебные институты. Территория Кабарды стала частью Российской империи, наиболее универсальные традиционные общественные институты были трансформированы в соответствии с новыми политико-правовыми условиями.

Те князья и дворяне, которые приняли российскую систему управления, сохранили за собой в полной мере свои социальные и экономические привилегии. Что касается народа, то он получил долгожданный мир и стабильность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965; Бейтуганов С. Кабарда и Ермолов. Нальчик, 1993; Калмыков Ж. А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1995; Малахова Г. Н. Становление и развитие Российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII–XIX в. Ростов н/Д, 2001.

² История народов Северного Кавказа (конец XVIII–1917 г.). М., 1988. С. 16.

³ Камаров В. Х. Столкновение цивилизаций и первые поражения Кабарды в 60-х – 90-х годах 18-го века //Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2006. С. 206, 207.

⁴ Бейтуганов С. Кабарда и Ермолов. Нальчик, 1993. С. 10.

⁵ Там же. С. 12.

⁶ Там же. С. 13

⁷ Калмыков Ж. А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1995. С. 8.

⁸ Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 162.

⁹ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 8.

¹⁰ Камаров В. Х. «История адыгейского народа» Ш. Б. Ногмова // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2006. Вып. 2. С. 330.

¹¹ Цит. по кн. Бейтуганова С. Указ. раб. С. 21.

¹² Там же.

¹³ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 8.

¹⁴ Цит. по кн. Бейтуганова С. С. 21.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 10.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Исторический вестник КБНИИ. 2005. Вып. 2. С. 141–164.
- ²² Балкария. Страницы прошлого. Нальчик, 2006. Вып. 3. С. 4, 8.
- ²³ Исторический вестник КБНИИ. 2005. Вып. 2. С. 151.
- ²⁴ Балкария. Страницы прошлого. Нальчик, 2006. Вып. 3. С. 18.
- ²⁵ Там же. С. 21.
- ²⁶ Там же. С. 19.
- ²⁷ Там же. С. 22.
- ²⁸ Там же. С. 28, 29
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Калмыков Ж. А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1995. С. 8.
- ³¹ Балкария. Страницы прошлого Нальчик, 2006. Вып. 3. С. 22.
- ³² Акты Кавказской Археографической Комиссии (далее: АКАК). Тифлис, 1904. Т. 9. С. 57, 58.
- ³³ Малахова Г. Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XIX вв. Ростов н/Д, 2001. С. 131.
- ³⁴ Блиева З. М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в XVIII–80-е годы XIX века: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Владикавказ, 2004. С. 31–36.
- ³⁵ АКАК. Тифлис, 1904. Т. 10. С. 2.
- ³⁶ Калмыков Ж. А. Установление российской администрации на Северном Кавказе (вторая половина XIX в.) // Исторический вестник КБИГИ. 2006. Вып. 4. С. 278.
- ³⁷ АКАК. Тифлис, 1904. Т. 12. С. 614; Фелицин Е. Краткий очерк заселения Кубанской области // Известия кавказского отдела императорского русского географического общества. Т. 8. № 2. С. 274.
- ³⁸ РГВИА, ФВУА, отд. VIII, д. 21218.
- ³⁹ Блиева З. М., Указ. раб. С. 39.
- ⁴⁰ Бейтуганов С. Указ. раб. С. 14.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. С. 16.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ См. «Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 125.
- ⁴⁶ Бейтуганов С. Указ. раб. С. 16.
- ⁴⁷ Там же. С. 17.
- ⁴⁸ Цит. по кн.: Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 164.
- ⁴⁹ Калмыков Ж. А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1995. С. 9.
- ⁵⁰ Кумыков Т. Х. Указ. раб. С. 163.
- ⁵¹ Бейтуганов С. Указ. раб. С. 19.
- ⁵² Там же. С. 20.
- ⁵³ Кумыков Т. Х. Указ. раб. С. 163.

- ⁵⁴ Там же. С. 164.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Кажаров В. Х. Адыгская хаса. Нальчик, 1992. С. 101.
- ⁵⁷ Кажаров В. Х. Кабарда в период духовного правления (1807–1822) // Исторический вестник КБИГИ. 2006. Вып. 4. С. 255–271; Кумыков Т. Х. Указ. раб. С. 166–170.
- ⁵⁸ Кумыков Т. Х. Указ. раб. С. 166.
- ⁵⁹ Материалы по обычному праву кабардинцев. Нальчик, 1956.
- С. 13.
- ⁶⁰ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 99.
- ⁶¹ Там же. С. 98.
- ⁶² Кумыков Т. Х. Указ. раб. С. 167.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Материалы по обычному праву кабардинцев. Нальчик, 1956.
- С. 13, 98–100, 409.
- ⁶⁵ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 99.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Кумыков Т. Х. Указ. раб. С. 167.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 10.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Калмыков Ж. А. Установление российской администрации на Северном Кавказе (вторая половина XIX века) // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2006. Вып. 4. С. 273.

КАБАРДА И ГОРСКИЕ ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ВОЕННО-НАРОДНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (1858–1880-е ГОДЫ XIX ВЕКА)

1. ЗАМЕНА ПРИСТАВСКИХ УПРАВЛЕНИЙ СИСТЕМОЙ ВОЕННО-НАРОДНЫХ ОКРУГОВ

1.1. Создание системы военно-народных округов

Второй этап административно-территориального строительства на Северном Кавказе приходится на 50–80-е годы XIX века. В это время, как сказано выше, приставские управления заменяются системой военно-народных округов, которая в рамках буржуазных реформ 60-х годов XIX века приспосабливается к условиям преобразованной России.

На исходе Русско-Кавказской войны в 1856 году, в целях совершенствования управления войсками на Кавказской линии по предложению князя А. И. Баратинского (начальника штаба Кавказской армии) вместо прежних пяти управлений решили создать два: «Правое крыло» и «Левое крыло». В состав Левого крыла Кавказской линии вошли воинские соединения и приставские управления («Большой Кабарды», «Малокабардинского», «Урусбиевского», Хуламского, Чегемского и Балкарского народов», «Дигорское», «Кумыкское», «Назрановского народа», «Карабулаков и чеченцев», «Надтеречных чеченцев и Брагунского народа») в бассейне реки Тerek¹. Отсюда видно, что Кабарда и Горские (балкарские) общества вошли в состав Левого крыла Кавказской линии.

Тогда же Кавказская военная администрация пришла к выводу, что подошло время заменить приставские формы управления другими, с тем, чтобы в плотную приступить к осуществлению основной цели – добиться «органического единения горских народов с Россией»². Такое «единение», по мнению Кавказской администрации, должно было произойти посредством установления над местным населением «твёрдой» правительственной власти.

Желанием создать прочную правительственную власть объясняется решение Кавказской администрации оставить «управление (местным населением. – Ж. А.) в ведении военного начальства... знакомого уже с обычаями и понятиями горцев»³. Однако царизм понимал, что успех в этом деле возможен только в том случае, если с военной администрацией будут сотрудничать представители местной элиты. Российские власти шли на такой шаг с тем, чтобы сделать опорой своего режима местных феодалов и создать видимость народного представительства. Так возникла идея о создании системы военно-народного управления вместо прежних приставских управлений.

Возникновение такой идеи не является случайным. Военно-народное управление фактически начало складываться со второй половины XVIII века, когда царизм начал вводить на Северном Кавказе приставские управление. В своей деятельности приставы опирались на военную силу и, не ломая существовавшую до прихода русских структуру общественно-политических институтов, основанных на традициях и нравах местных жителей, соответствовавших их социально-экономическому строю, осуществляли за ними военно-полицейский контроль.

К преобразованию прежних приставских управлений Центрального Кавказа в военно-народные округа приступили еще в начале 50-х годов XIX века. Действовали осторожно, чтобы преждевременными мерами, «чуждыми понятиям и нравам горцев», не вызвать с их стороны недовольства⁴.

В 1852 году в качестве эксперимента в плоскостной части Чечни было создано самостоятельное военно-административное управление, получившее название Чеченского управления⁵. В «Записке главного штаба Кавказской армии о преобразовании приставских управлений на Кавказе», составленной в 1858 году, отмечалось, сточетырехлетний опыт деятельности Чеченского управления «вполне оправдал цель своего учреждения»⁶. Поэтому Главный штаб Кавказской армии при составлении проекта преобразования приставских управлений Левого крыла Кавказской линии за основу взял опыт Чеченского управления⁷.

Согласно проекту прежние многочисленные приставские управление упразднялись и вместо них создавались четыре округа: Кабардинский, Осетинский, Чеченский и Кумыкский⁸. В состав Кабардинского округа должны бы-

ли войти приставства Большой и Малой Кабарды и балкарских обществ.

Проект этот был одобрен и проведен в жизнь в том же 1858 году. Но в начале в состав Кабардинского округа вошли Большая Кабарда и балкарские общества. Малая Кабарда до 1862 года входила в состав Осетинского округа.

Военно-народное управление официально было узаконено «Положением о Кавказской армии», утвержденным в 1858 году⁹.

Согласно этому «Положению» при штабе Кавказской армии было создано особое отделение «по управлению горскими народами, не вошедшими в состав гражданского управления». До 1865 года это отделение называлось «Канцелярией по управлению кавказскими горцами», а потом оно было переименовано в «Кавказское горское управление»¹⁰.

После пленения в 1859 году Шамиля и окончания Русско-Кавказской войны, длившейся около 100 лет, царизм приступил к проведению более широких административных реформ. В 1860 году Кавказская линия, потерявшая «свое значение как пограничной кордонной черты», была упразднена¹¹. Ее Правое крыло было переименовано в Кубанскую, а Левое – в Терскую области. В Кубанскую область вошли территории, занятые кубанским казачеством, адыгские народы, жившие в бассейне Кубани, а также карачаевцы, абазинцы, ногайцы и др. К Терской области отошли территории, занятые терским казачеством, кумыками, чеченцами, ингушами, осетинами, кабардинцами и балкарцами¹².

В первые годы существования Терской области, кроме вошедших в нее четырех ранее созданных округов (Кабардинский, Кумыкский, Осетинский, Чеченский), были образованы еще два округа: Аргунский и Ичкеринский¹³.

Однако вскоре выявились существенные недостатки, допускаемые царскими реформаторами при создании военно-народных округов. Одним из главных минусов являлось то, что продолжая традиционную политику разобщения горских народов, военно-народные округа создавались без учета исторических границ и этнических особенностей. Так, например, Малая Кабарда была оторвана от Большой и включена в состав Военно-Осетинского округа¹⁴. Кроме того, в Военно-Осетинский округ входила еще часть чеченцев и ингушей. Оставшиеся вне этого округа чеченцы были разделены по двум другим отдельным окру-

гам: Аргунскому и Ичкерийскому. К этим округам была присоединена часть лезгинских обществ, которая как по языку, так и по обычаям не имела ничего общего с чеченцами.

Естественно, что такой принцип административного деления Терской области не только не отвечал интересам ее жителей, но и стал препятствием к созданию общих судебных учреждений, которые отвечали бы интересам местных феодалов и царизма. Поэтому при разработке в 1862 году «Положения о порядке управления Терской областью» администрация учила выявившиеся недостатки.

Согласно новому «Положению» Терская область была разделена на восемь округов: Кабардинский, Кумыкский, Ингушский, Чеченский, Аргунский, Ичкерийский, Осетинский и Нагорный, которые, в свою очередь, делились на административные участки¹⁵.

Так, например, Кабардинский округ с 1858-го по 1862 год состоял из двух участков. Кабардинские селения и балкарские общества (Балкарское, Хуламское, Безенгиевское), лежавшие по правой стороне реки Шалушки, составляли Черекский, а кабардинские селения и балкарские общества (Чегемское и Урусбиевское), лежавшие по левой стороне, – Баксанский административные участки. Малая Кабарда лишь только в 1862 году была воссоединена с Большой Кабардой и стала третьим административным участком.

В 1866 году из балкарских обществ Черекского и Баксанского участков образован новый, четвертый по счету, административный участок – Горский¹⁶.

В главе областного правления стоял начальник Терской области, который подчинялся непосредственно Наместнику Кавказа и осуществлял военные и гражданские функции управления. Будучи командующим войсками Терской области, помимо общих обязанностей по управлению войсками, на него также были возложены обязанности по управлению горскими народами. Управление горскими народами он осуществлял через своих помощников, начальников военно-народных округов и участков.

Права и обязанности начальников округов и участков, а также сельских старшин были определены в «Инструкции для окружных начальников Левого крыла Кавказской линии», утвержденной в 1860 году¹⁷. Инструкция пред-

писывала начальникам округов и участков всеми имеющимися средствами поддерживать «общественное спокойствие и безопасность; наблюдать за поддержанием существующего порядка и выполнением постановлений и предписаний высшего начальства». Отсюда видно, что новая администрация была призвана стоять на страже созданного в Кабарде и Горских обществах колониального режима и проводить политику царизма среди местного населения.

Для осуществления полицейских функций в селениях, аулах и обществах выбирались старшины и десятские (помощники старшин) из числа прежних владельцев. Им было предоставлено «право наказывать провинившихся в чем-либо жителей арестом до 5 дней».¹⁸

После образования Терской области указанная инструкция была заменена «*Положением о порядке управления Терской областью*», в котором отразились права и обязанности окружных административных начальников и судебных органов с учетом новых изменений в административном строе Терской области¹⁹. Как и прежде, обязанности чиновников всех рангов вытекали из задачи укрепления колониального режима на Северном Кавказе, и в Терской области, в частности.

Военно-народные управление, учрежденные в 50-х – первой половине 60-х годов XIX века, носили временный характер. На них возлагались в основном полицейские обязанности.

Главной задачей военно-народных управлений являлась подготовка местного населения к дальнейшим, более глубоким реформам, призванным приспособить общественно-политический строй горцев Северного Кавказа к существовавшему тогда в России социально-экономическому и политическому строю.

1.2. Создание «народных» судов

В первой половине XIX века царизм на Северном Кавказе еще не имел возможности провести широкую судебную реформу. Поэтому он вынужден был ограничиться тем, что в Кабарде и Осетии были созданы суды, контролируемые военной администрацией. У всех остальных народов были сохранены местные суды в прежнем виде, но

в обязанность приставов было вменено следить за тем, чтобы деятельность этих судов не противоречила интересам России²⁰.

В 50-х – начале 60-х годов XIX века в мероприятиях царизма на Северном Кавказе особое место занимали судебные реформы, так как судебная деятельность являлась одной из функций государственного управления²¹.

Однако правительство не решилось заменить сразу горские суды российскими, хотя это больше всего отвечало его политическим интересам и являлось конечной целью судебных реформ. Опасаясь новых обострений политических отношений с народами Северного Кавказа, царизм при введении новой системы суда в крае не мог позволить себе те вольности, которые он допускал при административных преобразованиях. Он вынужден был считаться с особенностями общественного строя, традициями и нравами, нормами обычного права и религиозными убеждениями местного населения.

При создании в 1858 году так называемых «народных судов» в Осетинском, Чеченском, Кумыкском, Кабардинском, а затем и в других округах, царизм использовал тот богатый опыт, который был накоплен в первой половине XIX века «Временным судом» в Кабарде (1822–1858), «народными судами» в Осетии (1847–1858) и Чечне (1852–1858)²². Члены новых судебных органов избирались из местного населения, а председателями являлись начальники военно-народных округов²³.

Кабардинский окружной «народный суд» состоял из пяти членов – депутатов. Из них четыре депутата избирались «из среды князей, узденей и свободного сословия» на сословных участковых собраниях (по одному депутату от каждого участка), а пятый – «от черного народа (вольноотпущенников и холопов)» на окружном собрании²⁴.

По форме суд был создан по российскому образцу, но юридической основой судопроизводства оставались нормы обычного права местных жителей. По шариату разрешались лишь споры и тяжбы, вытекавшие из духовных (оскорбление религиозных чувств, дела, связанные с деятельностью мусульманского духовенства) и семейных (разводы мужа и жены, споры между родителями и детьми и т. д.) дел. Отсюда видно, что на Кавказе русское правительство и в 50-х годах XIX века продолжало отдавать предпочтение обычному праву горцев, а шариату отводилась лишь незначительная роль. Это объяснялось, во-пер-

ых, стремлением ослабить роль мусульманского духовенства в общественно-политической жизни горцев. Во-вторых, применение адатского права в судопроизводстве горцев «давало возможность внести в народные суды более начал гражданских и сблизить их постепенно с порядками общего судопроизводства»²⁵. По мнению Т. Х. Кумыкова, к этому времени обычное право хорошо было приспособлено не только к феодальным порядкам, но и к русскому законодательству (в Кабарде)²⁶.

Кавказская администрация по примеру русского судебного законодательства все судебные дела разграничила на гражданские и уголовные. Гражданские иски и менее важные уголовные дела: воровство, драка, кража женщин, грабеж и т. д. – оставались в ведении окружных судов»²⁷.

Согласно «Положению» о порядке управления Терской областью от 29 мая 1862 года, более важные уголовные дела были изъяты из ведомства народных судов. К ним были отнесены: «1) Измена; 2) Возмущение против правительства и постановленных от него властей; 3) Личное неповиновение начальству и тяжкое оскорблечение его; 4) Разбой; 5) Похищениe казенного имущества; 6) Убийство и поранение с увечьем»²⁸. Но здесь администрация допускала одно небольшое отступление. Уголовные дела, «связанные с убийством и поранением, оставались в ведении народных судов, если они не были совершены по политическим мотивам»²⁹.

Во всех остальных случаях виновные в совершении перечисленных преступлений, как правило, подвергались наказанию в административном порядке, что означало выселение виновного в Сибирь или в одну из внутренних губерний России.

Когда администрация считала преступление горца особо опасным, она передавала его военному суду для осуждения по военно-полевым законам. В неопубликованной статье В. К. Грабовского «Судебная реформа в применении к горцам Терской области» подчёркнуто: «Вообще же один раз установленного строгого и точного порядка в отношении наложения на горцев наказания за совершенные преступления не существовало. При такой неопределенности функций правительственной власти судьба горца, можно сказать без преувеличения, находилась в руках ближайшего начальства – начальника округа, а иногда даже и начальника участка...»³⁰ Если к этому добавить, что «личный состав административного персонала с самого начала

далеко не отвечал своему положению»³¹, то станет понятным, какие причины лежали в основе столь широкого административно-судебного произвола царских властей на Кавказе. Достаточно сказать, что в 1867 году, по неполным данным, из Кабардинского округа без всякого суда и следствия были выселены 14 человек и 29 человек подвергнуты различным денежным штрафам на общую сумму 1042 рублей³².

Апелляционной инстанцией окружных судов в Терской области был так называемый «Главный народный суд», созданный в 1862 году в областном центре г. Владикавказе. Суд этот состоял из председателя, 6 кадиев и 28 членов-депутатов от военно-народных округов Терской области³³. Депутаты суда назначались начальником области из представителей местной феодальной верхушки.

Кроме того, согласно «Инструкции для окружных начальников», которая была составлена и утверждена в 1860 году, в военно-народных округах учреждались участковые народные суды³⁴. Для этого, как было сказано выше, округа делились на административные участки. Так, в Кабардинском округе имелись четыре участковых суда: Баксанский, Черекский, Малокабардинский и Горский (балкарский), во главе которых стояли участковые начальники. Члены участкового суда избирались сроком на один год на участковом собрании специальными выборщиками, избранными в селениях и сельских обществах. Решение участкового собрания об избрании состава суда утверждалось начальником округа.

Количество членов суда зависело от распоряжений областной администрации. Так, например, в 1860 году начальник штаба Левого крыла Кавказской линии предписывал начальнику Кабардинского округа «иметь в суде Баксанского участка одного кадия и одного члена из фамилии Атажукинской, одного члена из фамилии Мисостовской и одного депутата от черни, итого 4 человека; в суде Черекского участка: одного участкового кадия, одного из фамилии Бекмурзинской и одного члена из фамилии Кайтукинской; в суде Горского участка: одного участкового кадия, одного члена от Балкарского общества, одного члена от Безенгиеvского и Хуламского обществ и по одному от Чегемского и Урусбиевского обществ, и по одному депутату на каждого члена от простого народа, всего 9 человек»³⁵.

Участковый суд был уполномочен рассматривать лишь мелкие гражданские дела. Он рассматривал и решал, главным образом, дела по имущественным искам, кражам, увозу женщин и мошенничеству. Как и в окружном суде, большинство дел рассматривалось, руководствуясь нормами обычного права. Семейные дела, разводы, споры о наследстве и калыме решались по правилам шариата.

Наряду с введенными царизмом судебными учреждениями, у народов Северного Кавказа сохранились так называемые посреднические (медиаторские) суды, которые создавались в каждом конкретном случае тяжущимися сторонами. Решения медиаторских судов, считались окончательными и обжалованию не подлежали.³⁶

Из сказанного видно, что в результате судебных реформ, проведенных царизмом в 50-х – начале 60-х годов XIX века, на Северном Кавказе были созданы новые судебные учреждения, которые назывались «народными». Кавказская администрация, ссылаясь на выборность членов этих судов из числа местных жителей, широко афишировала их создание как результат большой заботы правительства об улучшении общественно-политической жизни кавказских народов.

Но в этих судах народность имела формальный характер, так как делами горских судебных учреждений, непосредственно ведали чиновники административно-полицейского аппарата управления, которые одновременно являлись председателями областных, окружных и участковых органов суда. В состав этих судебных учреждений избирались в основном представители местной феодальной верхушки и духовенства, которые приняли новые порядки лишь для защиты своих интересов. Деятельность членов суда находилась под непосредственным контролем областной администрации.

Все это сводило на нет ту правовую основу (возможность участия в судебной процедуре представителей от самого народа, руководство местным адатом и шариатом при разборе спорных дел и т. д.), которую так усердно превозносila Кавказская администрация.

Указанные судебные учреждения были созданы применительно к феодальному общественно-политическому строю северокавказских народов. Поэтому они были призваны защищать сословные интересы феодалов и служили орудием осуществления политики России на Кавказе.

2. ИНТЕГРАЦИЯ КАБАРДИНСКОГО (НАЛЬЧИКСКОГО) ОКРУЖНОГО ВОЕННО- НАРОДНОГО УПРАВЛЕНИЯ К УСЛОВИЯМ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ (1869–1880-е ГОДЫ XIX ВЕКА)

2.1. Административные преобразования в ходе и после крестьянской реформы

Падение в 1861 году крепостного права в России и те глубокие социально-экономические изменения, произошедшие в ней, не могли не отразиться на ее окраинах. В Кабарде и Горских обществах была проведена крестьянская реформа. Это привело к необходимости приспособления прежде созданной окружной военно-народной администрации к новым условиям социально-экономической жизни кабардинцев и балкарцев. С точки зрения царизма, требовалось также дальнейшее укрепление административной, судебной и полицейской власти над местным населением.

Составленный Особой комиссией в Тифлисе по предложению начальника Терской области М. Т. Лорис-Меликова³⁷ проект о новом административном «устройстве» Кубанской и Терской областей был утвержден Государственным Советом 30 декабря 1869 года³⁸. По новому «Положению о Кубанской и Терской областях» Терская область получила новое административное деление, согласно которому было учреждено семь административно-территориальных округов: Владикавказский, Георгиевский, Грозненский, Аргунский, Веденский, Кизлярский, Хасав-Юртовский³⁹.

В состав Георгиевского округа, вошли бывший Кабардинский округ, г. Георгиевск и слобода Кисловодская. Административным центром округа стала слобода Нальчик. Как и прежде, не учитывались этнические и другие особенности края. Исчезли прежние административные названия (Кабарда, Осетия, Чечня и т. д.) и вместо них появились новые, произошедшие от названия русских крепостей (Георгиевск, Владикавказ, Грозный), впоследствии ставшие административными и культурными центрами.

Во главе окружных управлений по-прежнему стояли русские военачальники, обладавшие более обширными полномочиями, чем раньше.

Округа делились на административные участки. Георгиевский округ в первой половине 70-х годов состоял из четырех участков: Баксанского, Черекского, Малокабардинского и Горячеводского. Участковое правление состояло из пристава, его помощника и письмоводителя.

Реформы на Северном Кавказе не ограничивались созданием новых окружных и участковых органов управления. Для удобства полицейского надзора, обложения местных жителей государственным налогом и его взимания было проведено объединение мелких деревень и аулов в крупные селения. В Кабарде объединение мелких аулов в большие селения и общества было завершено в 1866 году. Эти события сохранились в памяти кабардинского народа под названием «къуажээхэхуэ» («къуажэ» – село + «зэхэхуэн» – гоня собрать в одно место), что свидетельствует о насильственном характере этих изменений. Население Большой Кабарды, составлявшее 97 мелких аулов, было объединено в 30, а 19 аулов Малой Кабарды – в 9 крупных селений⁴⁰. Образованные в результате объединения новые селения и русские станицы, входившие в состав Георгиевского округа в конце 70-х годов, были распределены между административными участками следующим образом (см. табл. 2).⁴¹

Таблица 2

Горячеводский участок

Кабардинские селения		8. Ессентукская	
1. Кармово (Каменномостское)*		9. Невалобная	
2. Бабуково (Сармаково)		10. Горячеводская	
3. Ашабово (Малка)		11. Подгорная	
4. Хасаут-Жерештиево		12. Зольская	
5. Абуково (Залукокоаже)		13. Лысотурская	
Русские станицы		14. Ново-Полтавская	
6. Брагунская		15. Георгиевская	
7. Кисловодская		16. Александровская	
		17. Саблинская	

Баксанский участок

Кабардинские селения		7. Тамбиево I (Кызбурун III)	
1. Куденетово I (Чегем I)		8. Кучмазукино (Старая Крепость)	
2. Куденетово II (Чегем II)		9. Касаево (Баксаненок)	
3. Тохтомышево (Лечинкай)		10. Тыжево (Кишипек)	
4. Атажукино I (Заюково)		11. Тамбиево II (Алтулд)	
5. Атажукино II (Кызбурун I)		12. Атажукино III (Куба)	
6. Наурузово (Кызбурун II)			

13. Ляфипшево (Псыхурей)	Русские станицы
14. Иналово (Карагач)	18. Солдатская
15. Коново (Куркужин)	19. Павловская
Горские общества	
16 Чегемское (Верхний Чегем)	20. Марынская
17 Уруслановское	21. Прохладнодальская (г. Прохладный)

Черекский участок

Кабардинские селения	
1. Коголкино (Урух)	13. Шалушкинское (Шалушка)
2. Хату-Анзорово (Старый Урух)	14. Кошероково (Кенже)
3. Кайсыя-Анзорово (Старый Лескен)	Горские общества
4. Аргудан (Аргудан)	15. Балкарское (Б. Балкария)
5. Верхне-Кожоково (Нижняя Жемтала)	16. Безенгиевское (Безенги)
6. Догужоково (Аушигер)	17. Хуламское (Хулам)
7. Жанхотово (Псыгансу)	Русские станицы
8. Докшуково (Старый Черек)	18. Котляревская
9. Нижне-Кожоково (Нижний Черек)	19. Пришибская
10. Докшукино (г. Нарткала)	20. Александровская
11. Мисостово (Урвань)	21. Урухская
12. Нальчикское-Клишибьевское (Нартан с Вольным Аулом)	22. Слобода Нальчик (г. Нальчик)
	23. Колония Александровская (немецкая)

Малокабардинский участок

Кабардинские селения	
1. Хапцево (Терекское)	Русские станицы
2. Булатово (Терское)	10. Курская
3. Абаево (Урожайное)	11. Государственная
4. Бороково (Арик)	12. Приближенная
5. Муртазово (Терек)	13. Екатериноградская
6. Баташево (Плановское)	14. Черноярская
7. Астемирово (Б. Акбаш)	15. Ново-Осетинская
8. Исламово (Б. Курп)	16. Павлодольская
9. Ахлово (Н. Курп)	17. Луговская

Следующим шагом реформы 60-х годов было создание в селениях (в Кабарде) и сельских обществах (в Балкарии) новой системы административно-судебного и полицейского управления. Согласно составленному Кавказской администрацией в 1868 году «Положению» сельское общественное управление состояло из сельского схода, сельского правления и сельского суда⁴². На них были возложены обязанности полицейского контроля, административного управления и обеспечения своевременного поступления государственных поземельных налогов с населения.

18 ноября 1870 года Кавказская администрация утвердила новое «*Положение о сельских (аульных) обществах и общественном управлении в Кубанской и Терской областях*». Этот нормативный акт был значительным шагом в сторону сближения структуры и характера деятельности сельского правления местного населения Кавказа с аналогичной системой правления в Центральной России. «Положение» вступило в силу с 1 января 1871 года⁴³.

В связи с убийством в 1881 году Александра II и наступлением политической реакции в России в 80–90-х годах был издан ряд законов, сводивших на нет буржуазные реформы, проведенные в 60-х – начале 70-х годов XIX века.

Реакция в центре отразилась на политической обстановке и в Терской области, где с развитием капиталистических отношений обострились социальные противоречия. В связи с этим Кавказская администрация прибегла к новым административным пертурбациям и представила местному начальству особые полномочия.

В рамках этой по сути реакционной политики в 1888 году в Терской области было утверждено новое административно-территориальное деление. Для казачества создали три отдела: Пятигорский, Сунженский и Кизлярский, а для горцев четыре округа – Нальчикский, Владикавказский, Грозненский и Хасав-Юртовский. Таким образом бывший с 1876 года Пятигорский округ преобразован в Нальчикский, в результате чего от Кабарды была отторгнута Северо-Западная часть ее территории, на которой в годы Русско-Кавказской войны основано двадцать восемь казачьих станиц⁴⁴. В их числе были: Ессентукская, Незлобная, Горячеводская, Георгиевская, Подгорная, Зольская, Кисловодская, Пятигорская и другие. На базе этих станиц создан вышеуказанный Пятигорский отдел⁴⁵. Реакционный характер контрреформ выразился в том, что нарушились границы и целостность компактно прожива-

ющих этнических обществ. Так, Малая Кабарда и Ингушетия были подчинены Управлению Сунженского отдела, где они в полной мере испытали на себе «диктатуру казачества»⁴⁶. Лишь в 1905 году по распоряжению наместника Кавказа И. И. Воронцова-Дашкова Малую Кабарду вернули в состав Нальчикского округа, а для ингушей и жителей горной Чечни создали, соответственно, Назрановский и Беденский округа⁴⁷. В Терской области такое территориальное деление и административное управление, восстановившее в полном объеме «военно-народное управление», просуществовало вплоть до Октябрьской революции 1917 года.

Картина административно-территориального устройства Нальчикского округа (без Малой Кабарды) с указанием места пребывания участковых правлений, количества дворов и жителей в каждом населенном пункте дается по данным Терского календаря на 1898 год (см. табл. 3). Данные Терского календаря показывают, что в конце XIX века Кавказская военная администрация пошла на встречу балкарской части населения Нальчикского округа и из обществ Балкарского, Хуламского, Безенгиевского, Чегемского и Урусбиевского создали отдельный административный участок под № 2.

Таблица 3

№ п/п	Название населенных пунктов и места пребывания участковых начальников	Дворов	Жителей обоего пола
Местопребывание начальника и управления округа в сл. Нальчик 1-й участок			
Местопребывание участкового начальника в поселке Баксанском Селения			
1	Кармово с поселком Хабаз	411	2811
2	Ашабово с поселком Зольским	530	3465
3	Бабуково	290	2205
4	Атажукино 1-е	338	2375
5	Атажукино 2-е	279	1792
6	Атажукино 3-е	286	2074
7	Лафипшево	179	1106
8	Иналово	386	1807
9	Тамбиево 1-е	319	2515
10	Тамбиево 2-е с поселком Комаревским	204	1592
11	Касаево с поселком Кучмазукинским и Отрадой	305	2106
12	Кучмазукино с поселком Баксанским	453	2070
13	Тыжево	207	1359
14	Наурузово	357	2661
15	Коново	450	2953
16	Хасаут	159	1269
17	Ново-Полтавское с хуторами	57	957
18	Кременчугско-Константиновское с поселками: Полтавским, Ново-Никольским, Ново-Андреевским и Новобогословским и владельцами хуторами	178	1347
2-й участок			
Местопребывание участкового начальника в сл. Нальчик			
1	Слобода Нальчик с еврейским поселком	655	4589
Общества			
2	Балкарское (состоит из поселков: Чегет-Эль, Шаурдан, Куспарты, Сауты, Верхний Чегет, Нижний Кунгом, Верхний Ишконты, Тюбель-Эль, Нижний Чегет, Курноят, Нижний Ишконты, Верхний Кунгом, Зарапши, Фардык; Мухол, Тура-Хабла, Зилги, Дулат и Кашика-тау)	678	6530
3	Хуламское (состоит из поселков: Хуламский, Усхур, Жабоев, Узен и Тотур)	216	2282

4	Безенгиевское (состоит из поселков: Безенгиевский и Шики)	188	1314
5	Чегемское (состоит из поселков: Чегемский, Булуингу, Урсеундак, Кям, Суусуалар, Нумала, Ачи, Джуюнгур, Кок-Таш, Ак-Тофрак, Биктыр-гу, Гудерги, Кочкор-Танг, Чижок-Кабак-Орун, Озроковский; хуторов: Джарльги, Иличири, Тызга, Беппур, Калла, Тузулгу, Быкмылги и Джора)	538	4514
6	Урусбиевское общество (состоит из селения Урусбиевского и хуторов: Курму, Кизгит, Чалмаз, Комыш-Икалды, Кизген, Кизел-Кез, Тегсийкши, Члтыр-Тала, Картык, Мукузан, Камык, Гагиш, Шомиалат, Эль-Чурту, Тути и Куркужан)	400	2771
7	Селение Гунделен	272	2045
8	Колония Александровская	115	966

3-й участок

Местопребывание участкового начальника в сел. Докшоково
Селения

1	Докшоково	226	1691
2	Тохтамышево	106	617
3	Куденетово 1-е	311	2447
4	Куденетово 2-е	203	1455
5	Кайсын-Анзорово	430	3337
6	Хату-Анзорово	149	1223
7	Коголкино	236	1600
8	Аргудан	379	2395
9	Докшукино	231	1493
10	Догожуково	158	1035
11	Жанхотово	344	2299
12	Нижне-Кожоково	218	1351
13	Верхне-Кожоково с поселком Темиркановским	113	1106
14	Нальчикско-Клишибьевское	502	3003
15	Шалушкино	320	1916
16	Кошероково	137	887
17	Мисостово	142	1074
18	Ново-Ивановское с поселками Баксанским и Ново-Курским и 6 хуторами	136	912
19	Средне-Урухское	69	581
20	Хутора Каменское и Шалушкинский	100	257

Территория Нальчикского округа после воссоединения Малой Кабарды с Большой составила 1 089 411 десятин примерно $\frac{1}{6}$ часть всей территории Терской области.

С 1906 года Нальчикский округ состоял из четырех административных участков. Территория (без учета летних пастбищ и частновладельческих земель) и население каждого административного участка в 1906 году выглядят следующим образом (см. табл. 4)⁴⁸.

Таблица 4

Административные участки	Место нахождения участкового управления	Территория, занимаемая сельскими обществами (в десятинах)	Количество населения
Первый	сел. Баксанское	136 435	46 328
Второй	сл. Нальчик	102 389	28 023
Третий	сл. Нальчик	99 027	41 023
Четвертый	сел. Муртазово	79 500	25 259

В 1915 году в первый административный участок входило 20, во второй – 9, в третий – 19, в четвертый – 12 населенных пунктов. Итого по всему Нальчикскому округу числилось 60 населенных пунктов. В том числе 45 – с кабардинским, 9 – с балкарским, 3 – с русским, 1 – с немецким и 2 – со смешанным населением. Накануне Октябрьской революции (1916) общее количество проживающих в округе составляло 180 966 человек⁴⁹, на 40 335 больше, чем в 1906 году. Такой быстрый рост населения происходил, главным образом, за счет переселенцев. Так, с 1901-го по 1915 год русское население увеличилось на 10 713 человек, немецкое – на 1344, грузинское – на 283 человека⁵⁰. Особенно значительным было количество украинских переселенцев.

Крестьянская реформа и административные преобразования 60–70-х годов способствовали притоку русского и украинского населения в округ. Правительство рассчитывало сделать его проводником колониальной политики. Но переселение славянского населения в Нальчикский округ, вопреки желанию администрации, сыграло положительную роль в хозяйственной и культурной жизни

кабардинцев и балкарцев⁵¹. Кабардинцы вступили с русским населением в тесные торгово-экономические связи. Они приобретали у русских сельскохозяйственные орудия и машины: плуги, косилки, конные грабли, молотилки и др. Это способствовало повышению производительности труда и поднимало культуру земледелия. Большая часть производимого кабардинцами хлеба и продуктов животноводства находила сбыт в русских городах и казачьих станицах. Благодаря этому в Кабарде и Горских обществах развивались рыночные отношения.

Установление экономических связей между местным и пришлым населением вело к усилению дружеских (куначеских) отношений и взаимовлияния культур. Новоселы переняли у местных жителей форму одежды и ряд полезных сведений по содержанию скота и пчеловодству.

2.2. Судебные реформы

После крестьянской реформы происходят новые изменения не только в административном строе, но и в судебных учреждениях. В соответствии с «Временными правилами для горских и словесных судов Кубанской и Терской областей», «народные суды» в 1871 году были преобразованы в так называемые Горские словесные суды⁵². Горские словесные суды вводились временно, до полного распространения русского законодательства.

Принципы организации Горских словесных судов и порядок судопроизводства в них в основном совпадали с требованиями русского Судебного устава от 20 ноября 1864 года. «Временные правила» позволяли местным судам при разборе дел руководствоваться соответствующими статьями из русского судебного права⁵³. Это говорит о том, что Кавказская администрация при составлении «Временных правил», учитывая изменения, произшедшие в социально-экономическом строе горских народов после крестьянской реформы стремились приблизить местные судебные органы и порядок судопроизводства в них к общечемпским.

На основании «Временных правил» в Терской области с 1 января 1871 года были учреждены семь Горских словесных судов: Нальчикский (для кабардинцев и балкарцев), Владикавказский (для осетин), Назрановский (для ингушей), Хасав-Юртовский (для кумыков), Грозненский, Веденский и Аргунский (для чеченцев)⁵⁴.

Вскоре осетины и кабардинцы высказались за введение у них русских судебных институтов вместо горских судов⁵⁵. Однако правительство отказалось удовлетворить просьбу кабардинцев, считая преждевременным пойти на такой шаг. Для осетин было сделано исключение, где 28 октября 1871 года был создан мировой отдел Владикавказского окружного суда вместо упраздненного словесного суда⁵⁶.

Обязанности председателя окружных судов исполняли помощники начальников округов⁵⁷.

Реформе подвергались и низшие звенья судебной системы Терской области. В Осетии, Кумыкии и Ингушетии, были упразднены участковые суды и взамен них созданы сельские суды. В Кабарде еще в 1868 году участковые суды были заменены сельскими судами. Они создавались по примеру волостных судов Центральной России. Дела, подведомственные этим судам, были одинаковы, но в правах они несколько отличались друг от друга. Так, например, в сельских судах рассматривались исковые споры до 30 рублей, а в волостных – до 100 рублей. Эти суды отличались и по видам наказаний, налагаемых ими на виновных в нарушении правопорядка. Так, например, в отличие от волостных судов, сельские суды не пользовались правом наложения на виновных телесного наказания. Это свидетельствует о том, что при создании сельских судов царизм вынужден был считаться с понятием горцев «о личном достоинстве человека».

Из сказанного вытекает, что судебные реформы 60–70-х годов XIX века на Северном Кавказе были вызваны экономическими и политическими потребностями России и изменениями в социально-экономической жизни местного населения.

С введением окружных и сельских словесных судов, вместо прежних народных судов, на местное население постепенно распространялось Российское законодательство. Это было положительным явлением, так как русское законодательство второй половины XIX века в большей степени отвечало новым условиям жизни горцев, сложившимся после отмены крепостного права в Кабарде и Горских обществах. Новые судебные учреждения способствовали ослаблению феодально-патриархальных отношений, ограничению судебного произвола князей и таубиев, приобщали местное население к более передовым формам общественно-политической жизни.

Следует также подчеркнуть, что административные и судебные реформы 60–80-х годов XIX века позволили создать в Кабарде и Балкарии четко работающую систему управления, многократно усилившую власть чиновников над местным населением. Тем самым в основных чертах был завершен процесс полной интеграции Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Калмыков Ж. А. Установление российской администрации на Северном Кавказе (вторая пол. XIX в.) // Исторический вестник КБНИИ. Нальчик, 2006. Вып. 4. С. 273.
- ² Отчет Главнокомандующего Кавказской Армией по военно-народному управлению за 1863–1868 гг. СПб., 1870. С. 2.
- ³ Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 1. С. 176.
- ⁴ АКАК. Т. 12. С. 664.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. С. 645.
- ⁷ Калмыков Ж. А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1995. С. 12.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 13.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Цуцуев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Издательство «Европа», 2006. С. 25.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 14.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Эсадзе С. Указ. раб. С. 168.
- ²² Ленин В. И. ПСС. Т. 32. С. 483.
- ²³ АКАК. Т. 12. С. 645.
- ²⁴ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 15.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Эсадзе С. Указ. раб. Т. 12. С. 175.
- ²⁷ Кумыков Т. Х. Указ. раб. С. 168.
- ²⁸ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 16.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ ЦГИА Грузии, ф. 416, оп. 4, д. 32, л. 3.

³² Гершельман П. Причины неурядиц на Кавказе. СПб., 1908. С. 62, 63.

³³ ЦГИА Грузии, ф. 7, оп. 8, д. 14, л. 22, 23.

³⁴ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 17.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Это был тот М. Т. Лорис-Меликов, которого Александр II в 1880 г. назначил Министром внутренних дел и прославился своей политикой сближения с «обществом» и борьбы с революцией.

³⁸ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 17.

³⁹ Эсадзе С. Указ. раб. Т. 2. С. 84.

⁴⁰ Отчет по главному управлению наместника Кавказского... Тифлис, 1973. С. 63.

⁴¹ Кумыков Т. Х. Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1959. С. 132–134.

⁴² ЦГА СОР, ф. 1, оп. 52, д. 14, л. 146–166; Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 37.

⁴³ ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 888, л. 36, 37.

⁴⁴ Калмыков Ж. А. Установление российской администрации на Северном Кавказе // Исторический вестник КБНИИ. 2006. Вып. 4. С. 285.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 286.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Терский календарь на 1912 г. Владикавказ, 1911. С. 19.

⁴⁹ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 692, л. 62–64.

⁵⁰ Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г. (Терская область). Владикавказ, 1919. С. 14.

⁵¹ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 514; Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского Казачьего войска за 1915 г. Владикавказ, 1916.

⁵² См.: История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 355, 356.

⁵³ Троицо Ф. Ф. Царизм и горские народные суды Северного Кавказа в 60–90-х годах XIX в. // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1966. Т. 25. С. 114.

⁵⁴ ЦГИА России, ф. 416, оп. 4, д. 32, л. 3 об.

⁵⁵ ЦГА СОР. Инвентарная книга № 1312 «Временные правила для горских словесных судов в Кубанской и Терской областях». С. 1.

⁵⁶ Отчет по главному управлению наместника Кавказского... Тифлис, 1873. С. 63.

⁵⁷ Агашев Н. М., Бушен В. Д. Материалы по обозрению горских народных судов Кавказского края. СПб., 1912. С. 163.

⁵⁸ ЦГИА Грузии, ф. 7, оп. 3, д. 2826, л. 1, об 2.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ НАЛЬЧИКСКОГО ОКРУГА В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: ХАРАКТЕР И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

1. ОКРУЖНЫЕ И УЧАСТКОВЫЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ

Из предыдущего изложения видно, что в результате административных и судебных реформ, проведенных правительством в 50–80-е годы XIX века в Георгиевском (Нальчикском) округе, т. е. в Кабарде и Горских обществах, высшей административной инстанцией стало Окружное управление с начальником округа во главе (см. табл. 5).

Начальника округа обычно назначал начальник Терского областного управления из числа офицеров Кавказской военной администрации. Он был облечён неограниченной властью в осуществлении военного, административного и полицейского управления. Через соответствующие отделы он осуществлял общее руководство хозяйственной и культурной жизнью края¹. А при отсутствии начальника округа его обязанности исполнял старший помощник².

Младший помощник заведовал канцелярией управления³ и, как правило, являлся председателем окружного суда⁴.

Помощники назначались начальником области из числа офицеров Кавказской армии или казачьих войск⁵.

Кроме помощников, при управлении числились два делопроизводителя, два врача — медицинский и ветеринарный, один переводчик.

До конца первого десятилетия XX века должности начальника округа и его помощников не могли занимать представители коренной национальности. Начиная с 1890-го по 1910 год в должности начальника Нальчикского округа служили подполковники Вырубов, Попов, Стражов и полковник барон Тизенгаузен.

Таблица 5

**СТРУКТУРА
административно-политического строя Кабарды и Горских
обществ во второй половине XIX – начале XX века**

Царское правительство не доверяло даже верным союзникам, выходцам из привилегированных сословий Кабарды и Горских обществ, хотя среди них были люди, дослужившиеся до высоких чинов – генералов и полковников российской армии.

В начале XX столетия положение начинает меняться. Участились случаи «дерзких выступлений среди туземного населения Терской области», и в связи с этим начальник области вынужден был констатировать, что русские чиновники «не могли в сознании туземного населения... пробудить полного доверия к своим распоряжениям»⁶. Поэтому власти вынуждены были пойти на уступки – назначать в окружные и участковые административные органы представителей местной знати, чтобы сделать их проводниками колониальной политики царизма.

Так, с 1910-го по 1917 год начальником Нальчикского округа был подполковник Султанбек Клишибьев, его младшим помощником капитан Мамышев⁷. Некоторое время начальником второго административного участка служил корнет Мисост Абаев. В 1916 году помощниками начальников на двух участках были Измаил Карабугоев и Инал Докшукин.

Царизм, выдвигая представителей местной знати на административные работы, преследовал две цели: во-первых, при помощи подобных администраторов укрепить доверие местного населения к Кавказской администрации,

и, во-вторых, создать видимость народного самоуправления и тем самым ослабить, если удастся, заглушить социальный протест населения.

Однако подобные маневры царизма не могли обмануть народные массы. Народ видел, что от этого положение не менялось. Чиновники местного происхождения были даже более жестокими и прямолинейными, чем русские администраторы. Исключение составил Султанбек Клишибиев, с именем которого связывают строительство железнодорожной ветки от Прохладного до Нальчика и учебного здания для реального училища, развитие школьного образования, оказание материальной помощи молодежи, желающей учиться в вузах страны, поддержка женского образования и т. д.⁸ Поборником просвещения кабардинцев и балкарцев был и Мисост Абаев, автор исторического очерка «Балкария».

Функции окружного управления можно разделить на три категории: военные, административно-полицейские и общественно-политические.

Начальник округа в военное время формировал новые воинские подразделения из числа местных жителей, организовывал поставку лошадей в кавалерийские части, реквизировал у населения скот и другие сельхозпродукты для нужд фронта. В мирное время он следил за состоянием боевой готовности тех воинских подразделений, которые дислоцированы были в пределах его округа.

Обширными были административные и полицейские функции окружного начальника. Он руководил работой всех подразделений административной системы округа. Контролировал исполнение обязанностей помощников по управлению, участковых начальников, сельских старшин, членов окружного и сельских судов. При этом он руководствовался соответствующими инструкциями для должностных лиц⁹, «Положением» об управлении сельскими обществами¹⁰, «Временными правилами Горских словесных судов»¹¹ и распоряжениями вышестоящей администрации.

Делом особой заботы окружного управления являлось обеспечение покорности населения или, как часто чиновники администрации любили выражаться, обеспечение «государственных интересов».

Для этой цели в Терской области была создана специальная полицейская служба из числа местных жителей под названием Терской постоянной милиции¹². Она со-

стояла из восьми сотен, по сто владников в каждой. Первая сотня Терской постоянной милиции находилась в распоряжении начальника Нальчикского округа и составляла полицейскую силу, призванную охранять общественный порядок в Кабарде и Горских обществах¹³. Кроме этого, здесь имелась еще своя собственная полиция, известная под названием летучей команды¹⁴. Эти полицейские силы использовались для усмирения местных жителей¹⁵.

Административно-полицейский произвол особенно усилился накануне первой русской революции, когда начальником округа был подполковник Попов. Материалы свидетельствуют о том, что он сажал людей в тюрьму по вся кому поводу и без повода. При нем полицейский произвол настолько усилился, что было запрещено даже жаловаться по поводу несправедливых действий сельских должностных лиц¹⁶.

Окружное начальство с большим усердием следило через своих подчиненных за тем, чтобы без официального разрешения кабардинцы и балкарцы не переселялись из одного селения в другое и не выезжали за пределы округа. Самовольно переселившихся возвращали на прежнее место жительства полицейскими мерами¹⁷.

Пользуясь почти неограниченными правами, окружное управление контролировало выборы сельских должностных лиц. Как будет сказано ниже, окружное управление к должности сельских обществ не допускало людей, которые являлись неблагонадежными. Уже избранные на должности, но не оправдавшие надежды администрации увольнялись, как не соответствующие занимаемым должностям. Когда сельские общества не избирали угодных администрации людей на должности старшины, она грозила им назначением правительственных старшин¹⁸. Приговоры сельских сходов, по каким бы вопросам они ни были, принимали законную силу только в том случае, если они утверждались начальником округа.

Общественно-политический орган Кабарды и Горских обществ, который назывался «Съездом доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти Горских обществ», функционировал под непосредственным контролем начальника окружного управления. Когда приближалось время очередного созыва Съезда доверенных или когда возникали вопросы, требующие срочного обсуждения и решения, начальник округа извещал об этом старшин сельских обществ, чтобы последние собирали у

себя сельские сходы для выбора делегатов и обсуждения повестки дня Съезда¹⁹. Вполне понятно, что при таком порядке созыва и проведения Съездов о решении на них общественных вопросов на демократических началах не могло быть и речи. Администрация, за редким исключением, добивалась принятия Съездами решений, угодных царскому режиму.

Таким образом, начальник округа, пользуясь неограниченной властью, осуществлял контроль над всей общественно-политической жизнью, активно проводил в жизнь идеи и порядки царизма. При этом он грубо попирал обычаи и традиции народа, а также те незначительные общественно-политические права, которые были предоставлены местным жителям в результате административных реформ 60-х годов XIX века.

Под строгим надзором окружного управления находилось школьное образование и культурно-просветительская деятельность местной интеллигенции. Контингент учащихся Нальчикской горской школы (впоследствии реального училища) набирался под наблюдением начальника округа. Просьбы о назначении стипендии учащимся и студентам высших и средних учебных заведений и Нальчикского реального училища направлялись начальнику округа. Эти прошения рассматривались в специальной комиссии под председательством окружного начальника²⁰. Он также являлся председателем «Общества распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа», которое было основано в 1906 году по инициативе местной интеллигенции²¹. В поле зрения администрации находились и другие общественные и культурно-просветительские организации, такие, как «Нальчикское благотворительное общество» и «Нальчикское общественное собрание».

Такая «активность» окружной администрации объяснялась стремлением создать видимость, что она считается с требованиями прогрессивной части населения об открытии школ и создании просветительских кружков для преодоления культурной отсталости. В действительности же цель окружной администрации заключалась в том, чтобы находиться в центре всех мероприятий для осуществления полицейского надзора. Прогрессивные же начинания некоторых деятелей нередко встречали противодействие со стороны той же администрации.

В подтверждение сказанного достаточно привести возражение начальника Нальчикского округа против открытия в Нальчике средней сельскохозяйственной школы. В 1894 году он писал, что «нет никакого основания рассчитывать, чтобы учредить для такого сравнительно небольшого района, как Нальчикский округ, среднее сельскохозяйственное заведение общего типа, которых в России пока всего шесть»²².

Мнения всех чиновников Кавказской администрации сходились на том, что горцам, в частности кабардинцам и балкарцам, нет необходимости прививать образование. В 1880 году попечитель Кавказского учебного округа свое возражение против преобразования Нальчикской горской школы в реальное училище обосновал тем, что кабардинцы и балкарцы якобы «не доросли до того, чтобы у них была гимназия и дети получили такое образование»²³. Такое презрительное отношение к малым народам было введено в ранг государственной политики царского самодержавия.

Сущность экономического развития Нальчикского округа в изучаемый период заключалась в том, что эти районы и в целом Северный Кавказ постепенно превращались в сырьевую прилаток капиталистической промышленности Центральной России. Кавказская администрация, в том числе и Нальчикское окружное управление, всячески поощряя такое одиобокое развитие местной экономики, стремилась сохранять те неразвитые общественные отношения, которые сложились в результате половинчатых буржуазных реформ, проведенных царизмом в 60-х годах XIX века. При таких условиях сельское хозяйство не могло подняться до какого-нибудь значительного уровня. Однако это было выгодно царизму, так как оно давало возможность эксплуатировать и держать в повиновении экономически слабо развитые народы,

Поэтому окружное управление всячески стремилось воспрепятствовать тем объективным изменениям, которые происходили вопреки желанию правительства. Более полувека окружная администрация, поддерживая общинные порядки, боролась против распространения свободней купли и продажи крестьянского надела, против свободных арендных отношений в крестьянском землепользовании, против свободного севооборота и против семейных разделов, которые являлись закономерными последствиями развития рыночных отношений в сельском хозяйстве.

Таким образом, царизм по отношению к крестьянству проводил политику сохранения общинных форм землепользования, в которых господствовали патриархальные отношения, задерживавшие прогрессивное развитие экономики. Система хозяйствования была рассчитана на то, чтобы приковать крестьянство к земле, к общине с ее средневековой замкнутостью и этим помешать ему подняться на борьбу против социального и национального гнета.

Что касается отношения окружного управления к частной форме землевладения, то оно здесь проводило противоречивую политику. С одной стороны, оно не препятствовало свободной купле и продаже частновладельческих участков, поощряло покупку русскими и украинскими переселенцами земель у местных феодалов. Для этого им было разрешено покупать земли через Крестьянский банк с рассрочкой оплаты стоимости. Это способствовало нахождению новых владельцев земель из русских, украинских и немецких колонистов.

С другой стороны, окружное управление стремилось поддержать местных крупных землевладельцев, ското- и коновладельцев, выделяя им дополнительные участки на Зольских и Нагорных пастбищах. В целом же администрация стояла за незыблемость частной собственности на землю со стороны местной знати и колонистов, рассчитывая на их поддержку.

Социальная сущность экономической политики окружной администрации ярче всего проявлялась в вопросах определения формы пользования Зольскими и Горными пастбищами, которые служили для кабардинцев и балкарцев важным средством развития скотоводства. Всякий раз, когда возникал вопрос о необходимости выработки новых правил пользования летними пастбищами, симпатии окружной администрации оказывались на стороне крупных коннозаводчиков и скотоводов, которые предлагали отменить подворный принцип распределения пастбищ и распределить эти земли пропорционально количеству скота в каждом селении и в каждом хозяйстве.

Начальник Нальчикского округа полковник Страхов в 1905 году писал, что следовало бы «всю территорию Нагорных и Зольских пастбищ распределить не пропорционально количеству дворов жителей, а пропорционально количеству голов имеющегося у них скота, овец, лошадей...»²⁴ Более того, он предлагал распределить равнинную

и орошающую часть Зольских пастбищ между крупными коннозаводчиками.

После продолжительной борьбы между представителями трудовых масс и коннозаводчиков окружной администрации удалось решить этот вопрос в пользу последних на Съезде доверенных Кабарды и Балкарии, состоявшемся в 1911 году в слободе Нальчик²⁵.

В этом заговоре против народных масс решающую роль сыграл начальник округа Султанбек Клишибиев. Недаром о нем народ сложил песню следующего содержания:

*Из рода Клишибиевых отпрыск презренный
Зольские земли раздал богатеям...
И на просторных полях кабардинских
Как прежде, теперь мы не пашем, не сеем.*

Начальник округа прилагал все усилия к тому, чтобы было обеспечено своевременное поступление от населения налогов. Несмотря на многочисленные протесты со стороны кабардинских и балкарских крестьян, они увеличивались из года в год²⁶. Доведенные до нищеты и не имея средств для покрытия налогов, сельские общества часто обращались к администрации с просьбами об отмене столь высоких налогов или же продления срока их уплаты. Так, в 1913 году доверенные от Абуковского сельского общества обратились в окружное управление с просьбой отсрочить срок уплаты казенных налогов за второе полугодие (1913) до уборки нового урожая²⁷. Однако названный выше Клишибиев на просьбу крестьян высокомерно ответил: «Абуковское селение слишком богато, чтобы просить пособия и рассрочки»²⁸.

Начальник округа ежегодно представлял в Терское областное управление отчет о состоянии управляемого им округа. Отчеты окружного управления составлялись на основании статистических данных, представленных начальниками участков, старшинами сельских обществ и других подведомственных учреждений²⁹.

Сначала статистические сведения сельских обществ сводились в одно общее по всему Нальчикскому округу, а потом подробно комментировались эти сведения в «Общем обзоре к годовому отчету Нальчикского округа» за тот или иной год. Этот обзор составлялся по заранее известному трафарету, который дает ценные сведения об экономиче-

ском развитии общественно-политической жизни Кабарды и Горских обществ.

Во всех ежегодных отчетах содержатся сведения о территории и населении, об административном строе и работе окружного суда, о состоянии школьного образования и медицинского обслуживания, о степени развития сельского хозяйства и промышленности и в самом конце, как правило, о «народных нуждах».

В разделе «народные нужды» начальник округа из года в год указывал только на необходимость улучшения путей сообщения, строительства дорог и мостов. Изредка обращал внимание на «недостаток сельских школ, ввиду неимения для них учителей»³⁰.

Администрация сознательно тормозила дело создания школ и подготовки учителей. Она умалчивала и о других бедствиях народа, о таких, как малоземелье и безземелье большей части населения, об изживших себя формах крестьянского землепользования, о недостаточности обеспечения крестьян сельскохозяйственными орудиями и предметами первой необходимости, о плохом состоянии медицинского обслуживания, о многочисленных жалобах крестьян на административно-полицейский произвол сельских старшин и несправедливые решения сельских судов, о бесправном положении коренного населения округа.

Следует заметить, что окружная администрация, как орган власти, в конце XIX – начале XX века перестала отвечать требованиям жизни. Более того, она стала тормозом хозяйственного и культурного развития края. Наместник Кавказа граф Воронцов-Дашков в 1907 году вынужден был признать, что сохранение военно-народных управлений «ведет лишь к отсталости» горских народов в «культурном отношении»³¹. По его мнению, начальники военно-народных управлений на Северном Кавказе не были «в состоянии совмещать в себе все функции административной деятельности государства по благоустройству сельских местностей»³².

Однако правительство не решалось заменить военно-полицейскую систему управления более прогрессивными формами власти. Оно отказывалось вводить на Кавказе земское самоуправление, хотя оно было введено в самой России еще в 1864 году. Царизм считал, что местные жители Кавказа еще не подготовлены «к восприятию земской реформы»³³. Правительство считало, что существование «на местах единоличной административной власти в руках

окружных начальников, облеченные широкими полномочиями... дает возможность сдерживать всякое противоправительственное движение в самом его начале»³⁴, оно боялось выступления крестьян и ввиду этого предпочитало сохранить на Кавказе полувоенный, полуоккупационный режим.

Начальники участков и их помощники контролировали всю общественно-политическую жизнь сельских обществ в пределах своих административных территорий. Для контроля общественного мнения они были обязаны присутствовать на сельских сходах при выборе старшин и при решении наиболее важных экономических вопросов³⁵.

Особое внимание уделялось подбору кадров старшин. До 1906 года кандидатуры на должности старшин подбирались и представлялись начальниками участков и округа в областное управление для назначения. С 1906 года старшины стали избираться в самих сельских обществах. Но это не значит, что участковые начальники были отстранены от подбора кадров старшин. Наоборот, им строго предписывалось добиваться избрания на эти должности людей, более надежных с точки зрения царизма³⁶.

Участковые начальники осуществляли административно-полицейский контроль за деятельностью сельских старшин и их помощников. За неисполнение своих обязанностей последними в соответствии с требованиями участковой администрации, виновные подвергались административным наказаниям или освобождению от занимаемых должностей.

Права начальника участка распространялись и на сельских судей³⁷. Судьи, избранные на сельских сходах и утвержденные начальником Терской области, приводились к присяге участковыми начальниками и только тогда они имели право приступать к исполнению своих обязанностей³⁸. Если решение суда по тому или иному вопросу оказывалось неугодным начальнику участка, он мог приостановить вступление приговора в силу или даже отменить его и наложить взыскание на членов суда.

Одной из важных обязанностей участковых начальников было следить за своевременным поступлением от населения казенных и мирских налогов и контролировать расходы из сельских «общественных сумм»³⁹. В 1913 году начальник округа полковник Клишбиев в специальном циркуляре обязывал старшин ежемесячно, к первому чис-

лу, докладывать участковым начальникам о состоянии сбора налогов с населения. Участковые начальники, в свою очередь, должны были докладывать об этом в окружное управление к десятому числу каждого месяца⁴⁰.

На начальников участков возлагались и полицейские обязанности, которые исполнялись ими с наибольшим усердием. Они постоянно следили за настроением населения, ежемесячно докладывая об этом начальнику округа. Когда в пределах участка возникали волнения крестьян, протесты с их стороны против злоупотребления властью, участковые приставы срочно сообщали об этом начальнику округа и, не дожидаясь его распоряжения, принимали меры по их пресечению.

Приставы следили за тем, чтобы в пределах своих участков не проживали посторонние лица, не получившие на это разрешения, чтобы люди из одних селений не переселялись в другие без утвержденных начальством приговоров сельских сходов и самовольно не образовывали отдельные хутора⁴¹. Они собирали сведения о благонадежности должностных лиц сельского правления, учителей сельских школ (особенно русского происхождения), служителей мусульманского духовенства и докладывали об этом в окружное полицейское управление⁴². Местная администрация с особой подозрительностью относилась к русским учителям и писарям, поддерживавшим дружественные отношения с местными жителями. Она стремилась держать их дальше от народа, боясь, что они могут оказаться пропагандистами антиправительственных идей среди населения. Это видно из многочисленных документов департамента полиции.

Участковые чиновники были обязаны заниматься также и хозяйственными вопросами. В их обязанность вменялось регулировать хозяйственный быт жителей: улаживать земельные споры внутри сельских обществ, давать указания о том, какова должна быть структура посева в пределах их административных территорий, следить за тем, чтобы не нарушались границы, разделяющие «юртевые» наделы и пастищные угодья сельских обществ, чтобы сдавались в аренду излишки пастищных угодий согласно правилам, выработанным Съездом доверенных Кабарды и Горских обществ.

В своих отчетах, и рапортах участковые начальники сообщали в окружное управление подробные сведения о состоянии сельского хозяйства в подведомственных им

селах. Поэтому они представляют значительный интерес для науки. Так, начальник первого участка в своем рапорте от 14 декабря 1904 года в общем обзоре земельных отношений показал процесс захвата общинных земель знатью и зажиточной частью крестьянства, указав тем самым на причины, лежавшие в основе «неравноправного отношения» к земле⁴³. Там же он писал, что в результате развития товарного землевладения и скотоводства крестьянство распалось «на категории богатых, среднесостоятельных и бедняков».

Приведенные выше наблюдения позволяют сделать вывод о том, что окружные и участковые органы власти совмещали хозяйствственные, административные, судебные, военные и полицейские функции. Неограниченные права, предоставленные им, порождали произвол.

Деятельность окружной администрации, вопреки требованиям, вытекавшим из экономических потребностей самой России и внутреннего развития Кабарды и Балкарии, была направлена на увековечивание старых, изживших себя общественно-политических институтов и хозяйственных форм.

2. СТРУКТУРА И ХАРАКТЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Самой низшей инстанцией Нальчикской окружной администрации являлась сельское общество с его так называемым сельским общественным самоуправлением. Сельское общественное самоуправление состояло из сельского схода, сельского правления и сельского суда.

Значительная часть административных функций в пределах села была возложена на сельское правление.

Во главе сельского правления стоял старшина, в подчинении которого находились все без исключения жители в пределах данного селения⁴⁴. Кроме старшины, в сельское правление входили и другие должностные лица, которые избирались на сельских сходах. Это помощники старшин, сельские казначеи, сельские эфенди, общественные доверенные и санитарные попечители. Вспомогательный персонал сельского правления состоял из сельского писаря, рассыльного, сельского глашатая, сторожа, телефониста (в случае наличия телефонной связи) и лесного сторожа.

Количество штатных должностей определялось сельским сходом, исходя из общего количества дворов, и условиями, в которых находилось общество.

В отличие от других должностных лиц сельской администрации, старшины назначались сверху. По мнению Я. Абрамова, «назначение аульных старшин вызвано желанием» администрации «иметь в аулах своих людей», надежно охраняющих интересы правительства⁴⁵. Кандидаты в сельские старшины подбирались начальниками участков и утверждались начальником Терской области по представлению начальника Нальчикского округа. Они допускались к исполнению обязанностей после принятия присяги в окружном управлении о беспрекословном исполнении всех поручений и требований администрации⁴⁶.

Из многочисленных переписок сельских старшин с окружным управлением видно, что до конца XIX столетия на должности старшин, как правило, назначались представители княжеских и дворянских фамилий⁴⁷. Это говорит о том, что старая княжеско-дворянская знать еще пользовалась большим влиянием и оставалась у руля общественного управления.

В конце XIX – начале XX века, когда в России развитие капитализма вступило в новую стадию, в экономике и социальной структуре Кабарды и Горских обществ наблюдаются заметные сдвиги. Под влиянием русского капитализма происходит дальнейший процесс расслоения крестьянства, выделяются две крайне противоположные социальные группы: деревенская беднота и сельская буржуазия.

С ростом экономического потенциала некоторой части крестьянства роль последней в общественной жизни округа возрастает. Это подтверждается тем, что во многих селениях старшины стали назначаться из представителей зажиточной части крестьянства⁴⁸. Так, в 1903 году в первом административном участке Нальчикского округа в восьми сельских обществах из пятнадцати, а в третьем участке – в девяти из семнадцати селений старшинами служили представители зажиточного крестьянства.

Старшина назначался сроком на три года и не был зависим от населения. В зависимости от воли окружных властей старшина мог занимать свой пост три, четыре и более срока, несмотря на жалобы сельчан и требования масс сместь его с поста⁴⁹.

Старшины, пользуясь тем, что при их назначении на должность население не играло почти никакой роли, не ограничивали себя в злоупотреблении служебным положением. «Аульные старшины сплошь и рядом совершают самые невероятные злоупотребления своей широкой властью или мстя своим врагам, или укрывая преступление; случается, что они состоят членами воровских шаек и безнаказанно совершают самые дерзкие грабежи»⁵⁰, – писал Я. Абрамов в 1884 году.

В адрес областной администрации и Командующего Кавказским военным округом стали часто поступать жалобы от сельских обществ Терской области, в которых они указывали на многочисленные злоупотребления старшин и начальников участков. В начале XX века недовольство сельских обществ своими старшинами стало общим явлением в области. В связи с этим в 1906 году Командующий Кавказским военным округом вынужден был признать, что «старшины, назначаемые в туземные селения по усмотрению местной администрации, не всегда соответствуют своему назначению»⁵¹. Население, недовольное поведением назначаемых старшин и наивно видя в них основное зло, боролось за право выбора старшины. Особенно эта борьба усилилась накануне и в период первой русской революции. В некоторых округах Терской области народ самовольно отстранял старшин от должностей и выбирал своих кандидатов. Случаи неповиновения старшинам наблюдались и в Нальчикском округе⁵².

Напуганная грозными революционными событиями в России и на Кавказе, администрация в 1906 году вынуждена была признать «возможным ввести немедленно среди туземного населения институт старшин, избираемых самими обществами»⁵³. С этого времени в селениях и общинах стали избирать старшин на сельских сходах.

Старшины избирались на сельских сходах тайным голосованием, сроком на три года и утверждались начальником Терской области.

Вокруг выбора старшин разгоралась острые социальная борьба. Здесь сталкивались интересы зажиточных и беднейших слоев населения. Каждая сторона старалась привести своего кандидата.

Как показывают архивные документы, в начале XX века в сельских обществах на должности старшин чаще всего стали выдвигать представителей сельской буржуазии. Так, в 1909 году из 28 выборочно взятых селений округа

в 16 селениях старшинами работали представители зажиточного крестьянства, а в 12 селениях – представители привилегированных сословий⁵⁴.

Вместе с тем необходимо отметить, что влияние привилегированных сословий еще в значительной степени сохранялось. Их представители добивались своего выдвижения на должности старшин, опираясь на поддержку участковой и окружной администрации. Сказывались также глубоко укоренившиеся в общественном быту кабардинцев и балкарцев традиции избирать старшиной представителей княжеских фамилий.

Существовавший тогда порядок утверждения старшины давал окружному начальству возможность протащить угодных ему лиц на эту должность. Когда два кандидата на должность старшины получали одинаковое количество голосов, старшиной становился тот, кому отдавало предпочтение окружное начальство⁵⁵. Администрация совершенно не считалась с мнением народа в том случае, когда угодная ей кандидатура на выборах не получала нужного количества голосов. Так, в 1909 году на сельском сходе общества Кучмазукино на должность старшины были выдвинуты Хажумар Шогенцуков и Исуф Алоков⁵⁶. Несмотря на то, что народ за Шогенцукова отдал больше голосов, администрация утвердила на должность старшины Исуфа Алокова. Такой произвол администрации объясняется тем, что Алоков был представителем сельской буржуазии, и поэтому, с ее точки зрения, он был более надежной фигурой, чем менее состоятельный Шогенцуков. Окружное управление предпочло Алокова еще и потому, что он владел русским языком. Окружная администрация выработала целую систему придирок, с помощью которых она не только препятствовала избранию неугодных ей людей, но и удаляла уже избранных на должности, «как не соответствующих своему назначению»⁵⁷. Более того, многие селения, признанные неблагонадежными, лишились права выбора старшин. В Терской области в 1910 году было 30 сельских обществ, лишенных такого права⁵⁸.

В 1913 году селения Ашабово, Тамбиеvo, Тыжево, Нарузово и Чегемское общество Нальчикского округа были признаны неблагонадежными за активное участие жителей этих селений в аграрных движениях. Согласно распоряжению Главнокомандующего Кавказской армией и приказу Начальника Терской области генерала Флейшера от 18 августа 1913 года названные селения лишились

права выбора старшин на один год и на этот же срок в них назначались «правительственные» старшины ⁵⁹.

Таким образом, население практически не пользовалось правом выбора старшин, старшинами становились те, кому покровительствовала администрация, – в основном представители сельской буржуазии, княжеских и дворянских фамилий.

На старшину возлагались обязанности двоякого рода: полицейские и общественные. По делам полицейским он был обязан поддерживать в общественных местах «порядок», докладывать в вышестоящие органы власти о случаях «противоправительственных» выступлений, приводить в исполнение решения сельского схода и суда ⁶⁰. Без разрешения старшины никто из селения не имел права отлучаться. Для поездки из одного села в другое и на выезд местных жителей на заработки в соседние округа и губернии требовалось разрешение старшины или специальный билет. Без его ведома из общества не имели права отлучаться не только крестьяне, но и должностные лица сельского правления ⁶¹. Старшина, имел право «провинившихся» направить на общественные работы сроком до двух дней, оштрафовать на три рубля или же подвергнуть аресту до двух дней ⁶². В части административных и общественных дел его обязанности заключались в том, чтобы сообщать населению о распоряжениях правительства и Кавказской администрации, проводить сельские сходы, контролировать деятельность сельского правления, обеспечивать своевременное поступление налогов, следить за сохранностью межевых знаков, за порядком в школах и других общественных местах. Старшина также заведовал общественным хозяйством и так называемыми общественными суммами ⁶³.

Помощников старшин и казначеев избирали на сельских сходах большинством голосов сроком на один год. В некоторых больших селениях избирали по нескольку помощников ⁶⁴.

Казначеи занимались сбором податей, повинностей и хранением сельских общественных сумм ⁶⁵.

Выборные должностные лица в сельских обществах пользовались определенными льготами. Их полностью освобождали от всяких налогов и повинностей ⁶⁶. Жалование старшин, их помощников, казначеев, сельских писарей и других служащих сельского правления определялись на сельском сходе или сборе выборных лиц. Начиная

с 1903 года старшинам и другим должностным лицам назначалось жалование в строгой зависимости от количества дворов в селениях⁶⁷. Предусматривались также формы морального поощрения должностных лиц. Так, в 1914 году «за заслуги и преданность правительству» приказом Главнокомандующего войсками Кавказского военного округа были награждены медалью «За усердие» семь старшин кабардинских селений⁶⁸.

К числу неоплачиваемых должностных лиц, работавших на общественных началах, относились санитарные попечители и общественные доверенные, избираемые на сельских сходах. Санитарные попечители, избираемые сроком на один год в количестве трех или четырех человек, имелись во всех сельских обществах Нальчикского округа. Они должны были следить за чистотой и порядком на территории и в окрестностях селения.

Общественные доверенные стали избираться на сельских сходах Кабарды в XVIII – первой половине XIX века⁶⁹. Во второй половине XIX – начале XX века они избирались сроком на один год или же на период выполнения ими какого-нибудь конкретного поручения. В круг обязанностей общественных доверенных входили распределение земельных угодий сельского общества между его членами, наем общественных пастухов, табунщиков, сторожей, ведение от имени общества тяжебных дел с соседними обществами и с односельчанами⁷⁰. Общественные доверенные занимались также и семейными разделами⁷¹.

Обобщая сказанное, отметим, что с отменой крепостного права и введением так называемого «сельского самоуправления» был ограничен, но не ликвидирован произвол местных князей и таубиев. Они фактически по-прежнему оставались у руля общественного управления, отстаивали свои интересы и исполняли полицейские обязанности, обеспечивали своевременное поступление государственных и мирских налогов.

3. ПОЛИЦЕЙСКИЕ СИЛЫ ОКРУЖНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

В Терской области полицейские функции возлагались на специально созданное в области жандармское управление. В отделах (Пятигорском и Кизлярском), а также в г. Моздоке и Владикавказе имелись местные жандармские

управления, находившиеся в подчинении областного жандармского управления. В остальных отделах и округах, в том числе и в Нальчикском, полицейские обязанности совмещали начальники округов и атаманы отделов⁷².

Начальник округа свои полицейские обязанности осуществлял через всадников Первой сотни Терской постоянной милиции и летучую команду. Терская постоянная милиция в составе четырнадцати сотен была создана в 1865 году для обеспечения «внутренней безопасности и благоустройства области»⁷³, а точнее для создания угодной царизму обстановки в национальных округах.

В 1888 году в Нальчикском округе всадники Первой сотни были распределены следующим образом: охранная стража начальника округа составляла 12 человек, старшего помощника – 2, младшего помощника – 1, начальника первого участка – 4, второго – 5, третьего – 3, четвертого – 3 и пятого – 2 человека. Остальные всадники находились на кордонных постах: на Шалушкинском посту – 8 человек, Урванском – 9, Кошероковском – 8, Чerekском – 6, Нальчикском – 6 человек. Всего вместе с офицерами в Нальчикском округе было более 70 милиционеров⁷⁴.

Контингент милиции комплектовался в основном из числа представителей социальных верхов местного населения⁷⁵. Желающие зачислялись в милицию приказом начальника Терской области⁷⁶. Администрация области, набирая состав милиции из местных жителей, преследовала две цели. Во-первых, этим самым создавалась видимость их участия в управлении краем. Во-вторых, удерживал народ в повиновении с помощью представителей самого же народа.

Однако Терская милиция не оправдала надежды властей в смысле обеспечения «внутренней безопасности». В 1910 году начальник Терской области докладывал Военному министру, что во второй половине XIX века были случаи, когда «милиционеры изменяли своему долгу и переходили в ряды восставших». Он жаловался, что в начале XX века постоянная милиция «не в силах выполнить лежащие на ней полицейские обязанности»⁷⁷.

Поэтому в 1910 году постоянная милиция была упразднена и взамен ее создана Терская постоянная стража с теми же функциями, что и милиция⁷⁸. В отличие от милиции, состав стражников комплектовался не из горских

народов, а «из отставных казаков и казаков запасного разряда Кавказских казачьих войск»⁷⁹. Как исключение в состав стражи включали некоторых бывших милиционеров из местного населения, которые в прошлом доказали свою верность службой.

В результате реформы полицейского управления в округе были образованы новые посты стражи взамен милицейских постов, а численный состав стражников остался прежним⁸⁰. Окружная стража по-прежнему находилась в непосредственном распоряжении начальника округа и начальников участков⁸¹.

Стража была создана в качестве эксперимента сроком на пять лет⁸². Как показывают источники, она продолжала функционировать до победы Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года. Значит, можно полагать, что она оправдала надежды царизма.

Кроме стражи в Нальчикском округе имелась еще местная полиция, которая называлась «летучей командой»⁸³.

По данным источников, летучая команда была создана в 1909 году. Об этом свидетельствует «открытое письмо» начальника округа от 2 марта 1909 года, в котором предписывалось старшинам селений и всем полицейским чинам оказывать начальнику летучей команды Докшоко Астемирову «всевозможное содействие как в отношении задержания и преследования преступников, так и в отношении размещения людей и лошадей команды на ночлег»⁸⁴.

На летучую команду возлагались широкие обязанности. Примером тому являются события, имевшие место в Чегемском обществе. В январе 1909 года жители Чегемского общества в знак протesta против административного произвола местных властей отказались собраться на сельский сход для выбора старшины. Начальник участка несколько раз пытался собрать сход, но его старания остались безуспешными⁸⁵. Тогда начальник округа снял с первого участка один отряд летучей команды в количестве восьми всадников и под командованием начальника второго участка послал в Чегемское общество, чтобы принудить жителей «избрать старшину на новое трехлетие» и «составить раскладку оброчной подати, числящейся за ними в недоимок прошлых лет» в сумме 4718 рублей 21 копейка. Кроме этого, они должны были взыскать недоимок в сумме 12 235 рублей 60 копеек за 1908 год⁸⁶.

Сказанное свидетельствует о том, что летучая команда была той же самой полицейской силой, что и постоянная милиция, хотя она была создана якобы только для борьбы с абреками и ворами.

Летучие отряды имелись во всех административных участках, кроме второго. В первом участке службу несли два отряда по девять человек в каждом: один в Баксанском ущелье, а другой – на Малке. В третьем участке тоже было два отряда, один из которых находился в районе Ст. Уруха, а другой – селении Куденетово⁸⁷. В Малой Кабарде имелся один отряд в составе двенадцати человек⁸⁸.

Всадники летучей команды, как и стражники, содержались за счет Кабардинской общественной суммы⁸⁹.

Полицейские обязанности также возлагались на сельских караульных и милиционеров.

Поочередное дежурство жителей селений было введено еще в 1860 году⁹⁰. Караванные под угрозой штрафа за не-выход на дежурство были обязаны нести полицейскую службу в пределах своих селений. Под их надзором находились все, кто приезжал в селение и выезжал из него. В случае отсутствия у них документов, дающих им право на передвижение из селения в селение, караульные доставляли их в сельское правление⁹¹.

Полицейские обязанности были возложены и на самих жителей сельских обществ. Для этой цели использовались некоторые пережитки крепостного права. Одним из них являлась ответственность всего общества перед администрацией за каждого недоимщика и за каждый проступок его членов. Достаточно было провиниться одному из жителей селения, чтобы все сельское общество было наказано по принципу круговой поруки.

В Нальчикском округе, как и в других округах и отрядах, был установлен такой порядок, что сельское общество отвечало не только за преступления его отдельных членов, но и за те происшествия, которые случались на всех дорогах, ведущих в аулы⁹².

Особенно тяжелой и оскорбительной для кавказских народов являлась «система экзекуции», по которой ближайший аул, около которого было совершено преступление, подвергался разорению, если преступник не отыскивался обычными полицейскими мерами⁹³. По сведениям современника изучаемого периода осетинского поэта и публициста Коста Хетагурова, население Терской области

экзекуции подвергалось следующим образом: «Сначала, чтобы дать делу законный «вид и толк», туземцам предлагалось выдать преступника, а когда они не пожелают сделать этого, то в аул присыпается рота солдат, эскадрон драгун или сотня казаков, а то и больше, смотря по величине аула. «Гости» располагаются как у себя дома, и, получая все свое продовольствие от «хозяев» даром, конечно, не отказывают себе в возможно лучшем его качестве и обилии...»⁹⁴. Иногда такая «экзекуция» продолжалась месяца два, а то и больше.

Коста Хетагуров в статье «Неурядицы Северного Кавказа» приводит интересный пример о том, как одно из балкарских обществ было подвергнуто экзекуции из-за того, что его жители подозревались в убийстве иностранных альпинистов. Как он сообщает, с балкарцев была снята опала только тогда, когда специально снаряженная экспедиция установила их непричастность к гибели альпинистов⁹⁵.

Все это свидетельствует о том, что административно-судебные органы, призванные осуществлять функции управления краем, опирались не на поддержку народа, а на карательные силы, на полицейские формирования. В целях обеспечения надежности полицейских формирований их состав набирался из представителей местной знати и казачества. На службу интересам сохранения и укрепления царского режима на местах были поставлены некоторые пережитки крепостничества (круговая порука, система экзекуции и т. д.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 602, л. 121–131 об.

² ЦГВИА России, ф. 400, оп. 260/910, д. 72, л. 141

³ Там же, л. 141; ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 889, т. 1, л. 108 об; д. 588, т. 2, л. 5; д. 418, л. 2 и об.

⁴ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 602, л. 19, об.

⁵ Там же, д. 273, л. 2 об; д. 418, л. 2 и об.; д. 917, л. 41 об.–49.

⁶ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 917, л. 3.

⁷ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 910, л. 41, об.–49.

⁸ Кумыков Т. Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик, 2002. С. 324 – 328.

⁹ ЦГВИА России, ф. 400, оп. 260 (910), д. 72, л. 40–141 об; ЦГА СОР, ф. 224, оп. 1, д. 135, л. 19 об.–20; ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 842, л. 59.

- ¹⁰ Кануков А. А. Положение о сельских (аульных) обществах и общественном управлении и их повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области. Владикавказ, 1908. С. 12.
- ¹¹ Терский календарь на 1895 г. Владикавказ, 1894. Вып. 4. С. 135–148.
- ¹² ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 143, л. 2; д. 170, л. 74.
- ¹³ Калмыков Ж. А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1995. С. 33.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Документы по истории Балкарии. Нальчик, 1962. С. 171.
- ¹⁶ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 33.
- ¹⁷ Там же. С. 34.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 35.
- ²¹ Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965. С. 348.
- ²² Собирзов М. З. Просветительское движение в Кабарде и Балкарии в начале XX века: Дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1974. С. 60.
- ²³ Абаев М. Кабарда проснулась// Мусульманин. Париж, 1911. № 3. С. 15.
- ²⁴ Документы по истории Балкарии. Нальчик, 1962. С. 110.
- ²⁵ Цорагов М. М. Восстание кабардинских и балкарских крестьян в 1913 году. Нальчик, 1963. С. 30.
- ²⁶ Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965. С. 222.
- ²⁷ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 886, л. 190.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же, д. 602, л. 19–24; д. 692, л. 122–131 об.
- ³⁰ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 38.
- ³¹ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 126.
- ³² Там же.
- ³³ Туманов Г. М. К введению на Кавказе Земского самоуправления. Тифлис, 1905. С. 8.
- ³⁴ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 126.
- ³⁵ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 39.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ ЦГА СОР, ф. 224, оп. 1, д. 135, л. 19 об.
- ³⁸ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 39.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 719, л. 225.
- ⁴¹ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 40.
- ⁴² Там же. С. 41.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Кубанский календарь на 1912 г. Краснодар, 1911. Т. 7. С. 329.
- ⁴⁵ Абрамов Я. Кавказские горцы. Краснодар, 1927. С. 24.
- ⁴⁶ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 25, т. 1, л. 4, 5, 9, 13, 14, 16.

- ⁴⁷ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 32, т. 4, л. 118; т. 5, л. 121, 596; д. 45, л. 12; д. 202, л. 23.
- ⁴⁸ Там же, д. 588, т. 2, л. 60–63 об., 67, 71 об.
- ⁴⁹ История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 337; ЦГА КБО, ф. 6, оп. 1, д. 588, т. 2, л. 71.
- ⁵⁰ Абрамов Я. Указ. раб. С. 25.
- ⁵¹ Кануков А. А. Указ. раб. С. 11.
- ⁵² Документы по истории Балкарии (конец XIX – начало XX века) // Сост. Н. О. Крикунова. Нальчик, 1962. С. 76; ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 588, т. 1, л. 116, об.; Т. 3, л. 68.
- ⁵³ Кануков А. А. Указ. раб. С. 11.
- ⁵⁴ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 772, л. 23 об., 214, т. 2, л. 21–215.
- ⁵⁵ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 772, т. 1, л. 14, и об.
- ⁵⁶ Там же, т. 2, л. 185.
- ⁵⁷ ЦГА СОР, ф. 11, оп. 15, д. 10899, л. 99, 103, 122.
- ⁵⁸ Там же, л. 107 об.
- ⁵⁹ Щеголев А. И. Крестьянское движение в Кабарде и Балкарии в годы Столыпинской реформы и нового революционного подъема. Нальчик, 1962. С. 128, 129.
- ⁶⁰ ЦГИА России, ф. 1265, оп. 29, д. 69, л. 44.
- ⁶¹ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 73.
- ⁶² Кубанский календарь на 1912 г. Краснодар, 1911. Т. 8. С. 329, 330.
- ⁶³ Абрамов Я. Указ. раб. С. 23.
- ⁶⁴ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 74.
- ⁶⁵ Там же. С. 8.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Кубанский календарь на 1905 г. Краснодар, 1904. Т. 9. С. 216
- ⁶⁸ Терские ведомости. 1914. № 33.
- ⁶⁹ См. История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 279.
- ⁷⁰ Терские ведомости. 1891. № 86.
- ⁷¹ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 74.
- ⁷² Терский календарь на 1914 г. Владикавказ, 1913. Вып. 23. С. 19, 20
- ⁷³ ЦГИА России, ф. 1268, оп. 10, д. 2, л. 5.
- ⁷⁴ Калмыков Ж. Указ. раб. С. 59.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ ЦГИА России, ф. 1158, оп. 1, д. 204, л. 13, 13 об.
- ⁷⁸ Там же, л. 1.
- ⁷⁹ Там же, л. 13.
- ⁸⁰ Там же, д. 64, л. 114.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же, д. 240, л. 40.
- ⁸³ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 59.
- ⁸⁴ Там же. С. 60.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Там же.

- ⁸⁹ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 60.
- ⁹⁰ Мамбетов Г. Х. Куба в прошлом и настоящем. Нальчик, 1968.
- С. 17.
- ⁹¹ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 178, л. 4.
- ⁹² ЦГВИА России, ф. 400, оп. 262/912-915, д. 153, л. 15, 16, 21;
Тройно Ф. П. Царизм и горские народы Северного Кавказа в 60-
90-х гг. XIX века// Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1966. Т. 25.
С. 118.
- ⁹³ Туманов Г. М. Разбой и реформа суда на Кавказе. СПб., 1903.
- С. 12.
- ⁹⁴ Коста Хетагуров. Собрание сочинений. М., 1960. Т. 4. С. 199.
- ⁹⁵ Там же. С. 200.

СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОВОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

1. ХАРАКТЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЛЬЧИКСКОГО ОКРУЖНОГО СЛОВЕСНОГО СУДА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Как было отмечено выше, с 1871 года в Георгиевском округе, куда входили Кабарда и Горские общества, существовал один окружной словесный суд (Нальчикский).

Официально председателем Нальчикского суда являлся начальник округа, но в действительности обязанности председателя исполнял младший помощник начальника округа¹. Совмещение в одном лице исполнения судебных и административных функций было обычным явлением в российской системе управления на Северном Кавказе.

Назначение председателя суда из числа чиновников Кавказской администрации говорит о том, что отделение судебных дел от полицейских и административных являлось формальным. В отличие от Центральной России здесь суд оставался в полной зависимости от администрации².

Более либеральные деятели России в своих письмах и проектах высказывали критические замечания по поводу несовершенства судопроизводства в так называемых горских словесных судах на Кавказе. Сенатор Н. М. Рейнке, обследовавший в 1911 году «горские» и «народные» суды Кавказского края, вынужден был констатировать, что чиновники администрации «взятые из военного строя, лишенные всякой подготовки к судейской деятельности, становятся в положении руководителей не культурной судейской коллегии»³. Прогрессивный балкарский деятель, автор исторического очерка «Балкария», Мисост Абаев с горечью писал, что председателями суда назначаются «чиновники и офицеры, не знающие языка народов и не имеющие ни малейшего понятия об обычаях и шарикате и о самом народе»⁴.

Таким образом, председатели суда, не имея ни специального образования, не зная языка и обычая народа,

способствовали только развитию судебного произвола и правовой анархии.

В связи с административными преобразованиями в Терской области, в 1888 году Кабарда и Горские общества выделились из Пятигорского округа в отдельный Нальчикский округ. Была изменена и структура Нальчикского окружного суда.

По новому штатному расписанию, окружной суд состоял из двух кадиев, пяти депутатов и стольких же кандидатов в члены суда. Из них: один кадий, два депутата и столько же кандидатов в суд избирались от балкарских обществ и составляли «Временное отделение» Нальчикского окружного суда, которому были подсудны уголовные и гражданские дела, поступавшие от населения Горских обществ⁵. На заседаниях «Временного отделения» председательствовал также младший помощник окружного управления или участковый начальник.

Таким образом, Нальчикский окружной словесный суд состоял из двух отделений: один для кабардинцев, а другой для балкарцев.

Расхождение в судопроизводстве между Кабардинским и «Временным отделением» (или «Горским», как его иногда называли) проявлялось лишь при решении споров по земельным вопросам. В остальном разница была настолько незначительной, что если жалобщик подозревал депутатов кабардинского отделения в том, что они подкуплены ответчиком, то он был вправе передать дело Временному отделению⁶.

Члены суда избирались сроком на три года на Съезде доверенных сельских обществ⁷. Сначала на сельских сходах избирались выборщики. Потом на съезде выборщиков администрация предлагала на обсуждение список кандидатур будущего состава суда. Как правило, выдвигались только представители привилегированных сословий. Выборы происходили путем тайного голосования. Список людей, получивших наибольшее количество голосов с «заключением» начальника округа, представлялся начальнику Терской области, который назначал депутатов и кадия по своему усмотрению «из числа представленных лиц». Характеризуя состав Нальчикского окружного суда начала XX века, М. Абаев писал, что «депутаты судов последнего периода мало того, что неграмотные и не знают русского языка, но и не знают своих обычаев и мало развитые»⁸.

Обязанности членов суда распределялись следующим образом. Председатель суда назначал время работы и повестку дня очередного заседания суда, записывал судебные жалобы лиц, обращавшихся в суд, представлял начальнику Терской области апелляционные жалобы на решение суда и т. д.⁹

Депутаты вместе с председателем образовывали состав суда и участвовали в решении судебных дел. Главу духовенства – кадия – приглашали на заседание суда только тогда, когда для решения дел применяли шариат. Это такие дела, как раздел наследства, споры наследников о действительности завещаний, составленных по местным обычаям, расторжение брака, установление законности брака и рождение ребенка и, наконец, по личным и имущественным правам, вытекающим из брака¹⁰.

Все дела которые рассматривались и решались окружным судом, делились на две категории: уголовные и гражданские.

К уголовным делам, подлежащим рассмотрению всем составом суда, относились: непреднамеренное нанесение ран, увечья и смерть во время споров или драки, нарушение пределов необходимой меры личной обороны, кража со взломом и при оружии, похищение, растление и изнасилование женщин, а также дела по предупреждению и прекращению на основании местных обычаяев, вражды и кровной мести.

Выступление горцев против существующего режима, оскорбление чиновников администрации, нарушение «порядка и спокойствия» в общественных местах, самоуправства и покушения на князей, побеги из ссылки, нарушения паспортного режима и правила ношения оружия следовало рассматривать судом в составе только одного председателя¹¹. На практике же эти дела или передавались Владикавказскому окружному суду¹², или решались в присутствии всего состава суда¹³.

Российские власти с наибольшей строгостью преследовали дела, связанные с выступлением против существующего режима¹⁴.

Когда дело касалось выступлений против местной власти или просто неисполнения распоряжений начальства, администрация во многих случаях прибегала к внесудебной расправе¹⁵. «Виновные» в административном порядке сажались в тюрьмы без всякого суда и следствия. В связи с этим уместно вспомнить указание В. И. Ленина о том,

что в России «правосудие» часто «обращается в бегство, представляя поле действия полиции, жандармам и казакам»¹⁶.

Чаще всего в суд поступали дела по кражам, особенно по воровству лошадей и быков¹⁷. Доказательства и улики подлежали свободной оценке суда, и поэтому за воровство одинаковых предметов суд выносил разные решения. Так, например, за воровство одной лошади в одних случаях назначали три месяца тюрьмы, а в других – шесть месяцев¹⁸. В некоторых случаях обвиняемые отбывали двойное наказание.

Исковые просьбы и жалобы подавались, как и в русских судебных учреждениях, в письменном виде. Окружному суду не были подведомственны иски, в которых отстаивались интересы «казенных» учреждений или участвовали в качестве истца и ответчика лица, не принадлежащие к местному населению округа. Иски, в которых участвовали местные жители, рассматривались в том суде, где проживал ответчик¹⁹.

Нальчикскому окружному суду были подведомственны гражданские иски на сумму до четырех тысяч рублей вместо двух тысяч рублей в Грозненском, Хасав-Юртовском, Беденском и Назрановском округах Терской области²⁰. Как видно, Нальчикскому окружному суду предоставлялись более широкие полномочия в отличие от других судов Терской области.

Наиболее характерными из гражданских дел являлись дела об уплате калыма или о требовании его возвращения, споры о разделе наследства, об уплате долгов и арендной платы, иски за потравленные посевы, нарушение санитарных правил, присвоение чужой собственности и т. д.²¹ Подобные дела, как правило разрешались по нормам обычного права кабардинцев и балкарцев.

На основе шариата решались споры, связанные с семейными разделами наследства²². Согласно нормам адата при жизни отца раздел имущества между его детьми полностью зависел от желания отца²³. Суд мог только закрепить желание отца своим решением.

Те изменения, которые произошли в социально-экономическом строе Кабарды и Горских обществ в конце XIX – начале XX века, отразились и в деятельности окружного суда. Появились тяжебные дела, связанные с нарушением условий аренды земли и найма батраков сельскими кулаками²⁴.

Истцам и ответчикам разрешалось подавать апелляционные жалобы на имя начальника Терской области, который рассматривал жалобы в порядке надзора за судебными делами и, по существу, являлся высшей судебной инстанцией²⁵. Апелляционные жалобы согласно «Временным правилам» подавались на окончательно решенные дела. Решения окружного суда не являлись окончательными: 1) если преступления влекли за собой наказания более одного месяца; 2) если штраф, налагаемый на ответчика, превышал 30 рублей или 3) сумма гражданского иска превышала более 100 рублей²⁶. В остальных случаях решения суда считались окончательными и апелляционной жалобе не подлежали. Жалобы принимались в течение одного месяца со дня принятия решения судом. По истечении этого срока начальник области не принимал жалобы, какого бы характера они ни были.

Характер и границы предоставленного начальнику области права надзора не были определены ни в законодательном порядке, ни инструкциями, и поэтому жалобы рассматривались по тому, как ему заблагорассудится²⁷. Во многих случаях он отменял решения окружного суда несмотря на то, что они уже вступили в законную силу.

Поступавшие в окружной суд жалобы и гражданские иски рассматривались настолько медленно, что из года в год увеличивалось количество «нерешенных дел». Так, с 1 января 1908 года по 1 января 1910 года количество нерешиенных дел увеличилось на 726²⁸. В 60-е годы XIX века по сведениям Н. Ф. Грабовского, некоторые дела оставались «без движения по два-три и даже более лет». В практике окружного суда были случаи, когда по одному и тому же делу он принимал различные решения, отменявшие друг друга²⁹.

Исполнение решений суда возлагалось на окружное и участковые управление по взаимодействию с сельскими административными органами.

Исходя из содержания судебных постановлений, начальник округа или его помощники посыпали письменные распоряжения участковым начальникам или непосредственно сельским старшинам, которые приводили в исполнение судебные решения.

Хотя в Нальчикском округе не были введены общеимперские судебные органы в том виде, в каком они функционировали в Центральной России, все же буржуазное законодательство России оказалось существенное и, надо

сказать, положительное влияние на судопроизводство в Нальчикском округе. Это влияние выразилось в том, что во «Временных правилах Горских словесных судов» прежде всего были определены принципы организации и функции местных судов, которые сближали их с русскими судебными органами и приобщали к русскому законодательству. «Временные правила» были составлены таким образом, что суд на практике часто руководствовался соответствующими статьями из русского права и русской судебной практикой³⁰.

На судопроизводство горцев непосредственное влияние оказывал Владикавказский окружной суд. Он имел одиннадцать следственных участков, в том числе и в Нальчикском округе. Все уголовные дела, не входившие в компетенцию окружного суда, передавались Нальчикскому судебному следователю для проведения следствия и передачи дела общимперским органам суда³¹.

Запутанность правовой основы судебной практики рождала произвол со стороны администрации и местных феодалов, а также недовольство народных масс. Поэтому кабардинцы и балкарцы, считая «русские законы» более объективными, часто просили судить их по общимперским законам.

Необходимость упразднения горских и введения общимперских судов доказывал еще в 1870 году кабардинский просветитель Кази Атажукин. В «Заметке на статью г. Краббе» он писал, что чем скорее будет устранино старое судопроизводство, «не обещающее ничего хорошего, тем будет лучше»³². При этом К. Атажукин указал на отсутствие в Кабарде серьезных препятствий, которые могли бы помешать введению русских судебных учреждений.

Житель селения Докшукино М. Шипшев в заявлении, поданном в 1906 году на имя начальника округа, писал, что «необходимо серьезно обсудить и упорядочить положение Нальчикского горского суда»³³. Тут же он спрашивал: «Не лучше ли упразднить его и заменить общими судебными учреждениями»³⁴. Вопрос о том, что словесные суды не отвечали требованиям времени, отмечался и на съезде доверенных в 1907 году³⁵.

Недовольство горскими судами со стороны народа имело место и в других округах Терской области. В связи с этим начальник области в 1908 года вынужден был признать, «что необходимо раз и навсегда отказаться» от горских судов, «заменив их мировыми судами»³⁶.

Развитие капитализма в России и постепенное вовлечение Кабарды и Горских обществ во всероссийскую экономическую систему, а также рост социальной борьбы поставили администрацию перед необходимостью усовершенствования судебного дела. Старая система становилась тормозом дальнейшему прогрессивному развитию народов Нальчикского округа.

В 1911 году правительство посыпало на Кавказ специальную комиссию под председательством чиновника Министерства юстиции Н. М. Рейнке для обследования состояния горских судов³⁷.

Комиссия вернулась в Петербург с твердой уверенностью в необходимости проведения судебной реформы на Кавказе. Исходя из доклада комиссии, Министерство юстиции признало целесообразность упразднения горских и народных судов и выдвинуло проект реформы «судебной части для горского населения областей: Кубанской, Терской, Батумской, Дагестанской и округа Закатальского»³⁸. Автором проекта был Н. М. Рейнке. Суть нового проекта заключалась в следующем: во-первых, в указанных областях упразднялись горские суды и вместо них учреждались мировые суды. Мировым судам передавались все уголовные и гражданские дела. Во-вторых, для участия в разборе гражданских дел при каждом мировом участке избирались два депутата от местного населения³⁹. Вопросы, касавшиеся развода между супругами, уплаты калыма и раздела наследства, по-прежнему должен был рассматривать кадий. Но за председателем мирового суда предполагалось оставить право утверждать или отменять решения кадия⁴⁰.

Отсюда видно, что согласно новому проекту, обсуждавшемуся в правительственные кругах, на местное население Кавказского края, в том числе кабардинцев и балкарцев, предполагалось распространить русское законодательство со всеми его последствиями. Но правительство к проекту отнеслось с некоторым недоверием, и поэтому его осуществление было отложено впредь до административных преобразований в Терской области. В 1914 году в связи с началом Первой мировой войны намеченные преобразования были прерваны.

2. СЕЛЬСКИЕ СЛОВЕСНЫЕ СУДЫ НАЛЬЧИКСКОГО ОКРУГА

Во второй половине XIX – начале XX века в каждом селении Кабарды и Горских обществ имелся сельский суд, функции и полномочия которого были определены «Временными правилами горских словесных судов»⁴¹.

Сельский суд состоял из трех членов, избранных сроком на три года⁴². Членов суда избирали, как правило, из числа зажиточных крестьян на сельском сходе⁴³.

Работой схода руководил сельский старшина, и поэтому от него во многом зависел состав избираемого суда. Судьи, избранные на сельских сходах и утвержденные в должностях, приводились к присяге в ставке начальника участка, и только тогда они допускались к исполнению своих обязанностей⁴⁴.

Представители духовенства, в частности сельские эфенди, не избирались как члены суда, но они были обязаны присутствовать на заседаниях, когда вопрос касался бракоразводных дел, возвращения или уплаты калыма, семейных разделов и разделов наследства. Стороны могли судиться по шариату и по другим вопросам, если об этом заранее изъявлялось желание. Во всех остальных случаях суд заседал без эфенди и при рассмотрении тяжбенных дел руководствовался нормами обычного права. По сведениям кабардинского просветителя второй половины XIX века К. Атажукина, «народные суды, обязанные разбирать дела по адату, не могли обращаться к помощи эфенди»⁴⁵.

Начиная с 1870 года согласно «Временным правилам» в сельских судах Кубанской и Терской областей решались лишь мелкие споры и тяжбенные дела, стоимость которых не превышала 30 рублей⁴⁶. Но в примечании к тридцать шестому параграфу было сказано, что эта сумма может быть увеличена по усмотрению начальника области до 50 рублей⁴⁷. По всем мелким делам стоимостью свыше 30 рублей жители Нальчикского округа обращались в окружной суд, на что тратились большие средства и много времени.

В связи с этим крестьяне Малой Кабарды (Малая Кабарда тогда входила в состав Сунженского отдела Терской области) просили начальника Терской области расширить компетенцию сельских судов. Просьба малокабардинских крестьян была удовлетворена. В 1889 году сельским судам Малой Кабарды было разрешено впредь разбирать и ре-

шать окончательно все споры и тяжбы между жителями, сумма которых не превышала 50 рублей⁴⁸. Впоследствии это разрешение было распространено на Нальчикский округ. Это видно из приговора № 28 Съезда доверенных Кабарды и Горских обществ (1907), в котором сказано, что в компетенцию сельского суда входили гражданские дела на сумму 50 рублей, а уголовные – на 10 рублей⁴⁹.

Сельские административно-судебные органы были призваны регулировать материальные, трудовые, семейно-бытовые и брачные отношения, сложившиеся у кабардинцев и балкарцев в условиях развития рыночных отношений в конце XIX – начале XX века.

В сельских судах разрешались споры, возникавшие между батраками и их нанимателями. В 1903 году Тлостанбек Штымов подал в суд жалобу на Хаджи Булатова за то, что последний отказался платить жалованье, причитающееся его сыну Ахмету Штымову, который был у Булатова пастухом в течение 5 месяцев. Хотя спор был разрешен в пользу батрака, суд предоставил Булатову право предъявить иск Штымову за падеж скота в бытность Ахмета пастухом⁵⁰.

Изучение подобных фактов из судебной практики показывает, что у кабардинцев и балкарцев в прошлом не было обычно-правовых норм, регулировавших арендные отношения, а также отношения между батраками и их хозяевами – кулаками. Они, как известно, являлись элементами новых капиталистических отношений. Эти отношения складывались стихийно, и споры, возникающие на их основе, разрешались в сельских судах произвольно, в зависимости от личных соображений членов суда.

Многочисленность подобных споров говорит еще и о том, что в начале XX века в сельском хозяйстве получили широкое распространение арендные формы землепользования и применение наемной силы в сельском хозяйстве, что свидетельствует о развитии буржуазных отношений.

Кроме спорных и тяжбенных дел, суд рассматривал и выносил наказание за такие маловажные дела, как порча воды в реках, продажа испорченных продуктов, отказ от оказания помощи при стихийных бедствиях, физическое оскорбление человека, распашка чужого поля или потрава чужого посева, обмер и обвес покупателей, а также расстрата батраками хозяйственного имущества и т. п.⁵¹

Суд при определении меры наказания руководствовался нормами обычного права. Виновного могли привлечь к

работе на благо общества сроком до шести дней, денежному взысканию до трех рублей или аресту до семи дней⁵².

По гражданским делам суд приступал к разбору дела по словесному заявлению жалобщика или истца. Судебный процесс являлся открытым и носил состязательный характер. Спорящие стороны пользовались правом приводить необходимые доводы и доказательства в свою защиту, задавать друг другу вопросы и при необходимости выставляли свидетелей. В тех случаях, когда ответчик не признавал предъявляемого иска или обвинения и у него не было свидетелей, суд был вправе вынести решение на основании принимаемой одной из сторон присяги⁵³. Этот обычай имел место и в судопроизводстве других народов Северного Кавказа, в том числе и у осетин⁵⁴. Присяга не являлась особенностью судопроизводства горских народов, хотя она была элементом феодального судопроизводства и своими корнями уходит к временам общинно-родового строя. Принятие решения на основании присяги одного из спорящих допускалось и в русских судебных органах⁵⁵.

Существовал и другой порядок принятия присяги. Когда подозреваемый отрицал свою вину, но не имел свидетелей, согласно местным обычаям, в присутствии членов суда, он избирал двух соприсяжников, которые для его оправдания произносили на суде присягу о том, «что подозреваемый не совершил приписываемого ему деяния»⁵⁶.

Соприсяжников он мог избирать только из числа названных потерпевшим людей. При этом подозреваемый отводил те кандидатуры, которые находились во враждебных с ним отношениях, состояли в родстве с потерпевшими, а также людей, известных неуравновешенностью, находящихся под арестом или на выезде⁵⁷. Обычное право допускало избрание в качестве присягателей родственников как подозреваемого, так и потерпевшего, если на это имелось согласие с обеих сторон⁵⁸. Одного из соприсяжников, избранного таким образом, подозреваемый был обязан представить суду в течение пятнадцатидневного срока. Если в установленное время подозреваемый не представлял соприсяжников, суд признавал его виновным со всеми вытекающими отсюда последствиями⁵⁹. Отказ самого подозреваемого от присяги был равносителен признанию своей вины.

В случае неявки ответчика к назенненному сроку по просьбе истца суд вправе был выносить решение заочно. Однако ответчик мог обжаловать приговор суда, если его

неявка объяснялась уважительными причинами⁶⁰. В случае же неявки истца суд прекращал дело, но истец имел право заранее подать просьбу о разборе дела в его отсутствие. Тогда суд выносил решение в обычном порядке.

Сельский суд принимал решение с общего согласия всех его членов или по большинству голосов. Когда спор разрешался по шариату, мнение эфенди являлось решающим. Постановление суда объявлялось тяжущимся сторонам в устной форме или, если требовали того тяжущиеся, выдавалось в письменном виде⁶¹.

«Временные правила» не предусматривали введения в горских судах таких юридических институтов, как адвокатура и прокурорский надзор. Но во второй половине XIX века в окружных и сельских судах стали пользоваться правом нанимать себе защитников⁶².

Судебные споры, как правило, выигрывали те, кто обладал властью или богатством. Так, в 1902 году житель селения Догужеково Домбай Чочаев, решивший вернуть себе арендованный им земельный участок, самовольно захваченный старшиной Адильгери Жилоковым, обратился в сельский суд. Суд, вместо того, чтобы вернуть участок хозяину и наказать старшину за самовольный захват, обязал Чочаева выплатить Жилокову расходы, сделанные им на уборке сена на этом участке. Недовольный таким несправедливым решением, Чочаев публично обвинил членов суда в том, что они «приняли ложную присягу» в пользу старшины⁶³. Подобных примеров в судебной практике дореволюционной Кабарды и Горских обществ много. Они свидетельствуют о том, что для сельских судов второй половины XIX – начала XX века были характерны произвол и зависимость от администрации. Поэтому были частыми просьбы крестьян о рассмотрении их судебных споров в окружном суде, ошибочно полагавших, что там может торжествовать правосудие.

Судебному произволу и бесправию бедноты посвящена обличительная песня основоположника кабардинской поэзии Бекмурзы Пачева. В ней говорилось⁶⁴:

*Поверьте мне: тому, кто беден,
Язык закона смертельно вреден!
Без взяток не ходите в суд:
Всю кровь из вас там высосут!
Будь трижды чист – в суде богатых
Нет кроме бедных виноватых.*

Апелляционной инстанцией для сельских судов являлся Нальчикский окружной суд. Он мог отменить решение сельского суда с последующим повторным рассмотрением дела в самом сельском или окружном суде.

Но окружной суд отменял решения сельских судов только в тех случаях, когда судебный произвол последних приобретал скандальный характер. Отсюда видно, что для дореволюционных сельских судов Нальчикского округа были характерны судебный произвол и их полная зависимость от администрации, хотя они формально были отделены от последней.

Сельские судебные учреждения в том виде, в каком они функционировали в конце XIX – начале XX века, уже не отвечали требованиям времени. Но правительство, по политическим мотивам, умышленно задерживало распространение в национальных окраинах общеимперских судебных учреждений, хотя созданные в 60–70-х годах XIX века судебная система уже не соответствовала сложившимся социально-экономическим отношениям Кабарды и Горских обществ конца XIX – начала XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Калмыков Ж. А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1995. С. 52.

² Невская В. Карабай в пореформенный период. Ставрополь, 1964. С. 47.

³ Рейнке Н. М. Горские и народные суды кавказского края // Журнал Министерства Юстиции. СПб., 1912. С. 16.

⁴ Абаев М. К. Балкарь // Мусульманин. Париж, 1911. № 14–17. С. 626.

⁵ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 53.

⁶ Агишев Н. М., Бушен В. Д. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912. С. 103.

⁷ Рейнке Н. М. Указ. раб. С. 16.

⁸ Абаев М. К. Указ. раб. С. 624.

⁹ Кавказ. 1883. № 224.

¹⁰ Кавказ. 1883. № 22; Рейнке Н. М. Указ. раб. С. 65; ЦГА КБР, ф. 22, оп. 1, д. 6485, л. 6.

¹¹ Терский календарь на 1895 г. Владикавказ, 1894. Вып. 4. С. 135.

¹² ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 607, л. 25; Там же, д. 623, л. 38 об., 45 об., 63 об., 75 об.; Там же, ф. 22, оп. 1, д. 5755, л. 4.

¹³ Агишев Н. М., Бушен В. Д. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912. С. 123.

¹⁴ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 54.

- ¹⁵ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 54.
- ¹⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 5. С. 17.
- ¹⁷ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 242, т. 1, лл. 128, 149, 245.
- ¹⁸ Там же, д. 242, т. 1, лл. 53, 141, 149.
- ¹⁹ Там же, д. 180, л. 10.
- ²⁰ Агишев Н. М., Бушен В. Д. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912. С. 105.
- ²¹ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 56.
- ²² Там же.
- ²³ Грабовский Н. Ф. Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. 4. С. 71; ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 180, л. 32.
- ²⁴ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 56.
- ²⁵ ЦГИА России, ф. 565, оп. 9, д. 31692, л. 4 об.
- ²⁶ Терский календарь на 1895 г. Владикавказ, 1894. Вып. 4. С. 141.
- ²⁷ Агишев Н. М., Бушен В. Д. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912. С. 106.
- ²⁸ ЦГИА Грузии, ф. 416, оп. 4, д. 32, л. 15.
- ²⁹ Рейнке Н. М. Указ. раб. С. 27.
- ³⁰ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 242, т. 1, л. 42 об.; ф. 22, оп. 1, д. 3805, л. 1.
- ³¹ Там же, ф. 6, оп. 1, д. 242, т. 1, л. 3.
- ³² Кумыков Т. Х. Казий Атажукин. Нальчик, 1969. С. 171, 172.
- ³³ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 57.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Рейнке Н. М. Указ. раб. С. 51, 52.
- ³⁶ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 57.
- ³⁷ ЦГИА России, ф. 565, оп. 9, д. 31692, л. 1 об. // Терские ведомости. 1912. № 57.
- ³⁸ ЦГИА России, ф. 565, оп. 9, д. 31692, л. 1 об.
- ³⁹ Рейнке Н. М. Указ. раб. С. 70.
- ⁴⁰ Терские ведомости. 1912. № 57.
- ⁴¹ Терский календарь на 1895 г. Владикавказ, 1894. Вып. 4. С. 145–148.
- ⁴² Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. 4. С. 19; ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 772, т. 3, л. 3, 114.
- ⁴³ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 75.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Кумыков Т. Х. Казий Атажукин. Нальчик, 1969. С. 172.
- ⁴⁶ Терский календарь на 1895 г. Владикавказ, 1894. Вып. 4. С. 145.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 76.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Грабовский Н. Ф. Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. 4. С. 19.

- ⁵² Терский календарь на 1895 г. Владикавказ. 1894 . Вып. 4. С. 146.
- ⁵³ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 77.
- ⁵⁴ Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин в XVIII – XIX вв. Орджоникидзе, 1974. С. 250.
- ⁵⁵ Юшкое С. В. История государства и права СССР. М., 1961. Ч. 1. С. 557.
- ⁵⁶ ЦГА КБР, ф. 22, оп. 1, д. 2175, л. 10 об.; Рейнке Н. М. Горские и народные суды Кавказского края // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1912. № 2. С. 27.
- ⁵⁷ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 77.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же. С. 78.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Бекмурза Пачев. Верные слова. М., 1967. С. 71, 72.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ В ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

1. СЪЕЗД ДОВЕРЕННЫХ СЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВ БОЛЬШОЙ И МАЛОЙ КАБАРДЫ И ПЯТИ ГОРСКИХ ОБЩЕСТВ

Съезд доверенных сельских обществ, как общественно-политический орган управления Кабардой и Горскими обществами, был создан в результате буржуазных реформ, проведенных в середине XIX века на Северном Кавказе.

Исторически ему предшествовал переходный период, когда сосуществовали старые, традиционные, и новые, российские органы управления. Во второй половине XVIII века в целях ослабления существующего общественно-политического строя Кабарды царизм ввел приставское управление и сословные судебные органы, контролируемые военными властями, целью которых было постепенное вытеснение традиционных органов власти: института Верховного князя и сословно-представительного законодательного органа – Хасы¹.

Вначале старые и новые органы власти дублировали друг друга, но последние при поддержке военных властей вытеснили первых.

В первой половине XIX века прежнюю Хасу в одних источниках называют «Народным собранием», а в других – «Народным сбором»². Легендарный Измаил-бей Атажукин сделал свое знаменитое выступление на Народном собрании (1804), где он изложил свои взгляды на русско-кабардинские отношения³. Но в это время Народное собрание начало терять свои законодательные функции, и, как сказано выше, это было связано с учреждением в Кабарде приставского управления и новых судебных органов, сначала ограничивших возможности функционирования, а затем приведших к ликвидации некоторых традиционных институтов управления.

После окончания Русско-Кавказской войны и в результате административно-судебных реформ на Кавказе Кабарда и Горские общества были включены в общероссий-

скую систему административного управления, а Народное собрание получило новое название – Съезд доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ⁴. Преемственность Съезда доверенных от прежнего Народного собрания, а это от прежней кабардинской Хасы, подтверждает Г. Баев. Он в 1905 году писал, что «народные сборы являются одним из самых старейших институтов, которые сохранились до сих пор у одних кабардинцев»⁵.

В новых условиях в сферу деятельности Съезда доверенных входили лишь хозяйственные вопросы и выборы членов окружного суда.

Отсюда видно, что Кавказская администрация не решалась ликвидировать общекабардинские народные собрания, но резко ограничила их права и функции. Это объясняется рядом причин. Во-первых, администрация боялась, что ликвидация этого традиционного органа правления может очередной раз вызвать недовольство, а может быть, и новые антироссийские выступления, что в это время было крайне нежелательно для царских властей. Во-вторых, сохранение этого института в трансформированном виде давало существенные выгоды, оно позволяло Кавказской администрации играть с местным населением в демократию, превратив Съезд доверенных внешне в общенародный распорядительный орган. На самом деле сохранение этого института власти в новом виде было удобным прикрытием колонизаторской политики царизма в Кабарде и Горских обществах. В-третьих, в новом названии этого представительного института отразились результаты административно-судебных реформ 50–60-х годов XIX века. В 1858 году в результате упразднения прежних самостоятельных приставских управлений Большой и Малой Кабарды и Пяти Горских обществ, было создано единое административно-территориальное образование под названием Кабардинского (позже Нальчикского) округа⁶. С этого времени по 1921 год, т. е. до образования Горской АССР (в течение 63 лет), кабаринцы и балкарцы находились в едином экономическом и административно-правовом пространстве. Поэтому кабаринцы и балкарцы на равноправных началах участвовали в работе ежегодных Съездов доверенных сельских обществ.

Съезд доверенных Кабарды и Пяти Горских обществ собирался не реже одного раза в году и, как правило, в декабре, так как в это время люди уже не были заняты

полевыми работами, а должностные лица, избираемые Съездом, могли приступать к своим обязанностям с первого дня нового года⁷.

К проведению очередного съезда готовились следующим образом. В течение года записывались в специальную книгу те вопросы, которые поступали от селений, обществ и отдельных лиц для включения в повестку дня Съезда⁸. В список заносились также вопросы, предлагаемые администрацией. Заявки, поданные позже, чем за месяц до начала собрания, в повестку дня не включались. Затем за месяц до открытия Съезда доверенных окружноеправление рассыпало составленный перечень вопросов сельским обществам для предварительного обсуждения на сельских сходах. Таким образом, сельские сходы, зная повестку дня Съезда, аккредитовывали туда своих депутатов⁹. Каждое сельское общество, как правило, посыпало по два делегата¹⁰, которые являлись на Съезд с «доверенностью» или «приговором» сельского схода, где они избирались¹¹. Приговоры являлись свидетельством того, что делегаты уполномачиваются отстаивать интересы того общества, которое избрало их.

Такой порядок созыва и проведения Съездов вызвал недовольство в некоторых кругах господствующего класса, поэтому отдельные их представители добивались от администрации уступок, которые обеспечили бы более полную свободу действий. Эту тенденцию выразил в 1907 году отставной генерал Магомет-Гирей Шипшев. Заявление, написанное им в адрес администрации, состояло из девяти пунктов, которые он просил вынести на обсуждение очередного Съезда доверенных. Он предлагал снять всякое ограничение при составлении повестки дня. По его мнению, депутаты Съезда должны обладать правом в любое время, даже в ходе собрания, предложить на обсуждение вопросы, в которых их общества были заинтересованы. Далее Шипшев предлагал перенести срок созыва Съезда с декабря на октябрь, ссылаясь на то, что осенью «дни более теплые и длинные»¹². Он считал необходимым созывать Съезды не один раз в году, как это было принято, а два раза, регулярию весной и осенью. Он также выступал за то, что внеочередные Съезды в случае необходимости могли созываться по инициативе представителей сельских обществ¹³.

Окружная администрация встретила предложения Шипшева в штыки. Начальник округа полковник Страхов

в категорической форме высказался против всякого изменения существующего порядка. Он считал «не только излишним, но и вредным»¹⁴ возбуждать вопросы об изменении порядка функционирования Съезда. Администрация не хотела расширить компетенции и признать право его созыва за сельскими обществами и отдельными их представителями. Начальник округа считал, что Съезд доверенных существует только «для избрания депутатов в Горский словесный суд и решения некоторых чисто экономических вопросов»¹⁵.

В начале XX века круг вопросов, которыми ведал Съезд, значительно расширился, что, разумеется, связано с преобразованиями общероссийского масштаба. Так, на Съезде доверенных, состоявшемся в 1908 году, обсуждалось более сорока различных вопросов, в том числе вопрос о расширении компетенции сельского суда, о строительстве больницы и т. д.¹⁶ В 1908 году начальник Терской области разрешил проводить Съезды доверенных в дальнейшем в октябре, считая, что это «наиболее удобное время для сбора»¹⁷. В связи с этим сельские общества и отдельные лица были обязаны заявить свои предложения за полтора месяца до начала собрания, т. е. до второй половины августа.

Депутаты окружного суда избирались на Съезде доверенных путем тайного голосования. По другим вопросам решения принимались открытым голосованием – «вставанием или разделением сбора на две стороны»¹⁸. По усмотрению председательствующего, некоторые решения могли быть приняты путем тайного голосования. По каждому обсуждаемому вопросу принимались отдельные решения и подписывались всеми делегатами Съезда. Решения заносились в специальную «Приговорную книгу». После утверждения решений начальник округа сообщал их содержание сельским обществам для исполнения.

С 1888-го по 1905 год Малая Кабарда не входила в состав Нальчикского округа. Она в административно-полицейском отношении подчинялась начальнику Сунженского отдела Терской области. Тем не менее весьма интересно, что Малая Кабарда продолжала участвовать в работе Съезда доверенных Кабарды и Горских обществ с правом решающего голоса¹⁹.

Общественная сумма была единой для обеих частей Кабарды, и летними частями пользовались совместно на одинаковых правах²⁰. Этот факт говорит о том, что

традиции, связанные с существованием общекабардинской публичной власти, были еще сильны. Отсюда видны противоречивость и абсурдность решения Кавказской администрации, согласно которому в течение 17 лет кабардинский народ был разделен по двум различным административным образованиям.

В конце XIX – начале XX века в связи с изменениями в социально-экономическом строем Кабарды и Балкарии возрос удельный вес сельской буржуазии в общественной жизни. «Некоторые отдельные общинники, бывшие холопы и крепостные достигают не только материально независимого положения, но и становятся во главе всей общины (по выбору)», – писал Г. Малявкин в 1891 году в «Очерке общинного землевладения в Кабарде»²¹. Наряду с привилегированными сословиями представители сельской буржуазии стали принимать участие в обсуждении и решении важных экономических вопросов.

Архивные материалы позволяют приблизительно выявить социальный состав делегатов съездов 1904, 1914 годов (см. табл. 6)²².

Таблица 6

Годы	Число селений представленных на съезды	Всего	В том числе		Крестьянских депутатов, %
			Дворянского происхождения	Крестьянского происхождения	
1904	48	96	37	59	61,5
1914	50	100	33	67	67,0

Эти данные свидетельствуют о том, что в начале XX века в деятельности Съезда доверенных стали играть важную роль представители сельской буржуазии. Но в состав делегатов Съезда редко попадали представители местной интеллигенции. В указанные годы исключение составляли Исхак Кармов и Талиб Кашежев²³.

В начале XX века в адрес окружной администрации и Съезда доверенных все чаще стали поступать от сельских обществ многочисленные жалобы на нехватку летних пастбищ²⁴. Особо острую нужду в пастбищных угодьях испытывало балкарское население, которое в силу природных условий занималось в основном скотоводством. Доверенные Хуламского, Урусбиевского и Балкарского обществ сообщали о массовой гибели скота из-за нехватки

«сенокосных и пастбищных угодий». Многие из этих жалоб и прошений стали предметом острых дебатов на Съезде, состоявшемся в 1907 году. Однако Съезд большинством голосов отклонил почти все претензии от кабардинских и балкарских сельских обществ на дополнительные пастбищные угодья²⁵.

Жалобы сельских обществ касались не только пастбищных угодий, но и сельских наделов. Так, в 1911 году уполномоченные от общества селения Мисостово (ныне село Урвань) жаловались, что их селение расположено между двумя реками и во время «буйных разливов много земли становится негодной к использованию»²⁶. Как они сообщали, на одну душу населения удобной пахоты и сенокосов приходилось только 1,5 дес. земли²⁷. «На таком количестве обеспечить семейство довольно трудно», — писали они. Поэтому доверенные просили выделить для села Мисостова в другом месте 2000 дес. земли. В 1911 году этот вопрос вторично обсуждался на Съезде, но и на этот раз он был отклонен. Начальник округа полковник Султанбек Клишибиев заявил, что он не считает село Мисостово «малообеспеченным юртовой землей»²⁸.

Съезды доверенных часто принимали решения, прямо противоречащие интересам отдельных сельских обществ. В 1907 году решением Съезда были закрыты базары, находившиеся в селении Кучмазукино (ныне г. Баксан), Докшоково (село Старый Черек), Муртазово (г. Тerek), из-за того, что их существование якобы являлось причиной развития воровства в Нальчикском округе. Естественно, такое решение вызвало протесты со стороны сельских обществ. В частности, доверенные села Докшоково обвиняли Съезд в лишении села дохода в сумме 700 рублей в год от одной только сдачи в аренду базарной площади²⁹.

В 1905 году командующий войсками Кавказского военного округа утвердил новые «Правила» пользования Зольскими и Нагорными пастбищами, принятые Съездом доверенных³⁰. Согласно первому пункту этих «Правил» распределению между сельскими обществами не подлежали Зольские пастбища в количестве 26 012 дес.³¹ Они предназначались для частных коннозаводчиков Нальчикского округа. Сельским обществам достались лишь Нагорные пастбища, скудные травами и не позволяющие содержать скот весь летний период.

Когда на Съезде обсуждались вопросы о формах пользования Зольскими и Нагорными пастбищами, часто про-

исходили споры между делегатами, выражавшими интересы крупных коннозаводчиков и скотоводов, с одной стороны, и делегатами, представляющими интересы крестьянства, – с другой. Первые считали, что летние пастбища должны служить интересам развития частного коннозаводства, поставляющего лошадей кавалерийским подразделениям российской армии. Вторая группа настаивала на признании летних пастбищ «достоинством всего народа» и считала «притязания ското- и коннозаводчиков на особые привилегии необоснованными»²².

Все же в 1911 году коннозаводчикам удалось склонить большинство депутатов на свою сторону и пропустить «Новые правила», которые были утверждены Кавказским Наместником в феврале 1912 года²³.

На основе «Новых правил» лучшие пастбища перешли в руки частных коннозаводчиков и скотоводов на неограниченное время. Это обострило и без того острые классовые противоречия, в результате чего кабардинские крестьяне в 1913 году подняли восстание против захвата Зольских пастбищ. Однако Зольское восстание потерпело поражение. Оно не смогло вернуть сельским обществам отнятые пастбища на Золке, т. к. царская администрация была на стороне коннозаводчиков.

Кавказская администрация умело использовала ежегодные съезды. Она выносила на обсуждение депутатов свои распоряжения, чтобы придать им законный характер. Иногда областная администрация прибегала и к грубому најиму для принятия Съездом угодных ей решений. Но такое давление не всегда приводило к желаемым результатам. В этом отношении показателен факт, который имел место в 1894 году. Областное правление предложило начальнику округа построить при участковых правлениях типовые арестантские здания. Для того, чтобы собрать средства на строительство этих зданий, начальник округа вынес вопрос на обсуждение Съезда. Съезд решил отложить обсуждение вопроса «ввиду того, что предложенные строительным отделением здания слишком велики»²⁴. В связи с этим 12 января 1894 года начальник Терской области в категорической форме предписал: «Других строений не дозволять. Объявлен мною проект не для обсуждения, а для исполнения»²⁵. Но сбор средств оказался невозможным без согласия сельских обществ, и поэтому обсуждение этого вопроса было перенесено на сельские сходы. Дополнительные сборы на строительство арестант-

ских зданий, помимо других прямых и косвенных налогов, усугубляли и без того тяжелое положение трудового народа. Двенадцать селений округа отказались от сбора денег. Наконец, областное управление вынуждено было согласиться построить эти здания «сообразно их условиям (возможностям. – Ж. К.)»³⁶.

В некоторых случаях администрация старалась отстранить представителей местного населения при решении важных экономических вопросов. После известных Зольских событий в 1914 году положение в Кабарде оставалось настолько напряженным, что претворение в жизнь «Правил» 1911 года оказалось под угрозой срыва. Областная администрация, указывая на стремление кабардинского народа «уничтожить во что бы то ни стало новые правила пользования кабардинскими землями...»³⁷, просила Командующего Кавказским военным округом предоставить административным органам власти право заключения договоров с частными лицами, на основе которых сдавались бы Зольские пастища. Однако штаб Кавказского военного округа отказал Терской администрации в такой просьбе, указав на то, что согласно «Правилам», принятым в 1911 году, заведование землями сосредоточено «в руках центрального общегородного органа» и что договоры с частными лицами должны быть утверждены и подписаны его представителями³⁸.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что Кавказская администрация не могла не считаться со Съездом доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти Горских обществ.

Однако решения Съезда доверенных приобретали юридическую силу только в том случае, если они утверждались начальником Терской области, а решения, касающиеся порядка пользования пастищами, лесом, кабардинской общественной суммой, – Наместником Кавказа³⁹. Отсюда видно, что в конечном итоге все нити управления сходились к военным властям.

Съезд имел свои исполнительные органы: Кабардинское казначейство (Кабардинская общественная сумма), Хозяйственную комиссию и Кабардинское лесничество.

Кабардинская общественная сумма до проведения административной реформы на Северном Кавказе называлась просто общественным капиталом и находилась в ведении штаба войск Левого крыла Кавказской линии⁴⁰. Она начала функционировать с февраля 1859 года.

Вначале источниками увеличения общественной суммы служили: денежные штрафы, взимаемые с «преступников», проценты с кредитных сумм и штрафы за несвоевременное возвращение долгов. Однако главной статьей пополнения общественных сумм являлись доходы, получаемые с эксплуатации Зольских и Нагорных пастбищ и Кабардинского лесного массива. Доходы от них в 1916 году превышали 85 тысяч рублей⁴¹. Все доходы за этот год составляли 107 578 рублей⁴².

Многочисленные архивные материалы показывают, что из Кабардинской общественной суммы отпускались средства на содержание должностных лиц окружного суда, Кабардинского лесничества, Хозяйственной комиссии, учителей Нальчикской окружной школы, Нальчикской гауптвахты, Кабардинского приемного покоя, на строительство и ремонт дорог, мостов, общественных зданий и др. Эти отчисления из Общественной суммы делались по решениям Съезда доверенных.

Кабардинской общественной суммой ведал казначай, избираемый Съездом доверенных сроком на три года. В своей деятельности он руководствовался решениями ежегодных съездов доверенных о порядке хранения и расходования общественных сумм, предписаниями и распоряжениями начальника округа. Деятельность его контролировалась Съездом доверенных и начальником округа⁴³.

Население Нальчикского округа издавна выбирало своих представителей для распределения Зольских и Нагорных пастбищ между селениями, коннозаводчиками и другими скотоводами. До 1911 года выборные представители назывались «поземельными депутатами»⁴⁴.

В 1912 году институт «поземельных депутатов» был заменен так называемой Хозяйственной комиссией. Двух членов комиссии, по одному от кабардинцев и балкарцев, избирали на Съезде сроком на два года⁴⁵. Третьим членом с решающим голосом по «Положению» являлся казначай Кабардинской общественной суммы⁴⁶.

Комиссия имела свою канцелярию, в штате которой состояли делопроизводитель и писарь.

В начале XX века в функции Хозяйственной комиссии входило: кроме распределения Зольских и Нагорных пастбищ, соблюдение правил пользования ими, сдача в аренду земельных излишков, обеспечение своевременного поступления доходов от летних пастбищ в Кабардинскую обще-

ственную сумму, разбор жалоб, связанных с пользованием пастбищами.

Хозяйственная комиссия распоряжалась также лесами и другими природными богатствами, находящимися в районе Зольских нагорных пастбищ.

Управление Кабардинского лесничества занималось охраной и эксплуатацией лесных массивов. В ведомстве Кабардинского лесничества находились все леса, кроме тех, которые были закреплены за селениями на правах общественного владения, и тех, которые находились на летних пастбищах.

Начиная с 1886 года и до Февральской революции в качестве старшего лесничего Кабардинского общественного леса служил Хаджимурат Тавкешев⁴⁷.

Кроме перечисленных исполнительных органов, подотчетных Съезду доверенных, имелись еще и другие комиссии и должности, которые играли определенную роль в общественно-политической жизни кабардинцев и балкарцев⁴⁸.

Итак, как отмечено выше, Съезд претерпел ряд изменений со второй половины XIX века. Существенным в этом отношении была утрата им законодательных функций. Однако ликвидировать эту видимость народного управления, каким являлся Съезд доверенных, было нельзя.

Во-первых, роспуск его вызвал бы недовольство населения, которое могло истолковать этот акт как попытку военных властей лишить народ права на обсуждение и решение своих хозяйственных вопросов. Во-вторых, ликвидация Съезда могла ослабить социальную опору царизма в Кабарде и Балкарии. В-третьих, этот орган правления был удобным прикрытием колонизаторской политики царского самодержавия. И, наконец, в-четвертых, сохранение этого института позволяло администрации играть в демократию, превратив Съезд доверенных внешне в общенародный распорядительный орган, а на деле лишив его политических и законодательных прав.

Вместе с тем следует заметить, что Съезд доверенных Кабарды и Пяти Горских обществ играл важную роль в жизни кабардинцев и балкарцев. Благодаря наличию этого института правления они чувствовали себя более защищенными от произвола царской администрации, при нем действия чиновников Нальчикского округа были более предсказуемыми.

2. СЕЛЬСКИЕ СХОДЫ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ

Вся жизнь сельских обществ регламентировалась «Положением об аульных обществах и горском населении Кубанской и Терской областей и их общественном управлении»⁴⁹.

В кабардинских селениях и балкарских обществах, как отмечено выше было введено сельское общественное управление. Оно состояло из сельского схода, сельского управления и сельского суда.

«Аульный (сельский. – Ж. К.) сход составляется из совершеннолетних домохозяев, принадлежащих к составу аульного общества»⁵⁰, – говорится в «Положении». Следовательно, в работе сельского схода с правом решающего голоса допускались главы самостоятельных хозяйственных единиц. В семье домохозяином (тхамадой) признавался старший по возрасту мужчина, а остальные, хотя и совершеннолетние, не получали доступа на сельский сход с правом решающего голоса.

Лишались голоса главы семейств, которые находились под следствием или были отданы под надзор общества решением судебных и административных органов⁵¹. Не участвовали в работе схода лица, не владевшие земельным наделом, и переселенцы, хотя они и были приписаны к этому обществу. Лишались права голоса и все наемные работники, т. е. батраки. Лица, признанные «нарушителями общественного порядка» или уличенные в кражах, лишались права голоса на неограниченный срок.

Из анализа архивных данных видно, что в 1904 году 28 % домохозяев были лишены права голоса, не говоря об остальных взрослых мужчинах, которые не имели никаких общественно-политических прав⁵². В основном это главы семейств, составляющие беднейшую категорию крестьянства, которые не имели земельных наделов. Представляет интерес факт, что из имеющих право голоса домохозяев в 1904 году 34 % не принимали участие в работе сельских сходов⁵³. Это говорит об отсутствии заинтересованности у значительной части населения к обсуждаемым на сходах проблемам.

По мере вовлечения народов Северного Кавказа во всероссийскую освободительную борьбу прогрессивно мыс-

ляющие люди стали использовать сходы для постановки и обсуждения вопросов, в которых были заинтересованы широкие народные массы. Поэтому Кавказская администрация решила сократить круг участников схода.

В 1905 году Кавказский наместник внес дополнение к «Положению», согласно которому предписывалось созывать в селениях не «сходы домохозяев», а «сборы выборных лиц», из числа зажиточных домохозяев якобы для «устранения беспорядка... при рассмотрении и решении общественных дел»⁵⁴. С этого времени полные сельские сходы собирались в селениях и обществах Нальчикского округа в редких случаях. В большинстве случаев выборные депутаты, избираемые сроком на три года, решали все вопросы, касающиеся села.

Селения, имеющие до трехсот дворов, посыпали на сбор выборных лиц тридцать домохозяев, а где количество дворов составляло свыше трехсот – по одному человеку от десяти дворов⁵⁵. Депутатов на эти сборы избирали на полных сельских сходах.

Это дополнение к «Положению» урезало и без того кучу буржуазную демократию аульного общественного управления⁵⁶. Так, например, в селении Жанхотово в обсуждении вопросов, касающихся всех жителей, вместо 400 домохозяев теперь участвовали только 40, в селе Докшоково вместо 300 домохозяев – 30, в балкарском обществе – 99 домохозяев вместо 990 и т. д.⁵⁷.

Сельский сход был призван регулировать материальные отношения внутри сельского общества, с одной стороны, между сельским обществом и государством – с другой. На нем выносились решения о порядке пользования общественными землями и лесами, о переделах пахотных и сенокосных угодий между крестьянами, о сдаче в аренду части своих общественных земель, о структуре посевых культур, о строительстве и ремонте общественных зданий, дорог, школ, мечетей. На сельских сходах утверждались сметы расходов из общественных касс, которые ежегодно пополнялись за счет так называемых мирских сборов с населения⁵⁸. Из этой суммы назначались жалованья должностным лицам сельского правления и учителям сельских школ.

Сельским сходам отводилось важное место, так как здесь обсуждались вопросы об уплате налогов, задолженностей по ним, объявлялись правительственные распоряжения и т. д.

Созыв схода и характер обсуждаемых вопросов во многом зависели от произвола старшины. Старшина мог задержать очередной сход, изменить повестку дня по своему усмотрению. Были случаи, когда старшина разгонял сход до окончания его работы⁵⁹.

Сельские сходы по каждому обсуждаемому вопросу составляли приговоры, которые заносились в специальную книгу и подписывались участниками схода или сбора. Решения принимались голосованием: закрытой или открытой баллотировкой. При закрытой баллотировке голосование велось с помощью орехов или специальных шаров. Судя по архивным документам, в начале XX века в большинстве селений Кабарды баллотировка при выборе старшин велась с помощью шаров. Избранным считался тот, кто из кандидатов набирал большее количество шаров⁶⁰.

Помощников старшин, сборщиков податей и других должностных лиц сельского правления выбирали на сходе простым открытым голосованием. При этом, если мнения расходились, стороны разных мнений собирались в противоположных концах двора, затем велся подсчет и тех, и других.

Решения схода и сбора выборных приобретали законную силу в том случае, если за них проголосовали $\frac{2}{3}$ домохозяев, имеющих право голоса. Однако окружная администрация, пользовавшаяся правом утверждения приговоров сельских сходов, соблюдала это правило только в том случае, если решение отвечало ее желаниям. Неугодные ей решения она объявляла «ничтожными», что означало их аннулирование.

Говоря в целом о сельских сходах и сборах выборных, как органах сельского «общественного управления», следует отметить, что и по составу, и по характеру деятельности они постепенно приобретали черты буржуазно-демократических органов. Однако как показывают анализы архивных материалов, сельские сходы не освободили кабардинских и балкарских крестьян от административно-полицейской опеки князей и таубиев, которые во многих селениях в качестве старшин продолжали руководить хозяйственной и общественно-политической жизнью сельских обществ. Кроме того, как сказано выше, права сельских сходов в начале XX века были резко ограничены. В связи с развитием революционных событий сходы стали созываться реже. Вопросы, касающиеся всего общества и отдельных домохозяев, обсуждались на сборах выборных

лиц, избирающихся из зажиточных крестьян и привилегированных сословий. На сельские сходы возлагались обязанности фискального и полицейского характера.

Сельские сходы были поставлены под жесткий контроль окружной и участковой администрации. Администрация грубо вмешивалась в их работу, навязывала чуждые им решения, часто не утверждала в должностях сельских правлений тех людей, на стороне которых была симпатия трудового народа. Таким образом, в начале XX века наблюдается тенденция ликвидации тех ничтожных прав сельских сходов, которые были предоставлены им в результате реформ 60-х годов XIX века.

3. МУСУЛЬМАНСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

О мусульманской религии в советское время писали только с негативным оттенком. Труды местных авторов, посвященных исламу, его идеологии и обрядам носили субъективный и весьма поверхностный характер. Первую попытку изучить эту весьма деликатную проблему взвешено, на принципах историзма и с позиции научной объективности, было сделано автором данной книги в середине 90-х годов прошлого столетия⁶¹. Тогда было сказано, что он не претендует на освещение всех аспектов истории ислама в Кабарде и Горских обществах и надеется, что со временем «найдутся люди, которые заинтересуются данной проблемой и сделают ее предметом монографического исследования»⁶². Сегодня эти надежды сбываются и к настоящему времени накопилось более десятка научных статей⁶³, готовятся докторские диссертации и кандидатские работы. В них преимущественно освещаются история проникновения ислама, его идеология, обрядности, проблемы возрождения и т. д. С учетом этого в настоящей работе будут рассмотрены лишь место и роль мусульманского духовенства в системе местного самоуправления во второй половине XIX – начале XX века.

На различных этапах истории Северного Кавказа и в зависимости от политической обстановки ислам обслуживал интересы различных стран и группировок. С самого начала он стал идеологическим оружием Турции и Крыма в борьбе против России за распространение сферы влияния

на Северном Кавказе и в Поволжье. Внедряя ислам среди народов этих регионов, Турция рассчитывала на их полное присоединение. И тогда, когда это ей не удалось осуществить и Кавказ стал российским, она продолжала вести среди кавказских народов антирусскую пропаганду с позиций ислама и выдвинула лозунг, призывающий к газавату против «неверных», т. е. русских. Ислам был удобным оружием Турции тем, что он «ставил неверных вне закона и создавал состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными»⁶⁴.

Царское правительство, в свою очередь преследуя свои интересы на Кавказе, мусульманской вере противопоставило христианскую религию. Оно тоже старалось укрепить свои позиции на Кавказе с помощью православной веры. Это без особого труда удалось в Закавказье и в некоторых местностях Северного Кавказа, где исповедовали христианство или были слабы влияния мусульманской религии. В частности, в Осетии православная вера была распространена в течение сравнительно короткого периода времени.

Однако в целом на Северном Кавказе пропаганда православной веры не имела сколько-нибудь серьезных результатов, так как ислам в XVIII веке уже стал господствующей религией большинства народов. Более того, в Кабарде, где раньше религиозный фактор не имел решающего значения в общественно-политической жизни, ислам становится идеологией и знаменем антиколониальной борьбы. В это время идеология ислама сыграла стабилизирующую и организующую роль в кабардинском обществе. С 1807-го по 1822 год Кабарда отстаивала свой статус суверенного государства с помощью шариатских судебных органов Мехкеме.

В первой половине XIX века царизм понял бесперспективность христианизации горских народов. Поэтому он изменил свое отношение к мусульманскому духовенству и стал заигрывать перед ним с тем, чтобы привлечь его на свою сторону и тем самым облегчить завоевание Кавказа. В 1836 году шеф жандармов России Бенкendorf военным чиновникам на Кавказе писал, что «класс эфендиеев есть именно то, от привлечения которого может произойти польза, если не большая, то и не меньшая, чем приобретаемая силой оружия»⁶⁵.

Для того чтобы привлечь духовенство на свою сторону, царское правительство советовало военным властям на Кавказе не вступать в споры с его представителями и сде-

лять вид, что согласны с ними по вопросам, касающимся мусульманской веры. Так, в документе под названием «Об офицерах, управляющих народами Северного Кавказа», служившем в 60-х годах XIX века инструкцией для российских чиновников на Кавказе, читаем: «Начальник не должен вести себя открыто против духовенства: он должен избегать беседы с ним о религии... но если обстоятельства поставят его в необходимость говорить с эфендиями и муллами о религии, то следует для успокоения их согласиться с ними во многом даже против собственного убеждения»⁶⁶.

Царизм, внешне поддерживая духовенство, в то же время стремился ослабить его влияние в народе и поднять общественно-политическое значение местных адатов, больше отвечавших его интересам. Адаты, окончательно сложившиеся при феодальном строе, дополнялись и приспособливались к потребностям привилегированных слоев населения и были возведены в степень закона. С введением в 1822 году Временного кабардинского суда адаты снова легли в основу местного судопроизводства⁶⁷, и тем самым позиции мусульманского духовенства были значительно ослаблены.

После окончательного завоевания Кавказа Россией и его включения в общесистему имперскую государственно-административную систему управления, царизм сумел подчинить деятельность мусульманского духовенства своим интересам. Чиновники Кавказской военной администрации, держа в одной руке пряник, а в другой — кнут, добивались, чтобы мусульманское духовенство среди местного населения проводило идеологическую пропаганду, угодную царизму.

В 50–60-х годах XIX века мусульманская религия сыграла роковую роль в судьбе северокавказских народов, в особенности адыгских. В период завершения Кавказской войны антирусская настроенная часть феодальной верхушки, используя религиозный фактор, способствовала массовому переселению адыгов в Турцию. Такое переселение прощпалось и самой Турцией, пообещав горцам райскую жизнь в «единоверной стране».

Хотя официальные власти объясняли переселение исключительно религиозными причинами, оно на самом деле имело глубокие социально-экономические корни и политические причины, вызванные в жизнь колонизаторской политикой русского царизма. По этому поводу из-

вестный кавказовед Т. Х. Кумыков пишет: «Благоприятную почву для переселения кавказского населения в Турцию создавал царизм своей жестокой колониально-захватнической политикой». «Отбирая земли у местного населения, царское правительство нередко побуждало население к уходу в Турцию»⁶⁸, — продолжает он. По его сведениям, с 1858-го по 1865 год пределы своей Родины покинули 500 тысяч человек. По другим же данным, в Турцию переселились около одного миллиона адыгов. Большая часть из этих переселенцев трагически погибла по пути в Турцию и в самой Турции⁶⁹. В результате антинародной политики царизма во второй половине XIX века переселенческая волна северокавказских народов не застухала вплоть до Октябрьской революции 1917 года.

В 60-х годах XIX века мусульманское духовенство было вмонтировано в российскую систему управления Кавказским краем, как это было с некоторыми традиционными общественными институтами в Кабардинском округе (в Кабарде и Горских обществах).

В Кабарде и Горских обществах всеми религиозными делами ведали так называемые Народные кадии*, избираемые на Съезде доверенных сельских обществ Кабарды и Пяти Горских обществ сроком на три года. Одного из них избирали от кабардинского населения, а другого — от балкарского. Являясь членами Окружного суда по штату, они участвовали в заседаниях соответствующих его отделений.

В подчинении окружных кадиев находились сельские (къуажэ) эфенди и квартальные (хъэблэ) муллы**, количества которых в 1912 году превышало 200 человек⁷⁰.

Сельские эфенди и квартальные муллы в одних селениях являлись выборными, а в других — наемными. Назятые или избранные на эти должности приступали к своим обязанностям после проверки окружными кадиями в знании ими божьих законов и обрядов. Успешно выдержавшие экзамены получали письменное свидетельство о том, что они соответствуют тем должностям, на которые они избраны, а потом утверждались начальником Наль-

* Кадий — судья, знаток шариата.

** Эфенди — должностное лицо, заведующее мусульманскими религиозными делами целого сельского общества. Мулла — то же самое, но он заведовал духовными делами жителей только одного квартала и находился в подчинении сельского эфенди.

чикского округа. Когда на одно место претендовали два человека, из них утверждался тот, кто более успешно выдерживал проверку. Однако при утверждении сельских эфенди и мулл мнение сельского старшины являлось решающим, так как он представлял их после экзаменов на утверждение в Окружном управлении⁷¹.

Отсюда видно, что мусульманское духовенство в Нальчикском округе полностью зависело от администрации. Начальник округа, пользуясь правом утверждения, имел возможность с помощью сельских старшин подбирать на должности эфенди и мулл только угодных ему людей. Окружная администрация под видом проверки «всех мулл в знании ученья магометанской веры» периодически устраивала проверку благонадежности сельских эфенди и мулл «в политическом отношении»⁷².

Такая очередная проверка по требованию Терского областного правления была проведена в 1913 году. Специально созданная комиссия выяснила, где именно каждый из сельских эфенди и квартальных мулл получил духовное образование, какого он подданства, не наблюдается ли за ним склонность к мусульманскому движению и религиозно-племенной агитации, благонадежен ли он в политическом отношении⁷³ и т. д. Такие проверки объяснялись тем, что представители мусульманского духовенства, да и рядовые верующие часто выезжали на Ближний Восток, в Мекку, чтобы посетить святые места. Путь в Аравию пролегал через Турцию, которая все еще находилась во враждебных отношениях с Россией и не хотела смириться с потерей своего влияния на северокавказские народы. Она была готова использовать любые средства, чтобы отогнать Северный Кавказ, в том числе Кабарду, от России, и поэтому через ходоков в Аравию она стремилась распространять и поддерживать среди верующих антирусские настроения. Это, естественно, настораживало Кавказскую администрацию, и она старалась вовремя выявлять и изолировать тех людей, которые поддались турецкой агитации.

Количество мулл в селениях зависело от количества кварталов (в Кабарде) или поселков (в Горских обществах). Так, например, в 1912 году в селе Жанхотово кроме сельского эфенди были еще три квартальных муллы, а в Нижне-Кожоковском — четыре⁷⁴. В балкарских обществах муллы нанимались не во всех, а в наиболее крупных по-

селках. В Балкарском обществе их было тринадцать, а в Чегемском – девять⁷⁵.

Были случаи, когда один и тот же человек в течение нескольких десятков лет оставался в должности сельского эфенди и квартального муллы. Так, в Чегемском обществе мулла Асланбек Хубалов прослужил в этой должности 39 лет, а в селении Докшоковском Жанхот Хавжоков в должности квартального муллы – в течение 21 года⁷⁶. Срок службы сельских эфенди был менее продолжительным, чем квартальных мулл.

Это объясняется тем, что претендентов на должность сельского эфенди было больше, чем на должность квартальных мулл, так как она была более престижной и располагала большей властью, и притом в масштабе всего селения. Как показывают архивные документы, между сельскими муллами шла борьба, чтобы занять должность сельского эфенди.

Так, в 1901 году житель селения Атажукино III Лукман Паштов жаловался начальнику округа, что он утвержден в должности сельского эфенди, но к исполнению обязанностей его не допускает житель того же селения Шамиль Эсаноков, который «признает себя старшим эфендием»⁷⁷. Паштов просил начальника округа сделать распоряжение, кому из них «быть старшим эфендием»⁷⁸. Несмотря на то, что Эсаноков занимал эту должность в течение двадцати шести лет, Паштов претендовал на нее, ссылаясь на плохое знание первым «магометанских обрядов»⁷⁹. Паштов, таким образом, добился своего назначения, но он вскоре был уволен за злоупотребление своим должностным положением и лишен «навсегда права быть где-либо в должности эфендия»⁸⁰.

В 1912 году уполномоченные второго квартала селения Нижне-Кожоковского доносили начальнику округа, что они наняли по договору квартальным муллой Аиса Псанукова вместо прежде служившего Хажбекира Хакурова. Однако Хакулов, стремясь снова стать квартальным муллой, затевал «интригу с Псануковым», вследствие чего «заяздалась между ними сильная вражда...»⁸¹. Эта вражда кончилась тем, что Псануков отказался от должности и поклялся в присутствии народа больше не служить у них муллой.

Тогда жители квартала отказались как от первого, так и от второго и выдвинули новую кандидатуру, Али Хакяшева. Но Окружной кадий на запрос начальника округа

ответил, что «Али Хакяшев ни в коем случае не может быть допущен на должность квартального муллы в селе Нижне-Кожоковском по его отрицательным нравственным и духовным качествам⁸². Понадобилось вмешательство окружной администрации, чтобы разрешить конфликт в названном квартале.

Иногда при выборе мусульманских должностных лиц в сельских обществах сталкивались интересы различных социальных групп. Зажиточные слои сельских обществ всегда стремились провести на должность эфенди своего представителя. Их естественным противником являлся трудовой народ, который поддерживал ту кандидатуру, у которой симпатия была на стороне простых людей. В этом смысле представляет интерес факт, имевший место в селении Атажукино III, подробно описанный Г. Х. Мамбетовым. В этом селении в 1911 году на должность эфенди были выдвинуты две кандидатуры Хаджи Геляхстан Кармов – от привилегированных сословий и Хангери Калмыков – от трудового крестьянства. Социальные противоречия в этом обществе настолько обострились, что ни той, ни другой стороне не удалось провести свою кандидатуру. Тогда окружная администрация, обеспокоенная тем, что создавшаяся обстановка «угрожает общественному порядку и спокойствию», потребовала от сельского общества избрать на должность эфенди жителя из другого селения⁸³.

Главной обязанностью служителей духовенства являлось внедрение в сознание людей основных догматов ислама, согласно которым есть только один бог – Аллах, что Мухаммед был его посланником – пророком, что существуют ангелы и злые духи (джинны). Последние находятся во власти Бога и исполняют его волю. Принявшие ислам должны также верить, что в последний день мира мертвые воскреснут и все получат воздаяния за свои дела: праведные, чтящие Бога, будут наслаждаться в раю; грешные и неверные гореть в страшном огне⁸⁴.

Аллах изображается в Коране как существо с чисто человеческими моральными качествами, но в превосходной степени. Он то гневается на людей, то прощает их; одних любит, других ненавидит. Как и иудейский и христианский Боги, Аллах без всякой причины заранее предназначил одних людей к праведной жизни и будущему блаженству, других – к беззакониям и загробным мучениям. Тем не менее в Коране, как и в евангелиях, Бог многократно именуется милостивым, прощающим и т. д.

Сельские эфенди и муллы особенно ревностно пропагандировали те догмы Корана, которые имели общественно-политическое значение, укрепляя тем самым позиции влиятельных людей и местной администрации. Они часто повторяли те места, из Корана, где от имени Аллаха призывали сохранить общественное спокойствие, смиренение со своим положением. Священнослужители предупреждали малоимущих, чтобы они не пытались изменить свое положение путем какого бы то ни было посягательства на собственность состоятельных людей. При этом они ссыпались на Коран, где от имени Бога сказано: «Не засматривайся очами твоими на те блага, какими наделяем мы некоторые семейства...»

Особое место в исламе занимал и сейчас занимает догмат о предопределении, согласно которому судьба человека заранее предопределается Аллахом, что человек не в силах что-либо изменить в ней. Подчеркивая значение этого догмата в мусульманском учении, К. Маркс писал, что «стержень мусульманства составляет фатализм»⁸⁵ – требование полной, безоговорочной покорности человека воле Аллаха.

Мусульманское духовенство не только проповедовало идеологию ислама, но и осуществляло контроль за исполнением его практических и обрядовых заповедей. Они сводились (и сейчас тоже) к следующему⁸⁶: обязательная пятикратная молитва каждый день в установленные часы; налог (закят) в пользу бедных, фактически в пользу духовенства; ежегодный пост (ураза, в десятом месяце рамазана) в течение всего месяца; паломничество (хадж) в священный г. Мекку, которое правоверный мусульманин должен по возможности совершить хотя бы раз в жизни.

Каждое из этих предписаний допускает изъятие и смягчение в затруднительных случаях. Так, например, соблюдение поста необязательно для больных и для путешественников. Кстати, мусульманский пост, в отличие от христианского, состоит в полном воздержании от всякой пищи и питья от восхода до захода солнца, но зато в остальное время суток можно есть и пить что угодно и предаваться любым удовольствиям.

К наиболее распространенным запретам ислама относится⁸⁷: есть свинину, делать изображение Бога, а также вообще изображать живые существа, человека или животных (видимо, чтобы люди не предавались идолопоклон-

ству). Последователям ислама запрещено также пить вино, но этот запрет не везде соблюдается.

Этика ислама проста и элементарна. Ислам предписывает быть справедливым, воздавать за добро добром, за зло — злом, быть щедрым, помогать бедным и т. п. По утверждению крупного знатока мировых религии С. А. Токарева, в исламе, в отличие от христианства, невыполнимых моральных предписаний нет⁸⁸.

Наиболее привлекательным в исламе во все времена является принцип равенства всех перед Богом. Но, как мы отметили выше, имущественные различия, богатство и бедность признаются естественным фактом, установленным самим Аллахом.

Отсюда видно, что ислам регламентировал все стороны жизни верующих, но конкретное воплощение в жизнь тех или иных заповедей и запретов во многом зависело и от исторических условий, в которых находились правоверные. Поэтому окружная администрация периодически собирала Съезды сельских эфенди и квартальных мулл, где устанавливали или вносили изменения в порядок и формы исполнения религиозных обрядов⁸⁹. Кроме того, представители духовенства заседали в окружных и сельских судах. Сельский эфенди был обязан присутствовать на заседаниях местного суда, вести учет родившихся и умерших, собирать сведения «о бракосочетающихся и разводах»⁹⁰. Эти сведения они получали от квартальных мулл. Если эфенди по состоянию здоровья или по другим причинам не имел возможности присутствовать на заседаниях сельского суда, то его освобождали от этой должности⁹¹.

Квартальный мулла должен был содействовать сельскому эфенди в исполнении вышеперечисленных обязанностей. Он также являлся духовным наставником жителей своего квартала. Кроме того, в квартальной мечети он возглавлял каждодневное исполнение всеми людьми тех обрядов, которые вытекали из мусульманского вероисповедания. В случае смерти кого-либо из жителей квартала мулла возглавлял исполнение всех религиозных обрядов и ритуалов, связанных с похоронами и поминками умершего.

Мулла одного квартала не имел права вмешиваться в дела жителей других кварталов. Виновный в таком нарушении мулла мог быть подвергнут денежному штрафу в сумме до двухсот рублей или удалению из общества сроком на три года. Для того чтобы понести такое наказание,

было достаточно, чтобы мулла без официального на то разрешения оформил «наших» (брак) девушке, проживающей в другом квартале⁹².

Для поддержания жизнедеятельности мусульманского духовенства и оказания помощи малоимущим семьям с населения собирался ежегодный натуральный налог, который назывался «саджит». Согласно нормам шариата каждый двор платил $\frac{1}{10}$ часть урожая от каждой культуры. Кроме того, «имевшие от 30 до 40 коров платили 1 годовика, от 40 до 60 коров – 2 годовика, от 60 до 70 коров – 1 двухлетка и 1 годовика; от мелкого скота – по одной штуке с каждой сотни»⁹³.

В пользу священнослужителей поступала также часть деура (плата за очищение покойного от грехов, совершенных им при жизни), жертвуемого родственниками умершего в пользу малосостоятельных жителей села. Помимо этого, каждый из них получал вознаграждение за службу в мечети в виде жалованья. Так, например, в 1901 году жители селения Иналова Иналовского квартала избрали квартальным муллой Салескери Кештова с назначением ему жалованья в сумме 120 рублей в год⁹⁴. Размер жалованья квартального муллы и сельских эфенди зависел от количества дворов, обслуживаемых ими. Деньги собирали с населения, обычно один рубль с каждого двора. В селе Шалушкинском каждый домохозяин был обязан уплатить в счет жалованья сельского эфенди по одному рублю деньгами, по одной мере проса и по одному возу дров в год⁹⁵.

Были случаи, когда недовольные деятельностью сельского эфенди или муллы односельчане отказывались платить причитающуюся с них плату. Подобные конфликты иногда доходили до судебного разбирательства. Так, в 1899 году старший эфенди села Шалушкино Махмуд Барсоков подал в суд на своего односельчанина Баталия Куныжева, отказавшегося платить причитающуюся с него сумму⁹⁶. Куныжев свой отказ от платежа на содержание Барсокова мотивировал недобросовестным исполнением последним своих обязанностей. Но, несмотря на справедливые претензии Куныжева, суд вынес решение взыскать в пользу Махмуда Барсокова четыре рубля пятьдесят копеек за два года службы⁹⁷. В связи с этим фактом уместно вспомнить указание К. Маркса о том, что церковь «скорее простит нападки на 38 из 39 статей ее символов, чем на $\frac{1}{39}$ ее денежного дохода»⁹⁸.

В прошлом в духовной жизни народа мусульманское духовенство не всегда играло прогрессивную роль. История помнит примеры, когда оно воспрепятствовало распространению светского образования и даже письменности на родном языке. Поэтому царизм более охотно шел на развитие мусульманских школ-медресе, чем светских.

В 1912 году в Кабарде и Горских обществах было 66 школ-медресе, в которых обучался 151 человек⁹⁹. К 1914 году их количество увеличилось до 97 с контингентом учащихся около 1,5 тысяч человек¹⁰⁰. Такое увеличение мусульманских школ объяснялось политической реакцией после бурных революционных событий 1905–1907 годов в центре и на окраинах России. Царизм в годы и после Столыпинской реакции усилил все средства идеологического воздействия на массы, в том числе и религиозную пропаганду, чтобы вытравить из памяти народов воспоминания о событиях 1905–1907 годов.

В мусульманских школах первоначальную подготовку получали будущие муиллы и эфенди. Из-за отсутствия достаточного количества светских школ многие семьи своих детей отдавали в мусульманские школы, чтобы научить их хотя бы читать и писать. Однако в этих школах обучение велось на непонятном кабардинцам и балкарцам арабском языке. Для того чтобы научить детей самостоятельному чтению требовалось до десяти лет, а иногда и больше времени. Еще в 1870 году известный кабардинский просветитель Кази Атажукин заметил, что «сожсты (так называли учеников в мусульманских школах. – Ж. К.) не могут после десятилетнего обучения научиться писать и читать свободно, не говоря уже о переводе»¹⁰¹.

В системе мусульманского образования мало что изменилось и в начале XX века. По-прежнему в школах господствовала жесткая дисциплина и обучение велось методом механического запоминания мертвых догм Корана. Мусульманские новометодные школы, открывшиеся на кануне Октябрьской революции 1917 года, в которых наряду с мусульманским вероучением и шариатом изучались общеобразовательные предметы, по сведениям И. П. Копачева, не получили широкого распространения¹⁰². Появление новометодных школ в Кабарде и Горских обществах, видимо, было связано с распространением панисламских идей, которые, наряду с требованием объединения всех мусульманских народов под эгидой Турции, ставили задачу приобщить мусульман к достижениям современной

цивилизации, не ослабляя при этом влияния ислама на все стороны жизни людей.

Мусульманское духовенство в течение долгого времени мало заботилось о поднятии культурного уровня и грамотности населения. Более того, оно вело открытую борьбу против светского образования. Когда прогрессивные деятели Кабарды и балкарских обществ брались за дело проповедования народа, духовенство устраивало гонение и травлю, угрожая даже арестом¹⁰³. В результате такого отношения духовенства к светскому образованию в кабардинских и балкарских селениях в 1914 году было только 65 министерских школ, тогда как количество религиозных школ составляло 97¹⁰⁴. В открывшихся сельских школах контингент учащихся иногда сокращался в результате религиозной пропаганды против светского образования.

Однако все это не означало, что мусульманство сплошь и рядом играло одну только отрицательную роль, как это пытались представить атеисты разных поколений, и в особенности в советское время. Никакая другая организация и государственная служба не могут заменить духовенство в той части, которая для него стала традиционной сферой деятельности. Похоронные ритуалы, поминальные обряды, освещение брачных уз и другие атрибуты повседневной жизни, осуществляемые духовными лицами, мобилизуют людей в самые тяжелые для них периоды жизни и воспитывают в них чувство сострадания и ответственности не только перед умершими, но и будущими поколениями.

Сегодня роль ислама неоценима в духовно-нравственном возрождении народа. Жить своим трудом, не красть, не убивать, уважать родителей, заботиться о детях и другие религиозные постулаты, ежедневно проповедуемые церковью, приносят немало пользы обществу и семьям. В нынешнее время проповедники мусульманства могут нести людям покой и духовное равновесие, если они не дадут вновь, как это было неоднократно в прошлом, вовлечь себя в политику, не будут вторгаться в те сферы, которые регулируются успешно нормами адыгского этикета и этикета балкарцев, не говоря о тех сферах, которые подведомственны только государственно-правовым учреждениям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Налоева Е. Дж. К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды первой половины XVIII века // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1972. Вып. 6. С. 80.

² Налоева Е. Дж. Указ. раб. С. 81; Пятигорский листок. 1905. № 336.

³ Туганов Р. У. Измаил-Бей. Нальчик, 1972. С. 65–69.

⁴ Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 106.

⁵ Пятигорский листок. 1905. № 336.

⁶ Калмыков Ж. А. Система административно-политического управления в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX – начале XX века: Автoref. дис.... Нальчик, 1975. С. 14.

⁷ Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 106.

⁸ Там же.

⁹ ЦГА СОР, ф. 11, оп. 13, д. 612, л. 5.

¹⁰ Калмыков Ж. А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1995. С. 43.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 44.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ЦГА СОР, ф. 11, оп. 13, д. 7433, л. 16.

¹⁹ Пятигорский листок. 1905. № 337.

²⁰ Там же.

²¹ Терские ведомости за 1891 г. № 94.

²² Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 45.

²³ Исхак Кармов и Талиб Кащежев относятся к прогрессивным деятелям просветительского движения в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX – начале XX века.

²⁴ Щеголев А. И. Крестьянское движение в Кабарде и Балкарии в годы Столыпинской реакции и нового революционного подъема. Нальчик, 1962. С. 69, 70.

²⁵ Там же.

²⁶ ЦГВИА России, ф. 1300, оп. 7, д. 206, л. 5

²⁷ Там же, л. 3.

²⁸ Там же, л. 9.

²⁹ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 46.

³⁰ ЦГВИА России, ф. 1300, оп. 7, д. 54, л. 163, об.

³¹ Там же.

³² ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 709, л. 98.

³³ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 47.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ ЦГВИА России, ф. 1300, оп. 7, д. 55, л. 144.

³⁸ Там же, л. 146.

³⁹ ЦГА СОР, ф. 11, оп. 13, д. 7483, л. 15; Кануков А. А. Законо-
дательные акты, касающиеся Северного Кавказа, в частности Тер-
ской области. Владикавказ, 1914. С. 5.

⁴⁰ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 49.

⁴¹ Там же. С. 50.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 51.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ ЦГИА России, ф. 1286, оп. 29, д. 69, л. 42–50.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Кануков А. А. Положение о сельских (аульных) обществах и
общественном управлении и их повинностях государственных и
общественных в горском населении Терской области. Владикавказ,
1908. С. 9.

⁵² Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 66.

⁵³ Там же. С. 67.

⁵⁴ Кануков А. А. Указ. раб. С. 9.

⁵⁵ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 68.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ ЦГИА России, ф. 1286, оп. 29, д. 69, л. 42 об, 43.

⁵⁹ Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 69.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Калмыков Ж. А. Установление русской администрации в Ка-
барде и Балкарии (конец XVIII – начало XX века). Нальчик, 1995.
С. 81–95.

⁶² Там же. С. 81, 82.

⁶³ Жемухов С. Н. Религиозные взгляды Шоры Ногмова // Вопро-
сы Кавказской филологии и истории. Нальчик, 2004. Вып. 4.
С. 122–128; Калмыков Ж. А. Ислам в истории кабардинцев (XII – пер-
вая половина XIX в.) // Там же. С. 168–180; Касумов А. Х., Гуго-
ва М. Х. Ш. Б. Ногмов и религия в истории адыгов // Там же.
С. 180–188; Азаматова К. Г. Ислам в общественной жизни Балкарии
XIX века. // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2006. Вып. 4.
С. 457–470; Кажаров В. Х. Песни, ислам и традиционная культура
адыгов в контексте Кавказской войны // Адыгские песни времен
Кавказской войны. Нальчик, 2005. С. 29–86; Он же. Кабарда в пе-
риод «духовного правления» (1807–1822) // Исторический вестник
КБИГИ. Нальчик, 2006. Вып. 4. С. 255–272; Ахохова Е. А., Бузаро-
ва А. К., Губжоков М. Н., Кажаров В. Х., Мукохов А. Х., Нефляшева
Н. А. Присолов Д. Н. Религия ...ислам // Адыгская (черкесская)
энциклопедия. Гл. ред. проф. М. А. Кумахов. М., 2006. С. 598–624;
Мукохов А. Х., Бабич И. Л. и Ярлыков А. А. Исламское возрож-
дение в современной Кабардино-Балкарии: перспективы и послед-
ствия (Рецензия). М., 2003 // Исторический вестник КБИГИ. Наль-

чик, 2005. Вып. 1. С. 389–409; Он же. К вопросу о характере исламизации кабардинцев // Вестник КБГИИ. Нальчик, 2003. Вып. 10; Он же. Ислам в Кабардино-Балкарии в 1917–1930-е годы: от декларации свободы совести к политике подавления // Республика. Нальчик, 2003. Вып. 4; Он же. Государственно-религиозные отношения в Кабардино-Балкарии в 1940–1980 гг. (ислам) // Вестник КБГИИ. Нальчик, 2004. Вып. 11; Он же. Религиозная ситуация и проблемы исламского возрождения в КБР // Известия КБНЦ РАН. Нальчик, 2004. № 2; Он же. Ислам в Кабардино-Балкарии в годы советской власти // Архивы и общество. Нальчик, 2007. № 1; Он же. Ислам и адыгэ хабээ // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. 3.

⁶⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 10. С. 167.

⁶⁵ Цит. по кн.: Авксентьев А. В. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1973. С. 38.

⁶⁶ ЦГА России, ф. 866, оп. 1, д. 21, л. 16.

⁶⁷ См.: Материалы по обычному праву кабардинцев (первая половина XIX в.). Нальчик, 1956.

⁶⁸ Кумыков Т. Х. К вопросу о переселении адыгов в Турцию // Ученые записки КБГУ, 1971. Вып. 43. С. 17.

⁶⁹ См. кн.: Касумов А. Х. На чужбине. Нальчик, 1966.

⁷⁰ ЦГА России, ф. 6, оп. 1, д. 872, л. 26–39.

⁷¹ ЦГА России, ф. 6, оп. 1, д. 872, л. 8 об., 36.

⁷² Там же, д. 841, л. 22.

⁷³ Там же, л. 9 и об., 22 и об.

⁷⁴ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 872, л. 31–36.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же, д. 872, л. 32, 34 об.

⁷⁷ Там же, д. 569, л. 27.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же, л. 28.

⁸⁰ Там же, д. 579, л. 15.

⁸¹ Там же, д. 872, л. 8.

⁸² Там же, л. 9, 10.

⁸³ См.: Мамбетов Г. Х. Куба в прошлом и настоящем. Нальчик, 1968. С. 23, 24.

⁸⁴ Токарев С. А. Религия в истории народов. М., 1986. С. 522.

⁸⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9. С. 427.

⁸⁶ Токарев С. А. Указ. раб. С. 523.

⁸⁷ Там же. С. 524.

⁸⁸ Там же. С. 525.

⁸⁹ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 841, л. 154.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же, д. 569, л. 31.

⁹² Там же, ф. 22, д. 2175, л. 103.

⁹³ Мужеев И. Ф. Социально-экономическое развитие Кабарды во второй половине XIX в. (1868–1900) // Ученые записки КНИИ. Нальчик, 1952. Т. 7. С. 86.

⁹⁴ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 569, л. 3.

⁹⁵ Там же, ф. 22, оп. 2, ед. хр. 4196, л. 2 об.

⁹⁶ Там же, л. 2.

⁹⁷ Там же, л. 3.

- ⁹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 10.
- ⁹⁹ Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965. С. 347.
- ¹⁰⁰ История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 423.
- ¹⁰¹ Там же. С. 416.
- ¹⁰² Там же. С. 423.
- ¹⁰³ Эльбердов Х. У. Воспоминания // Ученые записки КБГПИ. Нальчик, 1957. Вып. 13. С. 182.
- ¹⁰⁴ Соблиров М. Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX века. Нальчик, 2001. С. 112.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XVI – первой половине XVIII века кабардино-русские отношения носили военно-союзнический характер. В таких отношениях в одинаковой степени были заинтересованы обе стороны, так как их общей задачей более чем два столетия стала совместная борьба против агрессивной политики Крыма, Турции и Ирана. Покровительственный характер отношений России с Кабардой, поднимал авторитет последней среди народов Кавказа и создавал благоприятные условия для социально-экономического и политического развития.

С 60-х годов XVIII века кабардино-русские отношения вступают в новый этап своего развития. Россию не устраивали прежние отношения с кабардинцами и другими народами Северного Кавказа в формах «союзничества» и «вассальства» и настаивала на полном фактическом подданстве с их стороны, отказа от территориального и политического суверенитета. Без этого Россия не могла расчитывать на полное обеспечение своих геополитических интересов в южном направлении.

Кабарда на Северном Кавказе по-прежнему являлась влиятельной политической силой. От нее в той или иной степени зависели соседние народы. Поэтому русское правительство приняло твердое решение сначала утвердиться в Центральном Предкавказье, для чего приступает к строительству военных крепостей и укреплений, заселяет вооруженным казачеством наиболее удобные и важные в стратегическом отношении территории местного региона.

Важнейшей частью геополитических задач российского правительства на перспективу становится создание на занятой территории (в одних случаях мирными способами, в других – принудительно) имперских административных и судебных учреждений, так как традиционные местные институты власти и управления не могли стать инструментом (средством) проведения, окончательно сформулированной позже, политики «...органического единения горских народов с Россию».

Становление российской администрации на Северном Кавказе проходило в несколько этапов, особенности которых зависели от характера и активности политики царизма в этом регионе.

Первый этап приходится на период с 1769 года до середины 50-х годов XIX века и связано это с присоединением к России на своеобразных вассалитетных и подданных условиях Кабарды, Осетии, Ингушетии, Чечни, Балкарии, ногайцев и некоторых дагестанских феодальных владений, с введением у них «частных» приставских управлений и первых судебных учреждений (родовых судов и расправ, Временного кабардинского суда, «народных» судов в Осетии и Чечне).

Второй этап охватывает время с конца 50-х до конца 80-х годов XIX века. В рамках этого периода упраздняются прежние приставские управления, вместо них создается система военно-народных управлений (областные, окружные, участковые и сельские), которые после крестьянской реформы в России и на Северном Кавказе приспосабливаются к условиям российской модернизации второй половины XIX века.

В дальнейшем, с конца XIX-го века по 1917 год в основных чертах завершается процесс интеграции и адаптации всей системы хозяйственных институтов и общественно-политических структур власти и управления Кабарды и Балкарских обществ в общеимперскую капиталистическую модернизацию.

Первые шаги по установлению российской администрации в Кабарде сделаны во второй половине XVIII века, когда были введены сначала институт приставства, а потом родовые суды и расправы. Они привели к ограничению роли и значения традиционных представительных (хасэ) и исполнительных (верховного князя и удельных князей) органов власти и установлению контроля за их деятельностью со стороны Кавказской военной администрации. Это было началом искусственно вызванного кризиса системы общественных институтов правления Кабарды. Введение же генералом А. П. Ермоловым в 1822 году так называемого Временного кабардинского суда, по общему мнению историков, означало ликвидацию государственности Кабарды и ее реальное включение в российское административно-территориальное и правовое пространство.

На Временный кабардинский суд были возложены не только функции правового регулирования различных конфликтных ситуаций, но и задачи административного управления краем. Этот суд до 1858 года находился под контролем Кавказской военной администрации и был

исполнительным органом управления Кабардой и Горскими обществами.

Исследователи отмечают, что деятельность Временно-го кабардинского суда в целом была позитивной, так как способствовала ослаблению некоторых уродливых сторон крепостничества, обеспечивала стабильность и относительное спокойствие в Центральном Предкавказье.

Новые органы власти, созданные в 60–80-х годах XIX века по своей структуре и принципам организации были такими же, что и во внутренних губерниях России. Созданные, как сказано выше, поэтапно в течение указанного времени областные, окружные, участковые и сельские административные органы правления Терской области и Кабардинского (позже Нальчикского) округа соответствовали губернским, уездным, волостным и сельским органам власти в самой России. Судебные учреждения тоже имели такую же структуру, что и российские. Именно такую унификацию добивались царские власти на всех этапах административно-правового строительства на Северном Кавказе.

Однако новые местные органы власти имели ряд существенных отличий от имперских. Во-первых, на Северном Кавказе административные учреждения возглавлялись военными чиновниками, как правило, людьми не местного происхождения. Представители коренного населения были представлены лишь на уровне сельской администрации.

Во-вторых, деятельность новых судебных учреждений была так организована, что царские власти использовали обычное право в качестве инструмента осуществления имперской политики в регионе. Судебный устав 1864 года применялся в основном по наиболее тяжким уголовным делам. Такая особенность деятельности органов правосудия не способствовала развитию процесса общественного правосознания, о чем свидетельствовал современник реформы 60–70-х годов XIX века Кази Атажукин, а позже и российские чиновники.

В-третьих, областные, окружные и участковые судебные учреждения возглавлялись чиновниками администрации соответствующего уровня, что свидетельствует о незавершенности судебной реформы на Северном Кавказе (в смысле отделения суда от администрации). И наконец, приходится констатировать, что до 1917 года российские нормы гражданственности лишь частично распространя-

лись на кабардинцев и балкарцев, как и на другие народы Северного Кавказа. Прав В. А. Матвеев когда он утверждает: «На рубеже XX века процесс формирования обще-гражданских связей обрел устойчивость, но завершения не получил» (с. 160).

Российские власти сохранили в трансформированном виде некоторые традиционные общественные институты управления (Хасэ, сельские сходы, медиаторские суды). На них в новых условиях обсуждались хозяйственные вопросы, разрешались малозначительные спорные дела, избирались члены окружного и сельского судов.

Прежняя законодательная Хасэ под новым названием «Съезда доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти Горских обществ» была вмонтирована в российскую административную систему управления и в основном выполняла лишь хозяйственно-распорядительные функции. Однако «Съезд доверенных...» во второй половине XIX – начале XX века, как один из звеньев местного самоуправления, сыграл важную роль в общественно-политической жизни коренного населения, поскольку он в некоторых случаях служил рычагом воздействия и защиты от произвола чиновников администрации.

Таким образом, установление российской администрации в Кабарде и Горских обществах привело с одной стороны, к постепенному упразднению традиционных форм хозяйственной и общественно-политической жизни местного населения, к потере государственности и суверенитета. С другой стороны, – налаживание в XIX – начале XX века торгово-экономических связей с Россией, введение светского образования и российских органов власти и управления создали предпосылки для более ускоренного развития края, вовлечения хозяйства кабардинцев и балкарцев в общероссийскую капиталистическую модернизацию. Местное население постепенно стало приобщаться к более высоким достижениям русской и европейской культуры, вовлекаться в общероссийскую общественно-политическую жизнь. Но этот интеграционный процесс в Российское полигэтническое государственное сообщество протекал медленно ввиду консервативного характера деятельности Кавказской администрации, особенно судебных учреждений.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Документ № 1¹. АДАТЫ БАЛКАРЦЕВ²

Балкарцы, хуламцы, чегемцы, урусланцы и карачаевцы все вообще закона магометанского; язык их имеет сходство с татарским: ниже следующий обряд один у всех.

I. Разделение племен на сословия, включая и класс крепостных людей

1. Фамилии старшин (секельт или бассият):

а) У балкарцев четыре	- 1. Абаевы,
	- 2. Айдебуловы,
	- 3. Джанхотовы,
	- 4. Мисаковы.
б) У хуламцев одна	- 5. Шакмановы.
в) У безенгиевцев одна	- 6. Суншевы.
г) У чегемцев три	- 7. Балкарковы,
	- 8. Келеметовы,
	- 9. Битовы.
д) У урусланцев одна	- 10. Уруслановы.
е) У карачаевцев три	- 11. Крымшакаловы,
	- 12. Дудовы,
	- 13 Карабашовы.

Подвластный им народ разделяется на четыре класса:

первый, в роде узденей, Каракеши,

второй Кулл,

третий Казак,

четвертый Караваш.

II. Права и обязанности каждого класса и отношения одного сословия к другому, включая и духовенство

2. Калым а) у бассиятов (старшин) 800 рублей серебром³, впоследствии уменьшен и по приговору утвержден в 600 рублей серебром, который по большей части уплачивается в последние времена скотом, а редко лошадьми. Обычай очищать калым железными вещами выводится из употребления, потому более, чем ценность их понизилась чувствительно и, за исключением нескольких заветных

ружей, шашек и панцирей, остальное оружие не принимается по-прежнему;

б) у каракешев калым в 300 рублей серебром;

в) у куллов он состоит: из числа баранов, равняющиеся в цене одной паре двухлетних быков, из двух коров, одного ружья (ценой в двадцать рублей серебром или в две скотины), из одной лошади, из медного котла (в котором можно сварить одного барана), из одной коровы, без телка, из одной скотины, из трехлетнего быка, из пары двухлетних телков и из одной сабли ⁴;

г) у казаков ⁵ и каравашев определенного калыма нет; он назначается по обоюдному согласию:

3. Если старшина захочет строить дом или зимовник из камня или леса, то рабочим выдают пищу.

4. Для производства хлебопашства и сенокоса в пользу старшин, эти должны дать землю и быков на время.

5. Зимой, когда режут баранов для пищи, старшина разделяет овчины между людьми, которые доставляют в дом его дрова для зимы.

6. В прочее время все овчины разделяются между казаками; а куллы не вправе просить части. Курпей все оставляет у себя старшина.

7. Во время раздела шерсти старшина оставляет у себя белую свою, а с черной берет себе для бурки и седельных потников, а равно и для детей; остальную же разделяет по равным частям между своим семейством и казаками мужского пола, совершенных и несовершенных лет.

8. Старшина имеет право для себя назначить табунщика и баранщика из куллов.

9. Если на места сенокосные или хлебопашественные нужно приступить воды через канавы, старшина назначает несколько домов по очереди, дабы поровну наделять водою и пускать ее, как следует. При этой работе особенно у чегемцев бывают ссоры, кончающиеся иногда смертобойством; почему наблюдается между ними очередь: каждым пяти домам приходит на эту работу одни сутки.

10. Когда старшинский сын привезет себе жену, то берет с каждого кулла по одной скотине.

11. Женившийся старшина имеет право жену свою на тегларии отправить и оставить ее в доме каракеша, если захочет этого, в продолжении одного года.

12. Что жена старшины привезет из своего дома с собою, хотя бы и служанку, все должна отдать в доме каракешу, у которого оставлена.

13. Во время женитьбы или при взятии жены по обряду (шаоч), старшина сам является в дом каракеша, который должен для него делать пиво, а старшина дает ему однушку служанку. Если служанки он не найдет, то обязан дать сполна для одного человека железных вещей: панцирь, нарукавники, налокотники, ружье и пистолет; холопьям же каракеша — кому тулуков, кому веревок, и кроме того каждому одну штуку товара для платья, сколько может; даже служанкам их он не может не подарить чего нибудь.

14. Всякий имеет право принять в свой дом чужого мальчика для воспитания.

15. По смерти старшины, когда родственники сами составляют жертвенные припасы, то режут сто баранов; каждый каракеш по одному барану и, сверх того, по три живых барана для зареза и по одному тулуку бузы доставляет в дом старшины и кладет в то место, где лежат прочие припасы.

16. При выдаче дочерей, каракеши дают из калыма своему старшине две скотины (подарок этот называется емчеклик, т. е. аталькский подарок) и другому чужому старшине, которому он не принадлежит, пару быков, также в виде аталькского подарка. Получающий его старшина должен всегда помогать каракешу в делах его. Во всяком случае, он остается тому каракешу настоящим помощником, и никто не вправе устраниТЬ старшину от дел, касающихся до взятого им под покровительство.

17. Из калыма, получаемого куллами, отдастся старшине три скотины; прочие кулл берет сам. Пользовавшись калымом за дочерей; он обязан за жен своих калым уплачивать сам.

18. Кулл по обряду имеет право в уплату за жену отдать в калым дочь свою.

19. Старшины могут продавать и дарить куллов, кому заблагорассудят⁶.

20. Куллы по очереди привозят дрова старшинам на старшинских ишаках и ксят сено, сколько старшине угодно.

21. Куллы для старшины производят хлебопашество в особенном месте, на пространстве земли, принадлежащем старшине, и когда уборка кончится, то все дочиста доставляют в дом старшины на его ишаках.

22. Когда кулл зарежет скотину себе в пищу, то отделяет из нее шею и половину спины; верхнюю часть спины с половинами боков он отдает старшине; это называется уга или бго. Из сваренного пива господину следует один кувшин.

23. Куллы и казаки имеют собственные земли, подаренные им старшинами или купленные самими; земли эти они пашут для себя и весь урожай берут в свою пользу, не отдавая из оного старшине ничего.

24. Старшина может продавать и дарить казаков, кому угодно, употреблять их в роде прислуки; а жен их и дочерей в роде служанок он также вправе держать у себя.

25. Из последнего класса караваш служанка или горничная приобретается не чрез калым, а покупкою, и везде добывается дорогою ценою от 300 до 400 рублей серебром. Господину никто не мешает продавать такую служанку, кому он захочет; она служит безотлучно в доме при госпожах, получает одежду от господ; законного мужа не имеет, а ежели господин позволит холостому мужчине жить с нею, то он же может чрез несколько времени запретить это; в таком случае холостой не должен считать женой служанку, с которой жил, или требовать к себе детей от нее, называя их своими. Дети должны оставаться при господине, который может продавать их врознь; они в женском поле называются караваш, а в мужском легава, т. е. повар. Дочери казакам не отдаются посредством калыма, а продаваемы бывают без мужей; если же служанка будет иметь детей хоть от незаконного мужа и господин захочет, то делает их и детей дворовыми людьми, т. е. холопьями, и тогда уже нельзя их сделать по-прежнему служанками; дочери с калымом отдаются законному мужу, а сыновья берут законных жен, платя калым, наравне с прочими холопьями.

26. Из всякого избытка хлеба и скота ежегодно отдается десятая часть по закону Магомета и разделяется на три части: одна аульному эфендию, другая всем муллам, а третья – нищим.

27. По согласию и по приговору, с каждого дома отдается зимой аульному эфендию по барабану и по одному стогу сена (стог или копна состоит из двух выюков на лошадь), дров по одному вырюку на ишаке и летом по барабану.

III. Какие дела и преступления в каждом племени должны быть рассматриваемы адатом и по обычаям

28. Судебное место зовут нагиш (оно состоит из камней «в роде стульев, поставленных кругом, никто не помнит, кем). Это судебное место существует везде, даже в аулах. Там избранные почетные старики из всех классов, т. е. старшин, каракеш, казаков и куллов, каждый день бывают, для выслушания жалоб просителей и оправданий ответчиков; после чего решают дела по обряду. Это место даже зимою остается судебным; в нем расправу делают непременно каждый день.

29. Это – самое первое и главное судебное место в Балкарии; туда передаются к разбирательству дела, заключающие некоторую важность, от всех племен осетинских.

30. В составе обрядов убавка, прибавка или отмена вообще делаются по приговору и общему согласию; если народ убедится, что на будущее время невыгодно продолжать суждение по делу обрядом, до того существующим, тогда обряд уничтожается по приговору и дело представляют разбирательству шариатом.

31. Дело, поступившее на шариатское разбирательство, судится не в нагише (нагише), а у эфендия в своем ауле.

IV. Права и обязанности каждого сословия объяснены в отд. II

V. Наследственное право всех состояний

VI. Раздел имений

32. Имения разделяются не по шариату, а по обрядам между братьями: сестры и вообще женский пол по наследству части не получают, а пользуются только подарками, состоящими из служанок, серебряных вещей, платья и скота, смотря по состоянию; от владения землею женский пол также устраняется.

VII. Обряд духовных завещаний и исполнения по ним

33. Старшина или каракеш при жизни своей духовным завещанием назначает душеприказчика, которому предо-

ставляет похоронить себя на счет оставшегося имения, смотря по состоянию; из суммы, завещанной на этот предмет, покупаются погребальные вещи (искат). Для уничтожения грехов умершего, назначается от 10 до 300 рублей серебром, судя по богатству его; эта сумма делится на муллов и нищих. Опекун или душеприказчик по закону Магомета должен эту сумму (искат) разделить на три части: одну отдает аульному эфендию, другую всем прочим муллам того же аула, а третью нищим, в ауле же находящимся, а они потом между собою делятся в присутствии душеприказчика. Сколько при жизни своей умерший назначает для богомолия в Мекку, душеприказчик должен послать, не встречая в том препятствий со стороны наследников.

34. Жертва (садака) из скота и припасов, сколько сам умерший назначает при жизни и поручает душеприказчику употребить, также не может быть отмене наследниками; независимо от того, один алкоран и ковер поступают непременно в мечеть после умершего.

35. По завещанию, при жизни сделанному, собирают муллов для чтения алкорана в продолжении сорока дней или менее, смотря по воле, изъявленной покойником в том завещании; душеприказчик обязав им вместе уплатить лошадь с седлом и прибором, а также отдать все платье умершего.

36. Могилы и памятники, по завещанию умершего, делаются из камня или из дерева, по указанию аульного эфендия, но в таком случае только, когда сам душеприказчик не из ученых и не знает закона Магомета.

VIII. Отношение детей к родителям и их права на первых

37. Дети, по закону Магомета и обряду, должны быть родителям покорны и послушны; сопротивление воле родителей тяжкий грех и по обряду стыд; впрочем азиатский народ вообще и в осетинских племенах старшины и каракеши по большой части не воспитывают детей при себе, а отдают их к аталыку или кормилице, которые не учат ни чему, а делают их чуждыми родителям и даже непослушными к ним; додержав воспитываемых у них молодых старшин или каракешев до совершенных лат, аталыки (для мальчика) и кормилицы (для девочек) доставляют их к родителям, за что получают угощение и большую на-

граду; кроме того, родственники воспитываемых, смотря по состоянию, дарят атальку или кормилице, кто служанку, кто 100 баранов, иной железные вещи, другой лошадей, или несколько штук рогатого скота.

38. Подвластные также считают себя обязанными дать подарки; дети старшинские, женившись, живут врознь с родителями, а каракешские остаются с отцом и матерью.

39. Старшинский сын отдается до совершенного возраста лучшему каракешу, который по окончании воспитания возвращает его в дом, одетого в богатое платье, на хорошей лошади с седлом и оружием. Возвратившись к себе в дом, молодой старшина делает воспитателю своему соразмерное награждение и уезжает из родительского дома, потому что никакой старшина в этих племенах с отцом жить не может.

40. Когда старшина отдает на воспитание своему каракешу или черному сына, то делает пир; музыканту, играющему на нем (гекуако), он дает лошадь и конец дарам.

IX. Взаимное отношение мужа к жене и обратно

41. По закону Магомета и обряду, муж и жена должны друг друга любить; муж обязан для жены иметь в достаточном количестве платье, кушаки и прислугу; есть такие четы, которые живут хорошо в продолжение всей жизни. Сохраняя старый обычай, господствовавший в тех племенах, до старости лет муж к жене своей не входит днем и живет в особой кунацкой; несоблюдение этого обряда считается бесчестием. Жена, если живет с мужем в несогласии, может быть им отослана к своим родственникам. После увольнения ее, по закону Магомета, она не должна выходить за другого в продолжение четырех месяцев и десяти дней; ежели она не имеет родственников и будет нуждаться в одежде и пище, то муж должен ей доставлять и то и другое. При разводе муж должен в присутствии эфендия и двух свидетелей сказать три раза слово: талака, т. е. отказ, отказ, отказ.

42. Если кулл заплатил калым за жену из собственности и потом разведется с нею, то может ее сделать свободною, чему уже тогда господин препятствовать не вправе; дворовый человек, женясь на девке такого же состояния и заплатив калым за нее из господского имения, не

может без воли господина дать свободу жене своей, разведясь с нею, если б даже по каким-нибудь сделкам он и вступил до того в сословие куллов.

43. Всякий каракеш волен казачку отдать мужчине, ему принадлежащему, кому заблагорассудит, с тем однако же, чтобы дети, от этого соединения родившиеся, принадлежали ему, каракешу; поэтому он имеет право во всякое время отнять женщину у того, кому дал; а когда за эту казачку будет взят калым, то уздению до нее и детей дела нет, и она становится уже законною женой.

44. Кулл, заплативший за жену калым из собственного имущества, без помощи своего каракеша, вправе прогнать ее или отпустить, в чем ему препятствия не чинить; по смерти его другому куллу отдать ее можно, но если у старшины другого кулла нет, то жена умершего увольняется к своим родным.

45. Когда господин помогает куллу в платеже калыма за жену, последний не вправе сослать жену или отпустить ее.

46. Господин, женивший своего дворового человека (казака), сам уплачивает калым, и поэтому дворовые люди никак не могут разводиться с женами, как это делают другие.

47. Если же из числа тех жен окажется которая поведения распутного или воровкой, и муж жить с нею не согласится, то господин берет ее к себе и, делая служанкой, возвращает родителям и требует данный за нее калым, или женщину продает и все, по продаже взятое свыше заплаченного им калыма, разделяет на две части, из которых одну берет себе, а другую отдает тому, от кого будет взята девка.

48. По смерти казаков, жены не увольняются, а остаются у старшин в роде служанок.

49. Если кто, после назначения калыма и обвенчания, не получив еще жены, захочет отказаться от нее, то из всего назначенного калыма половину должен уплатить жене, а другую половину оставлять у себя.

50. Служанка или караваш, всегда остающаяся при господине, если избирает себе холостого крестьянина (название ему коренитл), т. е. не настоящий муж, и господин на то согласится, то принимает его у себя, как жена мужа; рожденные от них дети принадлежат одному господину, и мнимый муж не может их присвоить себе; в противном случае господин вправе ему приказать никогда к ней не

показываться и детей волен дарить, продавать, разбивая врознь,— всех дочерей иметь у себя в виде караваш, т. е. служанок, а сыновей лигавами, или прислужниками (поварами).

X. Мера наказаний за неповиновение старшинам

51. Каракеш, по сомнению в воровстве позволивший себе посмотреть в доме или в кошу у старшины, штрафуется парою быков, за что осмелился учинить такой обидный поступок.

52. Для взятия штрафа старшина имеет право послать из казаков в дом каракешов и куллов; а если кто из наказуемых не отдаст безотговорочно требуемого, или поссорится с посланным казаком, нанося ему удары, то старшина штрафует виновного одной скотиной за сопротивление; на счет же штрафа, послужившего поводом к ослушанию, казак и старшина разбираются в нагише.

XI. Мера наказаний за преступления всякого рода

53. Вообще у горцев, в случае смертоубийства, виновный и его родственники стараются, как можно скорее, через кого следует, похоронить павшего, а родственники убитого стараются медлить, потому что до предания тела земле все родственники делают набег в дом и кутаны убийцы, забирают, сколько могут, баранты и все, что успеют забрать, оставляют в свою пользу; назад из взятого не требуется ничего, и во время уплаты за кровь не полагается даже в цену; обряд этот называется хадатеж или ульдук..

За кровь старшины платится 15 штук, как за калым по ст. 2.

За кровь кулов или казаков должно уплачивать по оценке, чего стоил убитый.

54. По шариату же за кровь убитого из старшин или каракешев 1500 рублей серебром или на эту сумму людьми и скотом.

За драки, удары и раны обиженный старшина за честь получает одну душу крестьян, росту 6 четвертей.

55. Таковой же штраф полагается за честь старшины с того, кто будет у него воровать.

56. Если старшина ударит каракеша или нанесет ему рану, то обиженному за честь должен отдать одну лошадь и сварить пива.

57. Каракеш, ударивший себе равного каракеша или нанесший ему рану, должен сварить пива обиженному и возвратить ему рану, должен сварить пива обиженному и возвратить ему убытки, примененные платою лекарю за пользование.

Начальник центра Кавказской линии,
генерал-майор князь Голицын.
Февраля 24-го дня 1844 г. Кр. Нальчик.

Рукописный архив Одесской научной библиотеки им. А. М. Горького, дело 54/13Я, л. 44–59.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Документ этот вместе с примечаниями извлечен из книги: Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в XV–XIXвв./ Сост.: Х. М. Думанов, Ф. Х. Думанова. Майкоп, 1997. С. 118–128.

² Рукопись, хранящаяся в публичной библиотеке им. М. Горького в г. Одессе названия не имеет. Ф. И. Леонтьевич опубликовал ее под названием: Адаты малкарцев (балкарцев, хуламцев, чегемцев, урусиевцев и карачаевцев в 1855 года), Х. Д.

³ По древнему обряду, калым заключался в пятнадцати предметах, 5 крестьянах, 5 штуках железными вещами и на 5 остальных предметов сенокосной земли, которая бы стоила одной служанки, двух быков и двух лошадей.

⁴ В 1807 году, по прекращении чумы, калым по народному уставу следующий: у старшины за девицу 500 руб., за вдову 300 руб.; у каракеша за девицу 220 руб., за вдову 150 руб.; у куллов за девку 150 руб., за вдову 100 руб.

⁵ Казаки остались на прежнем основании.

⁶ «Старшины над каракешами не имеют никаких особых прав; куллы же и казаки, кроме того, что обязаны исполнять многие повинности, но и старшина имеет право продавать и дарить их, кому угодно, а последних употреблять в роду прислуги. Караван же есть совершенный раб во всем своего господина. Старшина имеет право требовать из куллов и казаков рабочих: для постройки дома деревянного или каменного, для пашни и сбиивания хлеба с поля, для пастьбы скота, сенокосов и для привозки дров. За это он должен рабочих кормить и разделять между ними овчины с тех баранов, которые режутся для пищи. Старшина имеет также право требовать рабочих из куллов и казаков, для орошения своих полей и лугов посредством канав; но в этом случае он должен наблюдать строгий порядок, как в наряде рабочих, так и в отведении воды из соседних канав, потому что за это возникают частые ссоры, оканчивающиеся иногда смертоубийством. Права каракешев не определены. Куллы и казаки, за получаемую от старшины землю, должны обрабатывать поля, носить и свозить в дом старшины на своих ишаках».

Документ № 2. ПОСТАНОВЛЕНИЯ О СОСЛОВИЯХ В КАБАРДЕ

Кабардинские князья, уздени и холопы издревле имели свой народный обычай, служивший для них законом.

Кабардинские князья произошли от Инала и сыновей его, между коими впоследствии совершен был фамильный раздел.

Народ кабардинский разделен на следующие касты, по званиям своим:

1) Уздея: Тамбиевы, Куденетовы, Анзоровы, Коголовы и Нардоковы сыновья; по-кабардински именуются тлохотлеш или высокостепенные.

2) Степенные уздея, т. е. личные княжеские уздени, называемые пшекау.

3) Узденские уздея орк шалтухуса, старшие по званию княжеских узденей.

4) Чагары, состоящие под покровительством князей, то есть вроде холопов.

5) Чагары узденей, коим положено иметь их.

6) Всякого рода холопы, или холопы-рабы, невольники как княжеские, так и узденские, живущие у своих господ.

Отпущенники княжеские и узденские по выкупу или в награду.

Народ кабардинский разделен от Иналовых детей на четыре фамилии:

- 1) Бек-Мурзина,
- 2) Кайтукина,
- 3) Мисостова,
- 4) Атажукина.

1. Степенные уздея, где бы ни находились, по первому извещению князя должны явиться к нему и находиться при нем, сколько заблагорассудится князю.

2. Когда князь отъезжает в Персию, Россию, Турцию и пр., при нем находиться должен один первостепенный уздень, занимающий почетное место, хотя бы были тут люди старше его летами; он кушает с князем и получает более прочих подарки. Другие же уздея при князе равны в правах своих и получают награды по заслугам.

3. Уздея пшекау, то есть княжеские, исполняют все приказания князя (они не вроде холопов, но и не равняются узденям); они находятся безотлучно при князе и ис-

правляют его домашнюю работу, смотрят за порядком в его доме и охраняют его, а князь защищает их от всяческих несправедливых обид, по обычаю вступаясь за них, наказывает виновных, народ же терпеливо сносит присуждаемые от князя наказания и не может ничему противиться, ибо не разбирает, право или не право поступает князь, — на то есть его воля.

4. Если с кем-нибудь уздень пшекау будет ссориться и в ссоре убьет противника, то князь вступается за это и в случае, если убийца не удовлетворит родственников убитого по обычаям, князь ищет мщения кровь за кровь убийством, сверх этого взыскивает с виновного за одного убитого три семьи, в каждой по девять душ, из коих отдает два семейства ближним родственникам убитого, а третье берет себе. В случае же, если у убийцы нет девяти душ, все семейство и имущество его подвергается ограблению и продается по разным местам.

5. Чагары княжеские должны из каждого дома всякий день являться верхом на собственной лошади и с оружием к князю для услуг и исполнять все приказания его; если кто из чагаров будет убит в ссорах, за него взыскивается тоже девять душ в пользу родственников убитого; но князь из того ничем не пользуется.

6. Все узденя добровольно, непринужденно служат князьям и получают за это достаточную награду: в виде оружия, лошадей, скота, холопов, смотря по усердию каждого.

При переселении князей на другое место, узденя, им принадлежащие, следуют за ними и живут не в дальнем расстоянии от аулов; если, впрочем, переселение будет внутри Кабарды: а когда князья пойдут в другие места, за Кубань и далее, то узденя даже против воли своей остаются в Кабарде; ибо народ удерживает их от переселения: один только князь имеет полную свободу выходить беспрепятственно из Кабарды, куда пожелает. Равномерно, если уздень будет обижен князем или не получит назначенных подарков, то вправе от князя переселиться на другое место.

С узденя, чагара и холопа, если окажут неуважение к своему князю или что-либо у него украдут, взыскиваются штрафы.

Если кто-либо украдет у князя из дома лошадь и в этом изобличен будет, то виновный с возвращением украденного платит князю особо в штраф восемь лошадей своих,

одну холопку или холопа из лучших. Таким же порядком с того, кто учинит кражу лошадей из княжеского табуна, взыскивается за каждую лошадь по 8-ми, а 9-я украденная, и по холопу на лошадь или по лучшей холопке; сколько бы ни было лошадей украдено, за все платится в этом же размере.

8. Если кто в проезд к какому-либо князю из других мест, недоезжая до него, будет ограблен в дороге и воры будут узнаны, то взыскивается с них за бесчестие за каждую лошадь по 8 лошадей и холоп за ограбление едущего к князю.

9. Хорошую охотничью собаку князь вправе взять у всякого из подвластных, а при неотдаче ее по требованию его, взыскивается с противившегося в штраф пару быков. Впрочем, и сам князь по получении собаки вознаграждается за нее хозяина, смотря по достоинству ее и своей воле.

10. Таким же порядком поступают, если князь по желает взять у кого барсучий чехлы.

11. Если князь по каким-либо причинам захочет у узденей и чагаров взять баранту, а уздень или чагар в этом воспротивится или баранту по дороге отнимет у князя назад, за это платит в штраф князю одну хорошую холопку и пару волов, а в баранте делается народное разбирательство, и если окажется, что князь неправильно оную взял, то отбирается и отдается по принадлежности хозяину; но последний и при правоте его от платежа сказанного штрафа за неповинование князю не избавляется.

12. Для собственного и двора своего продовольствия князь имеет право брать у своих подданных и узденей баранов у кого только есть, не разбирая, им или посторонним принадлежит скот, с каждого дома в год по одному барану и ягненку, с тех кошней, которые принадлежат узденям князя и подвластным их.

13. Узденя, чагары и прочие вольные люди, если терпят от своего князя какую обиду, то жалобщик имеет право уйти от своего узденя к князю, к кому хочет, и просить разбирательства, которое князь делает и по окончании приказывает господину, если жалоба на него справедлива, чтобы он обходился лучше, между тем просителя возвращает по-прежнему к его господину. Это иногда повторяется несколько раз, в случае продолжения притеснения.

14. Когда князю нужны лошади, лошади для своих товарищей, не имеющих таковых, он может из табуна

узденей, чьих бы ни было, взять лошадей и ездить на них, а потом обращать их по-прежнему в табун. В случае из них какая от изнурения падет, князь за нее платит хозяину такую же лошадь.

15. Если кабардинцы, при разъездах партиями для розысков и наказания за какие-либо шалости или грабежи других племен горских, разобьют их и возьмут у них добычу людьми, скотом и прочим, то старшему князю, хотя бы он не был в партии, дают из лучших пленных одного человека, а когда людей в добычу не достанется, то выдают князю скотом и прочим, по стоимости человека; остальную добычу делят по частям участвовавшие в партии между собой.

16. Если два человека, какие бы ни были, подерутся при лице князя на улице, на дворе, или в доме, то зачинщик драки платит в штраф князю одну холопку за несоблюдение благопристойности к князю.

17. Если кто со служанкой князя будет иметь прелюбодеяние и в этом изобличится, платит князю в штраф холопку хорошую.

18. Полученные во время бытности князя в чужих краях за Кубанью или в другом месте подарки узденя его делят постепенно, кому что следует.

19. Из полученного князем за дочь, при выдаче ее в замужество, калыма дается часть его узденям и разделяется постепенно, кому что следует.

20. Когда князь женится, то в калыме за невесту помогают ему платить его узденя, смотря по состоянию каждого.

21. В калым за дочь свою князь берет: 1) лучший панцирь, стоящий двух крестьянок; 2) другой панцирь по проще, стоящий одной холонки; 3) налокотники, стоящие одной крестьянки; 4) еще налокотники и шишак, стоящие одной крестьянки; 5) саблю, стоящую служанки; 6) саблю попроще; 7) пять лошадей, из коих первая стоила бы неизменно одной служанки, а прочие похуже и без цены, но только на выбор; но если прописанных вещей и лошадей не сыщет, то платит служанками.

22. Когда князь умрет и останутся долги на нем кому бы то ни было и он их при жизни не заплатил, долги те остаются без платежа, и наследники за них не ответствуют.

23. Когда князь находится у карабулаков, назранов, ингуш или у тагурцев и он кого-либо пошлет по какому

делу, а последнего ранят и не послушают, за это виновные платят князю 15 штук лопадей, саблями, ружьями, шашками, пистолетами, так, чтобы каждая штука стоила непременно одной крестьянки.

Князья не имеют права, по обычаю народа, обижать узденей без причины.

24. Князья женятся на княжеских дочерях, а узденя на узденских дочерях, вольные на вольных, холопы на холопках, чагары у чагаров берут; по желанию же родителей и холоп может брать у вольного, а чагары у холопов.

25. Холопы исполняют в полной мере все приказания господ и работают безоговорочно, что ни прикажут.

26. Чагары платят годовую подать господину своему и работают по нижеследующему положению в народе:

1) Когда чагар будет иметь в пашне две пары волов, тогда обязан в год своему господину отдать три арбы обмолоченного проса, а при неурожае и недостатке ни чего не давать; а кто будет пахать одной парой, то на том же основании дать господину одну арбу тоже при урожае и достатке, а когда три пары будут в пашне – дать четыре арбы проса.

2) Каждый дом крестьянский ежегодно засевает землю на один тулук (т. е. мешок в 5 мер) просяными зернами господину и потом отдает ему все готовое; при работе продовольственные припасы в достаточном количестве выдаются от господина, а при неимении таковых в прочее время у господина, крестьяне обязаны сами себе продовольствовать.

3) В сенокосное время чагары обязаны работать для господина так: три дня косить и два дня убирать сконченное и в стога класть с помощью крестьян, которые и сено возят совместно с первыми и кутаны или дома, в том самом количестве, какое каждым из них накошено. Из этого исключаются чагары, которые в первый раз косят, по их малолетству, баранчики, табунчики, муллы и крестьяне, имеющие своих холопов. В случае же, когда господин не захочет косить по каким-либо причинам, или не даст к прокормлению рабочим провизии, тогда крестьяне, за свободное от покоса время, обязаны дать ему с каждого двора по 7 ароб готового сена.

4) В отношении дров крестьяне должны давать господам в год по восьми ароб с двора, если, впрочем, предоставляется возможность возить их по местоположению

из гор; если же в том будет препятствие, то взамен дров каждый дом обязан доставить 15 толстых брусьев, годных к строению, и возить их зимой волоком волами.

5) Как прежде было позволение кабардинцам ездить на Линию за солью, то всякий, кто поедет из крестьян на собственных своих быках или конных арбах, обязан был выдать господам по сапетке соли с быка или конной арбы; а кто таковых не имеет и поедет на выпрошенных у кого-либо быках или лошадях, те ничего не дают.

6) Кто будет делать железо, то из сделанного отдает господину в год с двора по одной полосе.

7) В случае понадобится князю дом большой с кухней, а сноже — малый, обязаны безоговорочно строить крестьяне, мазать женщины их, глину же возить и делать — дворовые люди.

8) Огородные плетни делают крестьяне обще с дворовыми людьми; чистка сада от травы производится женщинами крестьянскими, по одной из дома, в лето один раз.

9) Плетни около всего дома, где нужно, должны делать крестьяне без дворовых холопов; также колья и хворост возить на крестьянской скотине.

10) Кто из крестьян имеет девок-дочерей, при выдаче их замуж, отдает из получаемого за нее калыма господам с каждой девки по три скотины посредственных, без выбора лучших, господа же обязаны при выдаче девки замуж сделать для нее шелковый кафтан, а когда оного не даст, то и им не давать ни одной скотины, поступающей собственно за кафтан.

11) В бывающие в году два праздника — рамазан и курбан — делать для господ бузу из крестьянского проса; посуда господская.

12) Кто из крестьян будет иметь пчел, тот сначала три года господам ничего не дает, а по прошествии трех лет, если от одного улья составится только три, все они отдаются господам, а если в хороший год более трех сапеток, то все остаются в пользу водившего. Когда же нехороший год для пчел и мало роев, то от дать господам только матку или два улья, как случится.

13) Если несколько братьев-крестьян, живших совместно, пожелают разделиться, обязаны давать господам по 40 баранов с ягнятами. Это установлено для того, чтобы не делились врознь, но жили вместе, а кто баранов не имеет, тот и делиться не вправе.

14) Если прибудет к господам в дом из женского пола гостья, состоящую при ней прислугу и волов кормят крестьяне.

15) Когда кого из крестьян чагары или другие люди убьют по мщению или другому чему, по азиатскому обычанию, платить за убитого двух человек, из которых один берется семьей убитого, а другой господином последнего.

16) По взятии кого из крестьян где-либо в плен, выручает выкупом из оного семейство пленного, пополам с господами.

17) Крестьяне должны давать для господ в их поездку лошадей, кто имеет, в то только время, когда они праздны, а когда нужны куда в поездке или по другим надобностям самому хозяину, то оных могут не дать и господа не вправе насильно брать оных у крестьян; когда же из взятых лошадей будет украдена, загнана или от другого падет, в таком случае господа за то производят крестьянину плату.

18) Кто из крестьян зарежет рогатую скотину собственную, а не подаренную, тот обязан, сваривши, переднюю лопатку принесть господам.

19) Во время рамазана, то есть поста, всякий крестьянин с двора должен в одну ночь купанье и питье принесть господину приличное состоянию его, но не свыше достатка крестьянина.

20) Кто из крестьян имеет баранов, обязан дать господину однажды в год, когда бывает заготовление колченой баранины в декабре месяце, с двора по лопатке оной.

21) После уборки хлеба крестьянами и возвращения с работы, каждый крестьянин должен дать господину с двора по кубышке бузы и по одному большому просяному чуреку.

22) При всяком делании бузы, много или мало, крестьянин обязан отнести один кувшин своему господину.

23) Если господин пожелает строить вновь дом или поправить, крестьяне строят, а старое, бывшее у него строение от дома, годное и негодное, берут себе на надобности.

24) Когда господин поедет на поминки к родственнику, тогда арбы с волами должны давать крестьяне по очереди.

25) Если пожелает господин выбрать из крестьян табунщика, взять может, только дает по выбору лучшего жеребенка табунщику в год, из числа пасомых лошадей;

одежда у табунщика своя, но исключается из подати с него одна арба проса, а когда зимою господин станет резать кобылу для пищи, то внутренность и шея вся табунщику отдается, только малое количество из внутренности берет себе господин.

26) По всем прописанным статьям, кто окажется нарушителем, обязан заплатить за всякое невыполнение своему господину быка.

27) Кабардинские князья имеют в подданстве разных сословий горцев, а, именно: карабулаков, назрановцев, ингуш, осетин и абазинцев, кои платят дань по нижеследующему порядку.

Ингуши, назраны и карабулаки ежегодно платят по очереди кабардинским князьям по рублю серебром с дома, и тот князь, который получит те деньги, должен весь год от обид их защищать и дает для того человека, который состоит на всем довольствии от них с лошадью; притом ему дают несколько платья за охранение.

Тагаурские осетины на том же основании платят, как ингуши и назраны, до самой Дигории.

Дигорский народ, живущий на плоскости и в горах, платит с двора по барану, и также дается им для защиты от обид человека от князя, на всем мирском продовольствии.

С балкарцев никакой дани не получают, но только в случае кражи у кабардинцев лошадей платят штраф и наказываются за все проступки, наравне по правилам кабардинцев.

Дигорцы за воровство у кабардинских князей платят штрафы такие же, как и кабардинцы.

Чеченцы и уруспиевские осетины с давнего времени принадлежат Атажукинской фамилии, и никто в них не вмешиваются, а князь Атажукинской фамилии требует с них дань, сколько назначит, отчего они отнюдь отказаться не могут.

Хуламцы, безенги-осетины по очереди в год дают князьям по барану с дома.

Карачаевцы-осетины между князьями на раздельные, в подданстве с самых давних времен; у кабардинцев они платят князю, старшему летами в Кабарде, ежегодно 300 баранов от всех, а от каждого дома особенно по саштке пшеницы и по большому кувшину коровьего масла. Когда малолетний сын какого-либо князя в первый раз приедет к карачаевцам, как только начнет ездить на ло-

шади, в то время всякий житель карачаевский из черного народа обязан ему дать, у кого есть табуны лошадей, — лошадь, если же оных не имеет, — корову, быка или барана, а старшины дарят ему хорошие ружья, шашки, пистолеты и прочие приборы, к убранству военному нужные. Всякий князь может посыпать в Карабай и берет, что потребуется, лошадьми или коровами и прочим, что только нужно; если кто будет противиться, то посланный от князя заарестовывает у неповинующегося дом, так что если положит камень в дверях, то не только его снять никто не может, даже и перейти не смеет до тех пор, пока камня не прикажет сам князь снять; при этом люди, оставшиеся внутри покоя, не выходят во двор, находившиеся на дворе не могут войти через камень в покой. Таким же порядком князь может положить камень и на пашни; в это время производящие пахоту не могут его переехать и если переедут, платят в штраф князю хорошей холопкой.

6 частей абазинцев принадлежат с давнего времени ка-бардинцам и разделены между их князьями следующим образом: племена Клычева, Кашава, Дударукова, фамилии Атажукиной; беселбаевцы, бибирдоевцы и половина Ло-совых — Жанбулатовой фамилии, а последняя половина Лоосовых принадлежит Мисостовой фамилии и платят дань князьям тех фамилий наравне с ингушами, назрановцами и карабулаками и также поступается с ними в наказаниях и штрафах.

Народное условие, сделанное 1807 года июля 10, после прекращения в Кабарде заразы, в отмену прежних обычаев:

1. Убавлен калым при взятии в замужество княжеских дочерей: платить за девицу 500 рублей серебром, на скот по оценке или оружием, а если вдова — калыму 300 рублей.

2. Узденям первостепенным платить калыму за девицу 350 рублей, за вдову 200 рублей, по оценке на скот, лошадей и вещами.

3. Меньшие узденя за девицу — 220 рублей, за вдову — 150 рублей серебром.

4. Вольные за девку — 150 рублей, за вдову — 100 рублей серебром.

5. Княжеских, узденских и вольных дочерей насильно не брать, как прежде было, кто какую хорошую девку заметит, мог самовольно брать самым разбоем, за что происходили, кроме ссор, убийства и кто насильно взял девку,

тот только платил калым родственникам. Это отменено с тем, что без согласия родственников и без венчания муллы своего аула никто ни у кого девки взять не вправе, а кто в противность этому возьмет девку буйством, тот подвергается штрафу 400 рублей серебром, а если посторонний мулла вмешается, штрафуется 30 рублей серебром.

6. Никто ни о каком деле не должен просить кадия скрытию: истец и ответчик обязаны просьбы свои и жалобы приносить оба, в чем только в состоянии разрешить их кадий; если же кто один будет у кадия просить объявления преждевременно, чем может дело кончиться, то при доznании об этом проситель подвергается штрафу 20 рублей серебром; равно и кадий тому же штрафу подлежит, при допущении просителя вопреки этого правила; эти штрафы берет в пользу свою валий, т. е. главный князь.

7. По явке к кадию просителя и ответчика в каком-либо деле кадий приказывает в доказательство выставить свидетелей, которые должны представиться в течение 15 дней; по неявке их в этот срок отказывается просителю в просьбе; представление свидетелей по истечении 15 дней в уважение не принимается.

8. Когда прежде какое дело было решено шариатом, или третейским судом, или по согласию, в таких делах просьб не возобновлять и разбирательства не делать.

9. Если какие-либо дела решены эфендием, недовольная сторона не вправе просить другого эфендия о перерешении, к чему он и приступить не смеет, равно не вмешиваются в деле кабардинцев посторонние эфендии из кумык и прочих, под опасением платежа в штраф 100 рублей серебром.

10. Прежде было в Кабарде два мехкемэ, то есть «суда»: один в Мисостовой и Атажукиной фамилиях, другой в Бекмурзиной и Кайтукиной, и один другому не препятствовал в разбирательствах, а всякий судил свой народ, исключая просьб, по которым решалось дело по просьбе одного просителя, при неимении ответчика; это оставлено в своей силе, с добавлением, в случае принадлежности истца к одной мехкемэ, а от ответчика к другой, дело разбирать по местонахождению ответчика.

11. По решению шариата виновный обязан платить претендентелю в назначенный срок, в противном случае долг этот взыскивается через продажу имущества и сверх этого берется с виновного 20 рублей серебром штрафа.

12. Кто имеет пчел, сеет просо, водит баранов и рогатый скот, тот обязан отделять ежегодно из меду и проса 10-ю часть, из баранов 40-ю, из рогатого скота 30-ю, из товаров и из денег 40-е же части, которые по получении эфенди делят по частям: одну себе, другую мулле, третью бедным, все по равной части, и, если нужно, то и сам валий требует народного пособия.

13. Запрещается кабардинцам брить бороды, курить трубку и разводить табак.

14. Если кто умер до учреждения этих правил и сделал по именианию какое-либо завещание или распоряжение, а дети или родственники еще не выполнили, то обязаны выполнить.

15. Эфенди и мулл, живущих в аулах, в случае обид, обязан во всем защищать главный эфенди, в межкемэ присутствующий.

16. Если мулла решит дело в ауле, то решение это считается равным решению в межкемэ, и никто оному противиться и перерешать не может.

17. С бедных людей, живущих в аулах, если о них будет свидетельствовать владелец и эфендий, положенных народом податей не требовать.

18. За свободных простых или вольноотпущеных девок платить калыму 160 рублей серебром и венчать по религии, с согласия родственников, самовольно же и тайно выходить замуж по-прежнему воспрещается. Самовольно вышедших в замужество девок народ предположил отобрать и с прижитыми детьми обратить к прежним их владельцам; но оставил это без исполнения, во избежание могшего воспоследовать через это разорение и самого бунта.

19. Дела, решенные до учреждения межкемэ, ни в каком случае не возобновлять.

20. Дела, оказавшиеся нерешенными с учреждения межкемэ, разобрать для оказания обиженным удовлетворения, исключая дел черни, которые обязан решить без замедления один валий и депутат, а на будущее время всякое дело в народе решать по шариату, за исключением претензий князя с узденями, узденей с их крепостными, так как они, по желанию их, предоставлены разбирательству по древним обрядам.

21. Князь не имеет права требовать обратно подарки, ему данные с давних времен узденем, но последнему не воспрещается добровольно возвратить.

22. Узденъ не имеет права переселяться в другое владение князя и всякий узденъ должен жить близ своего князя аулом, хотя бы и не вместе.

23. Отпущенные князьями и узденями люди на волю не вправе отходить из их аулов в другие, а должны жить в оных как сами, так и произшедшие от них дети и проч.

24. Узденский узденъ, после смерти своего уздения, по собственному желанию может остаться у родственников умершего уздения или его князя, но в другое место и фамилию отойти не может.

25. Имение, оставшееся после умерших нераздельным, за 40 лет до межкемэ, позволяет разделить, смотря по наследству, кому что следует.

26. Прежнее самовластие князей в больших поборах с народа, штрафах, убийствах, бывших до учреждения межкемэ, этим постановлением уничтожено, исключая сбора порции с народа скотом, который поступает в межкемэ.

27. Межкемэ есть суд, в котором старший судья — валий, членами два или три князя, прочие же члены из узденей, очередующихся каждый на три месяца, всех вообще 12 членов, в том числе секретарь и кадий.

28. Если узденъ по ссоре с князем ранит его лошадь по нечаянности, то обязан князя удовлетворить пятью душами крестьян, пятью лошадьми и пятью ружьями.

29. Когда узденъ поссорится с своим чагаром и его убьет, обязан семейству убитого дать человека или брата убитого отпустить на волю.

30. Когда узденъ обидит в чем-либо чагара своего и он будет просить на него разбирательства в обиде, в то время обиженный чагар остается свободным от услуг, покуда кончится разбирательство, прочие же чагары ни малейшего ослушания господину не делают, а служат по обыкновенному порядку.

31. Если холоп или чагар иметь будет подаренный от родственников скот, то князь или узденъ из этого скота не вправе от него ничего брать; для открытия же подлога, в случае сомнения господина в действительности подаренной скотины, холоп или чагар к оправданию своему обязан указать подарившего ему ту скотину родственника, который по вызове обязан в справедливости присягнуть; при невыполнении присяги скотина признается не за подаренную, а за собственную холопью, и господин вправе оную у чагара или холопа отобрать.

32. Если чагар женится и калым заплатит собственно сам, без помощи его узденя, то он вправе при потере расположения к жене, согнать или отпустить ее; в этом ему препятствия не делать, исключая холопов, которые женятся с платежом калыма на счет господ; тогда холоп, хотя бы ему жена и не понравилась, то согнать ее воли не имеет; холоп дочь свою выдает за другого холопа, но брать калыма за нее не может, а получает его господин.

33. Если чагар украдет что у узденя своего из скота, вора отдать для наказания в непосредственное распоряжение его господину, с отобранием скотины; если же у вора будут братья или другие родственники и по желают выкупить его от господ, то платить за то 150 рублей серебром или по оценке из скотины.

34. Если холоп или чагар, не заносивший никакой жалобы на господина своего князю, бежит за Кубань или в Чечню, а впоследствии пойман будет господином, то последний может его продать кому хочет, и родственники не имеют права вступиться за беглеца; но имуществом его пользуется господин тогда только, если у беглеца нет родственников, а когда таковые есть и жили с ними, то имение остается у них.

35. Если чагар до того обеднеет, что не в состоянии господину своему уплатить положенной подати, то должен служить у господина во дворе наравне с холопами, скот же господин не вправе забирать и когда он от своего скота получит прибыток и на оный купит себе жену, в то время господин не вправе иметь его дома, а отпускает с женой по-прежнему жить особо, и чагар платит господину годовую дань.

36. Когда господин поможет чагару в платеже калыма за жену, в то время чагар не вправе жену сослать или отпустить.

37. Если чагар в доме у господина исправится и в состоянии будет жить своим домом, то может к этому приступить и забрать свой скот, который привел к господину.

38. Узденъ волен холопа обратить в чагара, дав ему на первый раз к домашнему обзаведению пару волов, пару коров, котел и восемь тулупов.

39. Если узденъ имеет в доме холопов и из них есть чагар, а прочие издревле холопы, но состоянием исправнее чагара, то по желанию их узденъ не вправе сделать их

чагарами, преимущественно настоящего, хотя бы он и беднее был холопов.

40. Чагар или холоп при женитьбе на какой-либо из служанок своего господина может ходить к ней только для ночлега, по жительству ее в доме, но к себе брать не вправе; ибо этого рода жена не считается законной; посему и происходящие от них дети принадлежат господину и как мать, так и чагар не вправе называть их сыном или дочерью, а сии именовать их законными родителями.

41. Когда у холопа жена окажется распутного поведения, как-то: прелюбодеяцей, воровкой и не повинующейся мужу – и от этого происходит будут между ими ссоры, холоп бросает ту жену, а господин, если не в состоянии исправить, продает холопку по своей воле; но если при этом возьмет за нее более заплаченного в калым, то половину барыша берет себе, а другую отдает тому, от кого холопка взята, мужу же се приискивает другую жену. В случае невыручки сполна заплаченного за распутную холопку при продаже се, господин требует вдобавок вырученной суммы 50 рублей серебром с того, кому принадлежала прежде холопка.

В дополнение кабардинских обрядов установлено преимущества, до узденей Куденетовых относящееся.

Если князь выдаст свою дочь в замужество, и у него сеть уздень из Куденетовых, тогда дает ему лучшую лошадь.

При ссоре двух князей между собою и убийстве из них одного, если будет в доме виновника находиться кто-либо из узденей Куденетовых, при нем родственники убитого не вправе мстить за кровь последнего, до отбытия из дома узденя Куденетова, который, впрочем, не должен жить в доме более недели, пока убийца приготовится ехать в Чечню или другое место для приискания себе прибежища.

Если кто из князей или узденей кого-либо из Куденетовых ударит, хотя бы и не ранил, платит за то обиженному холопу лучшую лошадь, хорошую саблю, шишак вызолоченный, налокотники, панцирь лучшей доброты и сверх этого виновный собирает людей, варит бузу и, угожая оной народ и Куденетова, просит у последнего прощения, а вместе с тем отдает все выше прописанные вещи и холопку.

Узденя Куденетовы имели право вступаться в обиде за черный народ и ходатайствовать за них в межкемэ безотступно.

Где бывают Куденетовы, при бытности их не может никакой князь баантовать за вины в кошах и аулах.

Если кто из Куденетовых даст кому-нибудь слово в обещаниях или безопасности в жизни, этого никто из князей и узденей не вправе нарушать, под опасением за противное строгого оштрафования.

Кто из Куденетовых поедет с князем, и, встретясь с другим князем, будут друг в друга на дороге стрелять, и Куденетов за своего князя вступится, то хотя бы убил другого князя, мщения Куденетову не будет, а падет на князя, с которым Куденетов был.

Кто у Куденетовых украдет лошадь со двора или из табуна и будет обличен, платит Куденетову три лошади за каждую.

Если приобретена будет добыча в других местах за какие-либо непокорности народов, кабардинцам принадлежащих, из оных давать Куденетову без всякого счета лошадь лучшую, а свою часть он получает особо; впрочем, это исполняется в том случае, когда кто-либо из Куденетовых будет находиться в партии.

Когда князь женится, то к узденям Куденетовым без согласия их не вправе отвесть жену.

З-й же степени узденям за обиды от князей и узденей производить удовлетворение саблею и лошадью.

После умерших чагаров имение детей следует отдавать под опекунское управление братьям и другим близким родственникам, а узденям в имение, скотоводство и в семью не вмешиваться; таким же порядком поступать и с дворовыми холопами, при разделе чагар в отдаче господину состоят разные постановления: некоторые дают господину пару быков, другие холопку, а некоторые сто баранов или пять лопадей, а по неимению оных и рогатого скота полагаются особо разные с господами условия.

Всякий узденъ волен свою холопку отдать мужчине, какому хочет, с тем, что приживые ими дети принадлежат узденю, который притом всегда вправе отобрать холопку от того, кому дал, исключая, если за нее калым будет взят; тогда узденю до холопки и детей дела нет, ибо она будет холопу законная жена.

Владелец земли за покос получает в год барана с каждого дома, кто на его земле будет косить, равно и за поселение на его земле тоже с двора берет по барану; но это не относится до князей, а только узденей вольных и чагар.

Когда князь отдает на воспитание своему узденю или другому кому из простонародных сына своего, в то время бывает гулянье и музыканту, при оном бывшему, аталах, т. е. воспитатель, дает лошадь и кусок дараи, т. е. какой-либо шелковой материи.

Узденъ, женившись, отправляется с женою на время в дом какого-либо чагара, где производится гулянье, и чагар, у которого в доме будет узденъ с женою, платит музыканту быка и штуку товара, какой случится.

Кто имеет из князей и узденей баранов, по снятии с них шерсти, белую всю оставляет у себя, а из черной сколько нужно на бурки, полсти, для плотников и прочие надобности; затем, что останется, разделяет дворовым людям, по положению для одежды и проч.

Кто в праздник джумэ не явится в мечеть на богомолье, того хозяин аула штрафует пятью рублями серебром.

Когда князь за кем гонится с намерением убить, а тот, заметив это и обороняясь в крепком месте, убьет у князя лошадь, за это взыскания и мщения нет, но обязан заплатить князю за убитую лошадь.

Когда с женой чагара поступит какой скот, подаренный се родственниками, и онъм господин пользоваться не вправе и при продаже чагара не отнимается от жены его скотина, сколько бы ни было в течение времени приплода. Так же поступать и с холопами.

При женитьбе чагар и дворовых, нам первую ночь дает чагар из собственности жене их корову и сколько бы от нее ни произошло приплода в течение времени, ни муж, ни господин не вправе в оный мешаться, а остается всегда в пользу жены, даже и при продаже чагара другому господину; то же исполняется и в отношении скотины, данной дворовым, по неимению у них собственной.

Если чагар заплатит калым из собственности за жену, то при расстройстве с нею может сделать се свободною, и господин препятствовать этому не вправе. Если же дворовый человек, женясь на девке такого же состояния, с платой за нее калыма из господского имения и поступив потом по каким-либо сделкам в чагары по несогласию с женой, пожелает дать ей свободу, — сделать это без воли господина не может.

Каждый чагар вправе иметь у себя холопов, но по правам народным не вправе без воли своего господина их ни продать, ни подарить, ни на других такого же состояния променять.

Когда чагар, имея холопов, с позволения своего господина захочет продать их, тогда избирает трех покупщиков, в числе которых должен находиться сам господин, и предоставляет более самому холопу назначить себя в продажу кому-либо.

Если чагар упустит время, назначенное к подати или работам господским, за это господин вправе штрафовать, по положению, парой или двумя парами быков, смотря по упщению.

А когда чагар окажется ослушным посланным от господина для взыскания штрафа, тогда налагается двойной.

Когда бывает собрание народное по делам, тогда аул становится кошами врознь, и если в это время у кого рождается сын, отец его даст на пищу своему аулу корову, а за сопротивление платит штраф; в случае, если коров наберется так много, что съесть их аулом не могут, излишние остаются для другого собрания.

Если украдут у баранщика княжеского другие таковые же барана и виновный откроется, то платит баранщику, у которого учил воровство, двадцать баранов за одного, которые и поступают в пользу баранщика, а хозяину до них дела нет. Это правило применяется и равной силе и к узденским и прочим баранщикам.

Если пристанут к какому баранщику чужие бараны, он должен об них объявить по всей окрестности, и случае неотыскания хозяина, пригульные бараны остаются и пользу баранщика, а хозяин коша в них не вмешивается; но при неотыскании хозяина к приставшим лошадям, оные предоставляются в пользу одного княжеского табунщика.

Табунщику платят за пастьбу лошадей по расчету, с четырех кобыл по стригуну; княжеский табунщик выбирает в помощь себе другого табунщика, который и обязан на этот выбор дать быка; табуны составляются дворов из 30, 40 или более и менее, как случится.

Кто получает по стригуну с дома, тот платит прочим табунщикам, с ним находящимся, в год двадцать пять баранов и корову; два раза варит бузу, в каждой из пяти пудов меду и прочих припасов.

За пастьбу рогатого скота из аула дают пастухам по равной части с двора, по общему согласию и смотря по количеству скота.

Старший при пчельнике князя или уздена выбирает себе помощника, обязанного дать за выбор быка; пчелинцам за караул платится по фунту с пуда, кто сколько будет иметь меду.

Когда узденъ пшекау поссорится в доме князя, с него за это штрафа никакого не полагается. Из всего аула выбирается обществом один человек для повестки народу обо всем, что потребуется к исполнению и за это он исключается из народной подати; но если выбран будет чагар, то платит господину наравне с прочими его чагарами.

В пользу того уздена или чагара, у которого будет находиться княжеская жена в первый раз после женитьбы, остаются лошади, которые ее привезут.

Когда чагар умрет и оставшийся его брат возьмет его жену себе в замужество, платит в пользу родственников жены одного быка, сверх прежде уплаченного за нее калыма, и родственники не вправе воспретить брату на ней жениться. Если после умершего князя или уздена останутся сын и две дочери его, из имения отца их получают: сын – две части, а дочери по одной.

Жене после смерти мужа предоставляется с детьми восьмая часть, без детей – четвертая.

В прочих разделах делается разбор, смотря по родству, кому что следовать будет, но в таком только случае, если после умершего не останется детей, которые считаются прежними наследниками всего родительского имения.

Ногмов Ш. Б. История Адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1982. С. 135–149.

**Документ № 3¹. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
КАБАРДИНСКИХ ДРЕВНИХ ОБРЯДОВ (1844)**

I. Разделение кабардинского общества или племени на сословия, включая и класс крепостных людей

1. Кабардинское общество разделяется на одиннадцать сословий и степеней узденских, включая и класс крепостных людей:

а) князья, происшедшие от князя Инала, потомка Казия; Джембулат, Мисост и Атажука; от Джембулата сыновья Бек-Мурза и Кайтука, наследники которых приняли фамилию по именам своих отцов, и потому теперь в Кабарде четыре княжеских фамилии: Бек-Мурзина, Кайтукина, Мисостова и Атажукина²;

б) узденья первой степени, происшедшие от родоначальника Генардука: Анзоровы, Куденетовы и Коголковы, каждого из них именуют тлехотлеш или кон; узденья Тамбиевы равны с ними, но только фамилия их сама по себе³;

в) княжеские узденья называются орк; к этому классу также причислены по приговору незаконнорожденные от князей, называемые тумак;

г) узденья третьей степени принадлежат к первостепенным узденям; название им: оркша отлехуса;

д) вслед за ним, узденья, называемые пшехао;

е) отпущенники от князей и узденей, называемые азат;

ж) княжеский беслень щитл;

з) узденский ук, или крестьянин, который господину своему платит годовую дань и работает ему не всегда, а только в назначенные дни года, называемые оку;

и) узденский второго рода крестьянин, называемый тлохосшао, который весьма мало уплачивает своему господину и работает ему менее, чем вышеозначенный ук;

к) дворовые люди, которые живут⁴ при своем господине, исполняя все его приказания, называются Лагунапит;

л) служанка и прислуга: первую зовут унаут, а последнюю лигава.

II. Права и обязанности каждого класса и отношение одного сословия к другому, включая и духовенство

2. Князь, как от своего узденя, так и от прочих, которые в его владении находятся, в каждый год с баран-

коша получает для пищи по барабану и барапику; дань эта называется мелжаго.

3. Князь, по обряду, имеет право на время требовать от узденских табунщиков лошадей для езды себе и товарищам, с тем, чтобы, не изнуряя их, возвратил обратно.

4. Когда к князю приедет другой князь, как-то: из-за Кубани и других мест, князь показывает гостю квартиру у своего уздена, пшехао, и сколько бы приезжий ни прожил, пшехао должен кормить его со всеми при нем находящимися; полученные же князем от навещающих его подарки, как-то: платье и конская сбруя, отдаются им тому узденю, у которого гость квартировал и продовольствован был со своею свитою⁵.

5. Кабардинцы, отправившиеся в партии против других горских народов, для наказания или по другим причинам, если останутся победителями и возвратятся с добычею, состоящею из людей, скота и прочаго, то они обязаны старшему князю, хотя бы он и не был в партии, дать одного человека из лучших; когда же людей в добычу не достанется, отдастся ими, чего таковой стоит, скотом и прочим; остальная добыча делится по частям между теми, кто был в партии.

6. Князь имеет право посыпать по собственным делам уздена своего с наставлением, что делать там, куда он отправляет его.

7. Князья, имеющие своих дворовых людей, властны продавать их, дарить или разбивать семьи из Кабарды в другие места; а если проданные, подаренные или остающиеся принесут в судебном месте жалобу, то она не принимается.

8. Когда князь узнает, что есть у кого хорошая охотничья собака или барсучье нагалище, то он вправе взять и то и другое; удостоверясь в доброте собаки, он платит хозяину по усмотрению своему.

9. Когда князь умрет и останутся на нем кому бы то ни было долги, которых при жизни он не уплатил, то все иски по ним остаются без внимания, и наследники ни за что не ответствуют⁶.

10. Когда князь расположится жениться, то за невесту платит по желанию и состоянию его уздена⁷.

11. Князья женятся на княжеских дочерях, узденья на узденских, вольные на вольных, холопья на холопках; чагары берут по желанию родителей невест своего знания

или из холопок. Чагарам также предоставляется жениться на дочери вольного или холопа⁸.

12. Князю назначается калым за дочь: лучший панцирь, стоящий двух крестьянок; другой панцирь, пониже добротой, ценою однако же не менее как в одну холопку; налокотники, стоящие не менее как в одну холопку; налокотники и шишак, стоящие одной крестьянки; еще налокотники и шишак, стоящие одной крестьянки; сабли ценою в служанку; сабля похуже; пять лошадей, из которых лучшая стоила бы непременно одной служанки, а прочий похуже и без цены, но только на выбор. Когда прописанных вещей и лошадей не окажется, то платят служанками⁹.

По народному условию после прекращения чумы 1807 года июля 10-го, по убавлении калыма на следующие разряды:

При взятии в замужество княжеской дочери, князь платит за невесту из девушек 500 рублей серебром, на скот по оценке или оружием, а ежели будет вдовая, то калым 300 рублей¹⁰.

Уздень первой степени за девицу платит калыма 350 рублей, за вдову 200 рублей, по оценке на скот, лошадей и вещами¹¹. Меньшие узденья за девку 220 рублей, за вдову 150 рублей, серебром¹². Больные за девку 150 рублей, за вдову 100 рублей серебром.

За девок из черного народа платится калыма 160 р. серебром и венчают их по религии, с согласия родственников, отстраняя самовольство прежних времен, когда девки уходили замуж без позволения хозяев, за что народ хотя и полагал виновных с прижитыми детьми возвратить тем владельцам, от которых они бежали, но это оставлено без исполнения, дабы не подвергнуть всей стороны разорению и не произвести бунта¹³.

До чумы, всякий крестьянин отдавал своих дочерей в замужество без позволения господина; теперь же, в таком случае, помещик имеет право отданную без его согласия с прижитыми детьми отобрать от мужа¹⁴.

Холоп, отдавая дочь за холопа, брать за нее калым не может, а получает таковой господин его. Дворовый, имеющий дочерей, при выдаче их в замужество, полученный калым, заключающийся в 160 рублях серебром или 16 штук скотом за каждую, отдаст своему господину все, кроме одной штуки скота, которая дается дочери на плаТЬЕ¹⁵.

Дочерей княжеских, узденских и дочерей вольных людей насильно не брать; прежде было не так: кто бывало какую девку заметит, мог взять ее даже разбоем, из-за чего происходили беспрестанные ссоры и даже убийства. Прежде за подобное самоуправство виновный платил сродникам только калым. Теперь же это изменено и без согласия родственников и венчания муллою своего аула, никто ни у кого девки похитить не имеет права; тот же кто, презрев это постановление, возьмет жену буйством, а посторонний мулла примет участие в этом беспорядке, то первый из них подвергается штрафу, объясненному ниже, статьею 101-ю.

13¹⁶. Когда князь вступит в брак, то жену должен поместить на год у своего узденья; по прошествии же года, он берет ее в свой дом, а узденю дает целое семейство в уплату за содержание жены своей. В случае же невозможности со стороны князя уплатить семейством, уздень получает от него сто баранов.

В пользу того уздения или чагара, у которого находится будет княжеская жена в продолжение первого года ее замужества, остаются все лошади, на которых она к нему привезена.

14. Из полученного князем калыма за дочь свою дается его узденям часть, которая делится по степени важности каждого из них.

15¹⁷. По переселении князей на другое место, узденья, им принадлежащие, переходят с ними и живут в недельном расстоянии от их аулов; переселение это относится единственно до Кабарды, а когда князья пожелают перейти в другие места, за Кубань или далее, то узденья остаются в Кабарде; народ не должен допускать их переселения, хотя бы они и сами пожелали последовать с князьями. Самому же князю дается свобода одному выходить из Кабарды, куда пожелает.

Когда уздень обижен князем или не получит следующих ему подарков, то может переселиться на другое место.

По народному условию после чумы:

Уздень не имеет права переселиться во владение другого князя; всякий должен жить близ своего (князя), ежели не вместе, собственным аулом.

Отпущенными на волю князьями и узденьями людям не дозволяется уходить из их аулов в другие; они должны

жить в них, как сами, так и происшедшие от них дети, не перенося имущества.

Узденский узденъ, после смерти своего уздена, может по своему произволу оставаться у родственников умершего или его князя; в другое же место ехать и к иной фамилии он отойти не может.

16. Отца и мать князя ругать воспрещается узденьями и сам князь не имеет права ругать уздена по матери и отцу¹⁸.

17. Узденья насильственно не служат князьям, а по собственному желанию, и тогда только, когда от своего князя получают узденскую дань сполна. Дань эта заключается:

Первостепенному узденю из 15 предметов, из коих неизменно семейство людей, 500 или более баранов, часть земли, разные железные вещи и проч.; но более это делается по общему согласию¹⁹.

Узденъ третьей степени получает дань от уздена 1-й степени из семи предметов; в числе их необходимо одно семейство или выбранные из него два человека, 100 баранов, панцирь с нарукавниками, ружье, сабля, пистолет и годовалого жеребенка. Прочие узденья получают такую же дань от своих князей.

18. Во время нахождения уздена при князе внутри Кабарды, он получает, сверх узденской дани, еще разные подарки, например, лошадей, крестьян, железные вещи²⁰.

19. В бытность князя в чужих краях, за Кубанью или в другом месте, он наделяет узденей своих из подарков, которые получает, смотря по степени достоинства каждого.

По народному условию после чумы: Князь не имеет права требовать от уздена подарков, ему данных с давних времен; но узденю не воспрещается добровольно возвращать их.

20. Узденья всех степеней, получивши от своего князя по обычаяу дань, по требованию князя находятся при нем из каждой степени по одному вооруженному. Если бы князь пожелал ехать за Кубань к разным горцам или в Дагестан, узденья следуют за ним, и ежели князь получит там подарки, то делит их с узденьями, соображаясь с услугами всякого из них. Если между ними будет находиться первостепенный (узденъ), хотя бы младший про-чих летами, то он получает из раздаваемых подарков лучшую часть.

21²¹. Когда князь едет в Россию, Персию, Турцию или другие отдаленные места и с ним первостепенный узень, то этому дается особенное от князя место, как почетному человеку, хотя бы находились в сопровождении князя люди летами старше помянутого уздена. Он имеет перед ними преимущество и награждается более прочих, которые между собою, как в наказаниях, так и в уважении у князя, во всем равны и во время нахождения в свите имеют право ожидать награды, соответствующих заслугам.

22²². Первостепенные узенья, где бы ни находились, по извещению князя, являются к нему для совета и находятся при нем, сколько ему угодно.

23²³. Узенья пшехау, т. е. княжеские, исполняют все то, что князь прикажет. Они не суть холопья, но и не равняются с настоящими узеньями; они служат князю ежедневно и безотлучно, наблюдая домашний порядок, унимая, по приказанию князя, всякие невежества и дерзости, наблюдая чтобы все были послушны. Князь по обряду защищает их от всяких несправедливых обид, вступается за них, взыскивает с обидчиков. Народ обязан сносить терпеливо все, что князь сделает правильно или неправильно, и не может выходить из повиновения. Если взыскание будет неправильно, то за это отвечает сам князь, а не узень пшехау²⁴.

В дополнительном обряде:

Когда узень пшехау поссорится в доме князя, с него за то штрафу никакого не полагается.

24. Княжеские узенья, беслань-орк²⁵, должны, с каждого двора по одному, всякий день находиться с князем, верхом на собственной лошади и со своим оружием, а в случае необходимости снабжать тем и других, исполняя все приказания князя беспрекословно. Когда кто из тех беслань-орков будет убит в горах, то с виноватого взыскивается по статье 90-й.

25. Князья, по обычаю народному, права не имеют обижать узденей без причины.

26. Узеньям третьей степени за обиду от князей узденей и разных ему²⁶ производят удовлетворение саблею и лошадьми.

27. От князей незаконнорожденные тумаки, при численные к разряду узденей 3-й степени, если отправляются по собственному делу и будут кем-нибудь обижены во время следования, то получают штраф наравне с узденями

3-й степени; если же они занимают экзекуторскую должность и посланы от суда, то в пользу их взыскивается за обиду, им нанесенную, штраф наравне с князьями.

28. Узденья, чагары и прочие вольные люди, подвергшиеся несправедливой обиде со стороны своего князя, имеют право уйти тайно к князю, какому пожелают или первостепенному узденю, и просить разбирательства. Князь или первостепенный узденъ обслуживает дело и по окончании уговаривает господина, чтобы он обходился лучше; проситель возвращается по-прежнему к господину. Обстоятельство это может повториться несколько раз, если господин будет продолжать притеснения свои²⁷.

29. Когда жениится узденъ, он оставляет на время жены в доме чагара или оку, где происходит гулянье; чагар или оку в таком случае платит музыканту быка и штуку товара, какая случится²⁸.

30. Узденъ волен делать чагаров из холопьев, дав на первый раз для домашнего обзаведения пару волов, пару коров, котел и восемь тулуков²⁹.

31. Каждому чагару дозволяется иметь у себя холопьев, но по правам народным он не может их продать или подарить, без согласия на то господина; на других такого же состояния применять ему не воспрещается, однако же иначе, как с позволения своего господина.

32. Когда чагар имеет холопьев и с позволения своего господина захочет продать их, тогда он избирает трех покупщиков, в числе коих был бы сам господин, и предstawляет на волю холопу, кому из них он назначает себя в продажу.

33. Если холоп или чагар иметь будет подаренный им от родственника скот, то князь или узденъ не в праве отнимать его; но дабы кто не сказал напрасно, что он имеет подаренную скотину, тогда как – господин утверждает, что она собственная его, холоп или чагар к оправданию своему обязан указать подарившего ему ту скотину родственника, который тогда вызывается и обязан присягнуть в справедливости показания; а если он не пожелает сделать этого, то правда остается на стороне господина, и этот приобретает полное право отобрать скотину у чагара или холопа, чего не может учинить, если вызванный родственник присягнет.

Когда чагар за жену получит подаренный ей родственниками скот, то господин пользоваться ими не в праве, а при продаже чагара скот остается у его жены, сколько бы ни

народилось его от подаренного в течение времени. С холопьями поступается точно также.

При женитьбе чагар или дворовый дает на первую ночь жене корову из собственности; сколько бы от этой коровы ни произошло приплоду в течение времени, ни муж, ни господин, не в праве отбирать, а все остается в пользу жены, даже при продаже мужа чагара или холопа другому господину. Дворовым господином дает таковую скотину, если они оной не имеют, и таким же порядком она остается всегда жене.

34. Кто из крестьян имеет дочерей, обязан, при выдаче их замуж, отдать господину за каждую, из получаемого калыма, по 3 скотины или по четыре; господин может брать посредственных, не выбирая лучших. Господин обязан, при выдаче девки замуж, сделать ей шелковый кафтан, а в случае неисполнения этого, не добирает одной скотины, которая поступает в уплату за кафтан.

35. Когда брат умершего чагара берет вдову в супружество, то платит в пользу родственников жены одного быка, сверх прежде уплаченного за нее калыма (это называется физь-штажичав).

36. Если чагар до того обеднеет, что будет не в состоянии господину своему платить положенной подати, то должен служить у господина во дворе наравне с холопьями; скота же господин не вправе отбирать у него и, когда он от своего скота получит прибыль, на которую в состоянии купить себе жену, господин его не может удержать у себя и должен отпустить с женой, чтобы жил по-прежнему особо; чагар же платит за это господину годовую дань.

37. Чагар, нажившийся в доме у господина до такой степени, что в состоянии завести собственное хозяйство, волен отойти и забрать весь скот, который он привел к господину; а то, что приобрел из господского в бытность у него в доме, оставляет все без изъятия у господина.

38. Узденъ буде имеет в доме холопьев и из них есть чагар, а прочие холопья, не может отпустить на сторону холопьев, а должен освободить преимущественно перед ними чагара, хотя бы этот беднее был холопьев.

39³⁰. По взятии кого из холопов или чагар где-либо в плен, господин вносит половину выкупной суммы, а другую половину платят родственники пленного.

40³¹. Крестьяне одного семейства, состоящего из нескольких братьев, живущих вместе, не могут разделиться,

не дав господам по 40 баранов с ягнятами каждый. Кто не имеет баранов, тот делиться не в праве. Это сделано для того, чтобы не расходились врозь, а жили вместе; потому что через раздел они беднеют и уже не в состоянии ни исполнять работ, ни уплачивать должного господину³².

В дополнительном обряде:

II) При разделе чагар, касательно платежа господину, существуют разные постановления: иные дают господину пару быков, другие холопку, некоторые сто баранов или пять лошадей, а по неимению оных и рогатого скота, делаются ими с господином условия, с принятием на себя разных обязанностей.

41. Когда узденъ обидет в чем-либо своего чагара, который будет просить на него в том разбирательства, то обиженный остается свободным от услуг, пока кончится разбирательство; остающиеся же чагары ни мало не должны ослушиваться господ, а обязаны служить им обыкновенным порядком³³.

42. Чагары платят господину своему годовую подать и работают по нижеследующему народному положению:

I) Холоп или чагар, имеющий для пашни две пары волов, обязан отдать своему господину в год три пары обмолоченного проса, но при неурожае или недостатке не даст ничего; а тот, который будет пахать одною парою, отдает господину на том же основании одну арбу при урожае и достатке; когда же в пашне будет три пары, то господин берет четыре арбы проса, после от деления чагаром или холопом в пользу свою потребного количества проса на семена.

Крестьяне сколькими быками производят хлебопашество, столько арб проса обязаны отдать своему господину³⁴.

II) Из крестьян каждый дом семенами господина ежегодно засевает земли на один тулук проса; господину же возвращает готовым. В работе, к прокормлению, припасы быть должны от господина в достаточном количестве; когда же господин доставлять их не будет, то крестьяне от работы в пользу его освобождаются.

III) В сенокосное время крестьяне должны господину работать: три дня косить, а два убирать скошенное, потом класть в копны, с помощью дворовых холопьев, и возить сено в кутаны или дома; дворовым же холопьям и крес-

тьянам перевозить только то, что они накосили и в конны поставили.

Холопья, в 1-й раз поступившие на работу муллы, и крестьяне, из которых есть холопья или дворовые люди, баранщики и табунщики, для узденей не ксят; вообще, буде господин не захочет косить по каким-либо причинам или даст припасов для прокормления рабочих, то крестьяне обязаны дать ему с каждого двора по семи арб готового сена, в уважение того, что избавлены были от кояния сена в его пользу.

IV) Дров давать господину по восьми арб со двора; делать это, если возможно, из гор, смотря по местоположению; когда же окажется препятствие, то каждый дом обязан доставить взамен господину пятнадцать толстых брусьев, годных к строению, перевозя их зимою на быках (волоком).

V) Когда было прежде позволение кабардинцам ездить на линию за Мажарскою³⁵ солью, то всякий, кто поедет из господских крестьян на собственных своих быках, обязан был отдать господину половинную часть соли, после отделения себе из нее по сапетке с быка; а кто быков не имел и ездил на выпрошенных у другого, тот господам ничего не давал; отправляющийся за солью на собственных конских арбах, тоже господину отдавал по одной сапетке с арбы; за чужих же лошадей не платил ничего.

VI) Кто будет ковать железо, отдает из сделанных в год по одной полосе господину.

VII) В случае, если узденю³⁶ понадобится большой дом с кухнею, крестьяне обязаны безоговорочно выстраивать ему таковый, а женщины их мазать, возить глину и месить ее вместе с дворовыми женщинами³⁷.

VIII) Огородные плетни делают крестьяне обще с дворовыми людьми; полоть траву в саду обязаны по три раза в год крестьянские женщины, а равно и вымазывать дома³⁸.

IX) Плетни около своего дома, где окажется надобность, должны делать крестьяне с дворовыми людьми³⁹; колья и хворост привозятся на крестьянской скотине.

X) Во время двух годовых праздников, Рамазана и Курбана, крестьяне обязаны варить господам бузу из своего проса, но в посуде господской.

XI) Крестьяне, имеющие пчел, в первые три года ничего не дают господам; по прошествии же трех лет, когда от одной сапетки составится три, все отдаются господам, —

Когда в хороший год будет более трех сапеток, то все, превышающее три сапетки от одной, остается в пользу крестьянина. В случае неудачи и малого числа роев, господам отдается только одна матка или две сапетки; три сапетки, отдаваемые господину, не должны браться им по выбору из всех, а назначаются те, которые выведены из одной сапетки.

XII) Прислугу и волов прибывших к господам гостей женского пола обязаны прокармливать крестьяне⁴⁰.

XIII) Они же (крестьяне) дают господам в поездку лошадей, но только в то время, когда они свободны; если же они понадобятся хозяину для поездки или по другим надобностям, то крестьяне не дают лошадей и господа не вправе брать их насильно, дабы отдать за калым, ехать куда-нибудь по торговым видам или для кузнечной работы. Когда из взятых на время лошадей будет какая украдена, загнана или падет от другого случая, то господин обязан заплатить за нее крестьянину, которому она принадлежит.

XIV) Кто из крестьян зарежет рогатую скотину собственную, а не подаренную жене крестьянина, тот обязан половину спины с боками, свежую и сырую, доставить господину. Эта часть мяса называется ясва-бго. Равно с барана сваривши переднюю лопатку, он (крестьянин) должен принести господину.

XV) Во время Рамазана, т. е. поста, всякий крестьянин с двора должен в одну ночь приносить господину кушанья и напитки, соответствующие его состоянию, но не превышающие средств его.

XVI) Кто из крестьян имеет баранов, обязан давать господину с каждого двора по одной лопатке копченой баранины, единожды в год, в декабре, до наступления поста.

XVII) После уборки хлеба, по возвращении с работы, каждый крестьянин должен дать господину с двора по кувшину бузы и по одному большому просянному чуреку.

XVIII) При варении бузы в большом или малом количестве, крестьянин обязан отнести один кувшин таковой к своему господину.

XIX) Если господин пожелает строить вновь дом, крестьяне обязаны его поставить, а старое и вообще, что будет годиться от старого дома, остается в пользу крестьян.

XX) Господину, отправляющемуся на поминки к родственнику, арбы с волами крестьяне должны давать по очереди.

По условию после чумы:

43. С бедных, в аулах живущих людей, с кого будет свидетельствовать владелец, хозяин аула и эфенди, не требовать положенных народом податей.

44. Из аула обществом выбирается один крестьянин для сообщения народу обо всем, что требуется к исполнению; избранный на этот предмет исключается из народной подати, а ежели он чагар или ок, то господское положение платит наравне с прочими⁴¹.

45. Холопья исполняют в полной мере все приказания господ и работают, что велено безоговорочно.

46. Когда, по приказанию господина, с баранов его стригут шерсть, то сколько бы ее не оказалось белой и из прочих цветов сколько нужно, назначается господину и его детям; остальное же делится на равные части (со включением в деляж господина и детей) дворовым людям.

47. Когда режется скот для пищи господина, шкуры делятся по частям на дворовых людей для выделки чувяков и ремней⁴².

48. Господин в зимнее время, когда режет для пищи баранов, обязан ежегодно давать овчин на две шубы для дворовых людей; в противном случае они вправе ему не работать.

49. Во время сенокоса, если дворовые люди режут баранов, овчины остаются в пользу косцов⁴³.

50. Во время продажи господином дворовых людей семье кому-либо из кабардинцев, буде они (дворовые) не согласятся идти к покупателю, господин должен отыскать трех покупщиков из узденей, и семья та без всяких уже отговорок обязана избрать из них одного⁴⁴.

51. Кто имеет пчел, сеет просо и водит баранов, должен отдать из меда и проса десятую часть, из баранов – сороковую, из рогатого скота – третью, и сороковую часть из товаров и денег; все это получает эфенди и делит по частям; одну берет себе, другую дьякону, а третью бедным, остальное же делит поровну; в случае нужды и сам валий требует пособия от народа⁴⁵.

52. Обижать эфенди и муллов, живущих в аулах, воспрещается; напротив того, всякий должен их защищать, а тем более главный эфенди, присутствующий в меккеме.

53. Запрещается кабардинцам брить бороды, курить трубки и сеять табак.

54. В праздник Жум, не явившегося в мечеть на бого-
молье, хозяин аула штрафует пятью рублями серебром ⁴⁶.

55. Владелец земли получает с каждого дома по бара-
ну в год за сенокос; за водворение на его землю он также
берет по барану с дома. Это, впрочем, не относится до кня-
зей, а только до их узденей, вольных и чагар.

56. Когда кто, избегая погони со стороны князя, на-
меревшегося убить его, для обороны в крепком месте вы-
стрелил и убьет у князя лошадь, то не подлежит взысканию
за убитую лошадь, а также не подвергается мщению; он
обязан только заплатить князю за лошадь, а жизни ли-
шиться не должен.

57. Во время народного сборища по делам, аул стано-
вится кошами врознь и у кого родится сын, тот дает на
пищу своему аулу корову; в случае отказа он платит
штраф. Когда таковых коров соберется столько, что не-
возможно их аулом израсходовать, то излишние сберега-
ются на будущее сборище.

58. I) Господин вправе выбрать из крестьян чагар та-
бунщика; но при этом дает ежегодно табунщику по вы-
бору лучшего жеребенка от одной из тех маток, которых
он пас; одежда у табунщика своя; из подати его уменьша-
ется одна арба проса, а когда зимою господин режет ко-
былу для пищи, то внутренность и шея отдаются табун-
щику, за исключением самой незначительной части, от-
даваемой господину из внутренности.

II) Когда князь имеет свой табун-кош и табунщика, то
узденья его должны пасть табуны свои вместе с княже-
ским ⁴⁷.

III) Годовому ночному караулу при табункопе платит-
ся за пастьбу лошадей, кто имеет более четырех кобыл, с
каждого двора по стригуну; из означенного караула при
табуне, княжеский табунщик берет быка за то, что он из-
бирает караульщиков при табуне; это делается для того,
чтобы не трудно было найти годовой караул за награжде-
ние, превышающее то, которое получают за другой труд,
и потому многие стараются попасть в число годовых ка-
раульщиков при табуне-коше; назначение таковых зави-
сит от главного табунщика. При табунах князей в карау-
ле состоит дворов тридцать или сорок, более или менее ⁴⁸.

IV) Получающий по стригуну с дома платит прочим
табунщикам, с ним находящимся, в год двадцать пять
баранов и корову, два раза варить бузу в таком количестве,
чтобы в каждой паре было не менее пяти пудов меду и

достаточное число припасов, к бузе принадлежащих. Лошади, приставшие к табуну, когда не сыщется их хозяин, остаются в пользу княжеского табуна.

59. Когда пристанут к баранкопшу чужие бараны, то отарщик обязан об них объявить повсюду; в случае не отыскания им хозяина, они остаются в пользу баранщика, а хозяин коша не имеет на них никакого права.

60. За пастьбу рогатого скота, принадлежащего аулу, по обоюдному согласию производится с каждого двора платы пастухам поровну, несмотря на число скота, к каждому двору принадлежащее.

61. Старший смотритель при пчельнике князя или узденя выбирает себе помощника, который дает ему быка за избрание его на это место. Пчельники за присмотр получают каждый по пуду меду⁴⁹.

III. Какие дела и преступления в Кабардинском обществе должны быть рассматриваемы адатом

62. Все преступления, выше сего поясненные, и те, о которых будет говориться в следующих статьях: смертобойство, взаимные обиды, брань, ссоры, ослушание князьям и узденям, неповиновение своим господам крестьян и дворовых людей, воровство лошадей и прочее, рассматривались и решались посредством адата, соображаясь с обычаем народным, смотря по важности дела⁵⁰.

IV. Общий обряд, суд по обычаям или адату

63. Описываемым обрядом, т. е. адатом или обычаем народным, управлялись все народные дела в Кабарде до чумы; потом 1807 года июля 10-го сделано, по настроению духовенства, с согласия князей и узденей, в отмену прежних обычаев по закону Магомета, ниже следующее народное условие⁵¹:

64. В Кабарде прежде были две махтемы, т. е. два суда: одна в Мисостовой и Атажукиной, другая в Бек-Мурзиной и Кайтукиной фамилиях; одна другой не препятствуют в разбирательствах и всякие судит свои народы; это положение изменяется только в таком случае, если окажутся просьбы, по которым не требуется ответчиков; дело может быть тогда решено по одному прошению подателя его⁵².

65. Махтема есть суд, в коем старший судья – валий, а после него два или три князя; прочие же из узденей, очередуясь по три месяца, сменяют друг друга; князья в суде очереди между собою не ведут. Всех членов – двенадцать, в том числе секретарь и валий.

66. Прежде учреждения махтемы решенные дела, хотят бы неправильно, не возобновляются.

67. С учреждения махтемы сколько окажется нерешенных дел разобрать и дать обиженным удовлетворение, исключая те дела, которые касаются черного народа; такие решать и усмирять ослушников возлагается на одного валия при депутате от черного народа. На будущее же время всякое дело в Кабарде решать по шариату, кроме дел, касающихся до черного народа, который не согласен на это.

68. Имения, оставшиеся после умерших неразделенными за сорок лет до махтемы, дозволяется разделить по наследству, кому что следует.

69. Никому не дозволяется тайно просить кадия о своем деле; ответчик и истец должны излагать просьбу свою в одно время и требовать решения, а добившийся заранее у кадия, какой конец он положит его тяжбе, подвергается оштрафованию двадцатью рублями серебром. Кадий, удовлетворивший непозволительному любопытству просящего, штрафуется на равную с ним сумму и оба штрафа делаются собственностью валия.

70. До явки просителя и ответчика к кадию, он приказывает для доказательства поставить свидетелей, которые должны явиться через 15 дней; когда же к этому сроку свидетели не будут, то имевшему обязанность представить их отказывается в просьбе, хотя бы после пятнадцати дней он и привел их.

71. Дело, решенное шариатом (третейским судом) или по согласию, не возобновляется даже по просьбам, и вторичного разбирательства по нем не делается.

72. Дело, решенное одним эфенди, не может по неудовольствию, изъявленному одной стороной, рассмотрено быть другим эфенди. В дела кабардинцев воспрещается вмешиваться посторонним эфенди из кумык или других племен, под опасением штрафа по сто рублей серебром за каждый раз.

73. Дело, решенное муллою, которому дозволено входить в разбирательство тяжб, остается неприкосновенным,

как будто бы оконченное в махтеме, и никто оному противиться или перерешать не может⁵³.

74. По решению шариата, виновный обязан заплатить просителю в назначенный срок; не выполнивший этого подвергается продаже имущества и, сверх того, с негозыскивается 20 рублей серебром штрафа⁵⁴.

V. Права и обязанности каждого сословия показаны во втором отделении этого положения

VI. Наследственное право всех состояний

75. Когда после умершего князя или уздя останутся дети, имение достается им, а если детей не останется, то поступает родственникам⁵⁵.

76. После умерших чагар имение малолетних детей для сбережения следует отдавать братьям и другим ближайшим родственникам, а узденям в имение, скотоводство и детей не вмешиваться; таким же порядком поступать и с дворовыми холопьями⁵⁶.

77. После смерти чагара жену его брат может взять себе в супружество, заплатя калым в пользу родственников жены, как значится в статье 35, и родственники не могут воспретить брату жениться на ней⁵⁷.

VII. Раздел имений

78. После умершего князя или уздя, если останется сын и две дочери, сын получает две части, а дочери по одной.

Жене после мужа, когда остались дети, отдается осьмая часть, если же их нет, то четвертая; в остальном дележ происходит, смотря по степени родства.

VIII. Обряд духовных завещаний и исполнения по ним

79. Когда кто умер до утверждения этого положения и приказания, данные его детям или родственникам, т. е. духовные завещания, еще не исполнены, то немедленно приступить к исполнению вместе с объявлением сего постановления⁵⁸.

80⁵⁹. При жизни всякий, кто в здравом рассудке, имеет право назначить при свидетелях вместо себя душепри-

казчика или опекуна, которого зовут васси. Завещатель поручает ему распорядиться детьми до совершенного возраста их. Опекун по смерти завещателя берет все имущество и доходы под сохранение свое, потом с воли умершего распоряжается погребальным обрядом; буде умерший остался кому должным, и этот явится с законными доказательствами, душеприказчик уплачивает долг, а ежели без доказательств, то подвергает судебному разбирательству; оставшиеся же дети на себя не принимают долга. В обязанности васси входит также позаботиться очищением грехов покойного, в числе коих считаются упщение при жизни богомолия, несоблюдение Рамазана или жертвоприношения по примеру Авраама, или же нанесение другому обиды словами; за успокоение души по всем этим предметам назначаются, смотря по состоянию, взносы от 300 до 500 рублей серебром; деньги эти делятся между муллами, нищими и аульным эфенди на равные части.

Сверх того, завещатели при жизни назначают сумму для пересылки в Мекку, кто сколько пожелает, и душеприказчик обязан избрать благонадежного человека, с которым отсылает их туда. На припасы для поминовения назначаются бараны по произволу завещателя. При поминах собираются эфенди, муллы и прочий народ, кто пожелает. Это называется садака: после смерти, муллы читают алкоран в продолжение сорока дней, за что получают лошадь с седлом и прибором, потом воздвигают памятник покойному, которого платье отдается муллам и нищим.

Если в числе оставшихся после умершего детей есть совершеннолетние, то душеприказчик им отдает из имения по равным долям, что каждому на часть приходится; а то, что приходится на малолетних, он берет к себе и хранит до тех пор, пока они возмужают (все это относится только до мужского пола).

IX. Отношение детей к родителям, права последних на первых

81⁶⁰. Дети по закону Магомета и обряду должны быть родителям покорны и послушны; сопротивление воле родителей – тяжкий грех, а по обряду стыд; впрочем, азиатский народ вообще, а в Кабарде князь и узденья по большей части, не воспитывают детей при себе, а отдают их до

совершеннолетия к аталаику или кормилице, которые не учат ничему, а делают их чуждыми родителям и даже к ним не послушными. Додержав воспитываемых у них молодых князей или узденей до совершенных лет, аталаи (для мальчика) и кормилицы (для девочки) доставляют их к родителям, за что получают угожение и большую награду; кроме того, родственники воспитываемых, смотря по состоянию, дарят аталаику или кормилице, кто служанку, кто 100 баранов, иной железные вещи, другой лошадей или несколько штук рогатого скота.

Подвластные также считают себя обязанными делать подарки. Если дети княжеские, то, женившись, они живут врозь с родителями, а узденские остаются с отцом и матерью.

82⁸¹. Княжеский сын отдается до совершенного возраста лучшему узденю, который по окончании воспитания возвращает его в дом одетого в богатое платье, на хорошей лошади с седлом и оружием. Возвратившись к себе в дом, молодой князь делает воспитателю своему соразмерное награждение и уезжает, потому что никакой князь в Кабарде с отцом жить не может.

Когда князь отдает на воспитание своему узденю или черному сына своего, то делается пир и музыкант, играющими на нем (гекуако), князь дает лошадь и конец дарам.

X. Взаимное отношение мужа к жене и обратно

83. I) По закону Магомета и обряду, муж и жена должны друг друга любить. Муж обязан для жены иметь в достаточном количестве платье, кушаки и прислугу. Есть такие четы, которые живут хорошо в продолжение всей жизни, сохранив старый обычай, господствовавший в Кабарде. До старости лет муж к жене своей не входит днем и живет в особой кунацкой; несохранение этого обряда считается бесчестием. Жена, если живет с мужем в несогласии, может быть отослана к своим родственникам. После увольнения ее, по закону Магомета, она не должна выходить за другого в продолжение четырех месяцев и десяти дней. Ежели она не имеет родственников и будет нуждаться в одежде и пище, то муж должен ей доставлять и то и другое. При разводе муж, в присутствии эфенди и двух свидетелей, должен сказать три раза слово: талака, т. е. отказ, отказ⁸².

По дополнительным обрядам:

II) Если чагар заплатит калым за жену из собственности и потом разведется с нею, то может ее сделать свободною, чemu уже тогда господин препятствовать не в праве. Дворовый человек, женясь на девке такого же состояния и заплатив за нее калым из господского имения, не может без воли господина дать свободу жене своей, разведясь с нею, если б даже по каким-нибудь сделкам и вступил до того в сословие чагаров ⁶³.

III) Всякий узденъ волен холопку отдать мужчине, ему принадлежащему, кому заблагорассудит, с тем однако же, чтобы прижитые дети принадлежали ему, узденю: поэтому, он имеет право во всякое время отнять женщину у него, кому дал; а когда за эту холопку будет взят калым, то узденю до нее и детей дела нет, и она делается законно женою ⁶⁴.

IV) Чагар, заплативший за жену калым из собственного имущества без помощи своего уздена, в праве прегнать ее или отпустить, в чем ему препятствия не чинит.

V) Когда господин помогает чагару в платеже калыма за жену, чагар не в праве сослать жену или отпустить ее.

VI) Чагар или холоп, взявший в жены служанку своего господина, обязан ходить ночевать к ней в дом, где она живет, а к себе не брать; родившиеся от них дети принадлежат господину; ни мать, ни отец, не могут таковых называть сыном или дочерью; дети, с своей стороны, также не называют их родителями, потому что жена, этим образом взятая, не считается законною.

VII) Когда господин женит своего дворового человека (холопа), то калым уплачивает сам господин, и потому дворовые люди никак не могут разводиться с женами, как это делают другие.

Если же из числа тех жен окажется которая поведения распутного или воровкой и муж жить с нею не согласится, то господин берет ее к себе и делает служанкой, возвращает родителям или требует взятое свыше заплаченного им калыма, разделяет на две части, из которых одну берет себе, а другую отдаст тому, от кого будет взята девка.

VIII) Служанка или унаут, всегда остающаяся при господине, если изберет себе холостого крестьянина (его именуют коренилл, т. е. не настоящий муж) и господин на то согласится, то принимает его у себя, как жена мужа; рожденные от них дети принадлежат одному господину и

мнимый муж не может их присвоить себе; в противном случае господин может ему приказать никогда к ней не показываться, а детей вправе дарить, продавать и разбивать врозь; всех дочерей он может иметь у себя унаутом, т. е. служанками, а сыновей лигавами, т. е. прислужниками⁶⁵.

XI. Мера наказаний за ослушание князьям и узденям

84. Ежели князь по каким-либо причинам захочет от узденей или чагар взять баранту, а уздень или чагар в том воспротивится и у князя баранту по пути захочет отнять назад, то как ослушник платит штраф князю — одну хорошую лошадь и пару волов; в баранте же делается народное разбирательство: буде князь хотел взять ее неправильно, она отбирается и отдается по принадлежности хозяину, который все-таки взносит сказанный штраф, хотя бы и был прав, за неповинование князю.

85. Если кто воспротивится отдать князю по желанию его охотничью собаку или барсучье нагалище, на основании 7-й статьи обрядов, то с него взыскивается штраф — пара быков.

86. Если подерутся два человека, чьи бы ни были, в присутствии князя, на улице или на дворе дома, тогда зачинщик драки платит штраф князю — одну холопку, за то, что не соблюдал благопристойности к князю и осмелился драться при нем.

87. Чагар, не выполнивший обязанности по 20 пунктам, объясненным выше, в ст. 42, а также по статьям 34, 39, 40 пункта 1-го, 58 пункта 1, 106 и 107, обязан заплатить своему господину быка за каждое отступление.

В дополнительном обряде:

88. Если чагар упустит время, назначенное для внесения подати или к работам господским, то штрафуется по положению парою или двумя парами быков, смотря по упущению.

89. А когда чагар ослушается посланного от господина для взыскания штрафа, то он подвергается двойному штрафу.

XII. Мера наказания за преступления всякого рода

90. Если уздень пшехау с кем-нибудь будет ссориться и убьет его, князь вступается и, в случае неудовлетворения

родственников убитого по обычаям, он ищет мщения за кровь и берет с виновного за одного убитого три семьи, в каждой из которых должно быть по девяти душ; из этих трех семейств князь отдает две ближним родственникам убитого, а третью берет себе. Когда случится, что убийца не имеет такого количества душ, то собственное семейство его и все имущество подвергается ограблению и продается по разным местам. Если убийца из узденей, то все наказание, которому он подвергается, состоит в том, что он dealется узденем князя, которому принадлежал убитый узденъ⁶⁶.

91. Из находящихся с князем всякий день с каждого дома по одному чагару, если кто будет убит в ссоре, то за нее с виновного взыскивается десять душ в пользу родственников убитого, а князь из них не пользуется ничем.

92. Похитивший лошадь из княжеского табуна, если будет в том обличен, платит князю штраф восемь лошадей и дает назад украденную, с прибавлением пары быков и служанки.

93. Кто к какому князю едет из других мест и, не доехав до жилища князя, будет ограблен на дороге, а воры откроются, то с них взыскивается за бесчестие восемь лошадей и холопка за то, что ограбил едущего к князю.

94. Дозволивший себе иметь прелюбодеяние с служанкою князя платит хорошую холопку князю.

95. Когда князь, находясь у карабулаков, назрановцев, ингушей или у тагаурцев, попадет по какому бы то ни было делу, а посланный будет ранен и приказание князя останется не выполненным, виновный платит князю пятнадцать разных предметов: лошадьми, саблями, ружьями, шашками, пистолетами или тому подобными, но так, чтобы каждая штука непременно имела ценность одной крестьянки.

96. За крестьянина господского, убитого другими таковыми же по мщению или другому поводу, сходно азиатскому обычаю платится два человека; из них один отдается тому господину, кому принадлежал убитый, а другой семейству его.

97. Таким же порядком, когда холопья господ убьют чужого холопа, то платят за убитого человека двух, одного господам, а другого семейству убитого.

98. Князь, убив в ссоре своего уздена, обязан сына его или брата (малолетних) взять в дом и содержать на всем своем иждивении до совершенного возраста; когда же они

возмужают, он им дает лошадей, шашки, ружья, весь конский прибор, полную одежду, после чего отпускает в дом, и тем кончается вся вражда. Этот обряд называется тлечежипкан⁶⁷.

По дополнительным обрядам:

99. Когда украдут у княжеского баранщика барана и виновный будет открыт, то он платит баранщику, у кого украдл, 28 баранов за одного; этот штраф поступает в пользу баранщика, а хозяину до него дела нет.

100. В кошке узденском и черного народа баранщик в свою же пользу получает от уличенного вора по десяти баранов за каждого.

По народному условию после чумы:

101. Прежнее самовластие князей, заключающееся в больших поборах с народа, наложении штрафов, безнаказанность убийств и прочее, уничтожено с учреждением махтемы; теперь оно ограничивается сбором порций с народа, скотом, для членов махтемы, занимающихся народными делами⁶⁸.

102. Кто, противясь положению по статье 12, возьмет у кого девку без согласия родственников и венчания муллы, буйством, подвергается штрафу в 100 рублей серебром⁶⁹, а если в это дело вмешался посторонний мулла, то он штрафуется тридцатью рублями серебром.

103. Уздень, в ссоре с князем ранивший его лошадь по нечаянности, обязан удовлетворить князя пятью душами крестьян, пятью лошадьми и пятью железными штуками⁷⁰.

104. Когда уздень, поссорившись со своим чагаром, его убьет, то обязан семейству убитого дать человека или брата убитого отпустить на волю.

105. Укравший у своего уздения чагар отдается господину по предварительному отобранию у него краденого; если же у вора будут братья или другие родственники и пожелают выкупить его от господина, то платить за то 150 рублей серебром, или все, что у них осталось по оценке из скотины.

106. Холоп или чагар, в какой-нибудь обиде не просивший на господина своего защиты у князя на основании статьи 41 и бежавший за Кубань или в Чечню, может, если отыщется, быть продан господином по производству и родственники за него не имеют права вступиться, по-

тому что он беглец; и если он до совершения побега жил с ними, то имение остается в пользу их. По всем показанным выше статьям ⁷¹ мера наказания в Кабарде у князей и узденей заключается в денежном штрафе, которыйывает двух родов: по обычаям и адату, всегда в пользу князей и узденей; наказание по закону показано ниже сего.

107. Если кто без причины кого либо убьет, то по закону также лишается жизни ⁷².

108. Если кто нечаянно убил, то за кровь платит 1500 рублей серебром ближайшему наследнику.

109. Имеющий жену и уличенный в прелюбодеянии, по закону лишается жизни, но тот же поступок, совершенный холопом, подвергает его наказанию ста ударами; это называется ход-тазир.

110. Женщина, не имеющая мужа и учинившая прелюбодеяние, тоже наказывается ста ударами.

111. Укравший из-под сохранения или караула лишается рук и ног.

112. Если кто чрезвычайно пьянствует, тому в наказание дается 70 ударов.

113. Кто мужчину будет обличать в прелюбодеянии, а женщину назовет бледью и не докажет ясно обвинения посредством двух свидетелей, наказывается осьми десятью ударами.

114. За прочие маловажные поступки по закону облагаются денежным штрафом, а иногда содержанием под стражею.

115. Лжесвидетелей сажают лицом к хвосту на лошадь или ишака и водят по многолюдной улице, называя его анафемою (анафема — проклятие).

116. Когда из двух князей, поссорившихся между собою, один убьет другого и виновный будет в доме уздена из фамилии Куденетовых, то родственники убитого не вправе при нем мстить за кровь убитого, покуда убийца не выедет из дома Куденетова; жить же ему позволяет в нем не более одной недели, покуда он приготовится ехать в Чечню или в другое место, для приисkanия себе надлежащего убежища ⁷³.

117. В том месте, где проживают первостепенные уздены, никакой князь не вправе бараповать в наказание из кошней и аулов.

118. Если первостепенный узденец поедет со своим князем, который при встрече с другим князем будет стрелять в него, подвергаясь сам его выстрелам, и если сопровож-

дающий князя первой степени уздень, вступившись за него, убьет другого князя, то он не подвергается мщению, а падает оно на князя, за которого заступился его уздень.

119. Первостепенные узденья имели право вступаться в обиде за черный народ и в махтеме должны были ходатайствовать за него во всяком случае.

120. Когда кто из первостепенных узденей дает кому-нибудь слово, в таком случае, где идет дело о жизни, тогда слова этого ни из князей, ни из узденей никто не должен нарушить под опасением значительного штрафования.

121. Если будет взята добыча у других племен, кабардинцам подвластных, в виде наказания за ослушание, то из нее давать первостепенному узденю без всякого расчета лучшую лошадь, независимо от пая, ему следующего; впрочем это делается тогда только, когда кто из первостепенных узденей будет находиться в партии.

122. Если князь имеет первостепенного уздена, то этот дарит ему лучшую лошадь, когда выдает дочь свою замуж.

123. Первостепенные узденья, без согласия князя своего, не вправе по вступлении в брак отдавать жену свою, как делают прочие.

124. Если князь или уздень ударит первостепенного уздена, то виновный платит обиженному лучшую холопку, хорошую лошадь, саблю, вызолоченный шишак, налокотники, панцирь лучшей работы и, сверх того, созывает большое количество людей, варит бузу, угождает народ и у приглашенного им на этот случай обиженного первостепенного уздена просит прощения, отдавая все тут же вышеозначенное и холопку.

125. Кто украдет лошадь у первостепенного уздена со двора или из табуна и в том будет уличен, платит ему по три лошади за каждую.

126⁷⁴. Ежели из членов трех фамилий кабардинских князей, сходно азиатскому обычаю, двое сговорятся — с помощью подданных истребить кого-нибудь из третьей, а этот секретно проведает об умысле, то должен немедленно отправиться под защиту какого-нибудь Анзорова; тогда замышлявшие его погибель князья не могут причинить ему никакого вреда, хотя бы и захватили оставшихся людей в его жилище. Князья и узденья всех степеней, узнавши о злоумышлении, им угрожающем, также являются под защиту Анзорова.

127. Кто из черного народа, будучи обижен своим господином, явится с просьбою к Аззорову, получает удовлетворение по обряду, если жалоба его окажется справедливою⁷⁵.

Начальник центра Кавказской линии,
генерал-майор князь Голицын.
Февраля 24-го дня 1844 г. Кр. Нальчик

Рукописный архив Одесской научной библиотеки
им. А. М. Горького, дело 54/13, л. 23~44.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Документ этот с примечаниями извлечен из книги: Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев XV-XIX вв. / Сост.: Х. М. Думанов, Ф. Х. Думанова. Майкоп, 1997. С. 79–106.

² Происхождение от Казия и разделение фамилии Джембулата взято из докладной записки о владельцах землями в Кабарде и подтверждается устным показанием стариков, которые основывают его на преданиях.

³ В правах, имеющихся в суде, не упомянуто о родоначальнике Генардуке, и даже Куденетовых фамилия поставлена выше Аззоровых, в чем не согласны предания.

⁴ В судейских обрядах в одном классе означены всякого рода холопья, как книжеские, так и узденские, которые проживают у своих господ.

⁵ По преданиям, а в судейских обрядах нет.

⁶ Ст. 22, но стариками толкуется иначе: за то, что князь бараптовал в наказание, не отвечают наследники; долги же его по займам священны.

⁷ Ст. 20 обрядов вместо слова «по желанию» заключает: «смотря по состоянию».

⁸ Ст. 24.

⁹ Ст. 21.

¹⁰ Ст. 1.

¹¹ Ст. 2.

¹² Ст. 3.

¹³ Ст. 18.

¹⁴ По преданиям, в судейских обрядах нет.

¹⁵ Также нет в судейских обрядах.

¹⁶ По преданиям.

¹⁷ Ст. 7.

¹⁸ По преданиям.

¹⁹ По преданиям в судейском обряде не описано, в чем именно заключается книжеская дань узденьям, а сказано: «все узденья служат князьям без насилиства, по добной воле, и получают за то до-

статочную награду из оружия, лошадей, скота и холопьев, смотря по усердию каждого. Ст. 6 до чумы.

²⁰ По преданиям.

²¹ Ст. 2.

²² Ст. 1.

²³ Ст. 3.

²⁴ По преданиям, а в обряде нет.

²⁵ В обрядах судейских они названы княжескими чагарами.

²⁶ В дополнении, ст. 3. не помещено: «от разных ску».

²⁷ Ст. 13 не предоставляет первостепенному узденю права на разбирательство, которым он владеет по преданиям.

²⁸ В дополнении ст. 17.

²⁹ По народному условию после чумы. Ст. 17.

³⁰ Ст. 17.

³¹ Ст. 17.

³² Ст. 13.

³³ По преданиям после чумы. Ст. 29.

³⁴ По преданиям, а в обрядах суда нет.

³⁵ В обрядах судейских пропущено «за Мажарскою». В обрядах сказано: «давать господам по санетки соли с быка». Ст. 34; но это не сходно с преданиями.

³⁶ В обрядах не господину узденю, а князю, — § 19 об устройстве домов узденьям.

³⁷ В обрядах дворовым людям одним.

³⁸ Про дома в обрядах умолчено, а указано только — по одной женщине из дома в лето один раз чистить траву.

³⁹ В обрядах о дворовых холопьях не упоминается.

⁴⁰ §14.

⁴¹ В дополнении обряда. Ст. 36.

⁴² По преданиям, а в обрядах нет

⁴³ В обрядах умолчено.

⁴⁴ По преданиям.

⁴⁵ По условию после чумы. Ст. 12.

⁴⁶ В дополнительном обряде. Ст. 19.

⁴⁷ По преданиям, а в обрядах нет.

⁴⁸ С некоторым изменением против 32-й ст. дополнительного обряда.

⁴⁹ В статье 34 дополнительных обрядов сказано, что пчельнику платится по фунту с пуда (меда?) тем, у кого они караулят.

⁵⁰ По преданиям, а в обрядах нет.

⁵¹ По преданиям.

⁵² По обряду после чумы. Ст. 10

⁵³ В ст. 16-й обряда после чумы существует некоторая разница против этого.

⁵⁴ То же и по условию после чумы. См. там же.

⁵⁵ Дополнительного обряда. Ст. 20.

⁵⁶ Там же. Ст. 12.

⁵⁷ Там же. Ст. 38.

⁵⁸ По обряду после чумы. Ст. 14.

⁵⁹ По преданию, а в судейских обрядах нет.

⁶⁰ По преданиям, а в обряде нет.

- ⁶¹ По преданиям.
- ⁶² В обрядах суда нет.
- ⁶³ Ст. 33.
- ⁶⁴ Ст. 14.
- ⁶⁵ В обрядах суда нет, а имеет сходство с параграфами, касающимися этого предмета, 3-м и 6-м.
- ⁶⁶ По преданию, а в обрядах исключения в пользу узденей нет.
- ⁶⁷ По преданию, а в обрядах судейских нет.
- ⁶⁸ Эта прибавка к статье не существует в обрядах.
- ⁶⁹ Сверх кальма.
- ⁷⁰ В обряде ст. 28 пятью ружьями.
- ⁷¹ По преданиям, а в судебных обрядах нет.
- ⁷² По преданиям, а в обряде судейском нет от ст. 107 до ст. 115-й.
- ⁷³ Куденетовы и Аизоровы имеют это преимущество перед прочими узденскими и даже княжескими фамилиями, хотя в обрядах ничего не сказано о последних. Многие старики, призываляемые на совещания, умерли.
- ⁷⁴ По преданиям, а в обрядах нет.
- ⁷⁵ См. примечание ст. к 116.

Документ № 4. НАСТАВЛЕНИЕ

Временному суду, учрежденному в Кабарде для разбора дел между кабардинцами, впредь до издания особенных правил:

1. Временный суд в Кабарде составляют владельцы и узденья, по одному из каждого рода или фамилии, на первое время по назначению начальства.
2. Председателем сего временного суда назначается владелец, подполковник Кучук Джанхотов.
3. Секретарем при сем суде определяется капитан Якуб Шарданов.
4. Для дел духовных полагается при сем суде быть одному кадию.
5. Суду сему состоять под наблюдением местного в Кабарде начальника артиллерии полковника Коцарева, или кто будет место его занимать.
6. Для охранения достоинства сего суда находится при оном почетнаястража, состоящая из казаков при офицере.
7. Обязанности сего временного суда состоят в разборе дел тяжебных между всеми состояниями кабардинцев, как-то: владельцами, узденей и простого народа, в спорах, обидах и претензиях.
8. В случаях дел спорных и претензий, случающихся между владельцами или узденями с подвластными или в между сими простолюдинами, приглашаются в сей суд, для совещания и суждения со стороны сих последних, люди, по летам и приобретенному уважению признанные достойными по избранию от народа в депутаты для сих дел.
9. Все дела гражданския и спорные между кабардинцами, равно и претензии на них от людей инородных, разбираются и решаются по их древним обычаям и обрядам, приспособляя оныя, поколику важность случаев дозволить, к правам российским.
10. На сей конец по всем таковым делам составляется в суде секретарем за подписью или печатьми судей журнальная записка, содержащая обстоятельства дела и постановленное решение...
11. Сии журнальные записки, составляясь по данной форме и быв в порядке собираемы, каждый месяц поверяются начальником в Кабарде.

12. Решение сего суда в делах тяжебных получает полную силу и не подвергается разсмотрению начальника, буде цена тяжбы не превышает 200 рублей; в суммах же, привышающих сие количество, недовольная сторона вправе принести жалобу на решение суда начальнику в Кабарде.

13. В сем случае, дабы начальство тем с большою основательностью могло рассматривать таковые решения, владельцы, узденья и депутаты простонародные обязываются заняться составлением правил на законах и обычаях сего народа для дел всякого рода, которые, по разсмотрению начальством, могут быть исправлены и утверждены для единообразного по оным исполнения.

14. Все штрафы и взыскания, по делам судебным с виновных присуждаемых, и все то, что за удовлетворением обиженной стороны оставаться будет, имеют храниться в ведении суда и без разрешения начальника не могут никуда быть употреблены. Штрафы сии, в лошадях, скоте или ином имуществе поступаемые, должны переведены быть на деньги.

15. Дела уголовный разбирательству суда сего не подлежат и подвергаются вообще законам и строгости военной.

16. Уголовными преступлениями кабардинцев починаются:

- а) убийство;
- б) измена;
- в) возмущение в народе;
- г) побег за пределы линии с злым намерением;
- д) подвод хищников к злодействам и сношения с ними;
- е) набеги в границы линии, нападания и хищничества в оной;
- ж) обнажение оружия в ссорах с причинением ран.

17. Проступки, не заключающие особенной важности, решаются времененным судом и наказание производится по определению оного штрафом или на теле розгами, не свыше ста ударов.

18. Маловажными проступками признаются:

- а) воровство – кража скота и прочаго, на сумму не свыше 200 рублей;

- б) обманы или лживые поступки со вредом другому;
- в) захваты чужого с насилием;
- г) ссоры и драки без обнажения оружия;
- д) оскорбление владельцам, узденям от подвластных или холопей, превышающее меру домашнего исправления.

19. В делах маловажных, составляющих обыкновенные проступки подвластных и холопей противу своих владельцев и узденей, предоствляются штрафу и легкому наказанию самими владельцами и узденями, не полагая взыскания свыше меры преступления.

20. Никто из духовенства кабардинского не мешается в разборе дел гражданских.

21. Предметы, разбирательству духовного суда принадлежащие:

- а) дела, до веры и совести касающиеся;
- б) дела по несогласию между мужем и женою;
- в) дела между родителями и детьми;
- г) вообще дела, не имеющие улик, ясных доказательств и письменных свидетельств.

22. Все дела разбираются на основании их закона; все прочили решаются судом.

23. На обязанность учреждаемого суда возлагается собрать достаточный сведения относительно податей или иного рода повинностей, отбываемых под властными и холопьями в пользу владельцев, узденей, равно и духовенства, и не изменяя свойства их, поколику возможно, изъяснить, в какой мере отправляются сии повинности. Правила сии, быв представлены начальству и впоследствии времени лучше соображены и утверждены, доставят обоюдную пользу владельцам, узденям и подвластным и послужит к отвращению всех случаев недоразумения и взаимных неудовольствий.

24. Поелику воспрещается кабардинцам отлучаться из Кабарды без письменных видов, то всякий, имеющий по надобностям своим отъехать в другия места, снабжается печатными билетами:

- в) внутрь линии – по билету от временного суда;
- б) за Кубань и в горы – по билету начальника в Кабарде и
- в) в дальний места в Россию – по билету начальника линии.

25. Все билеты сии выдаются без пошлин и на простой бумаге, коих экземпляры будут доставлены суду через начальника в Кабарде.

26. Дабы судьи, председатель, мулла и секретарь сего временного суда, занимаясь делами по оному, за труды свои получали достойное содержание отказны Его Императорского Величества, определяется жалование в год:

Председателю	500 руб.
3-м судьям из владельцев по	350 руб.
1 кадию для дел духовных	300 руб.
3-м судьям из узденей по	200 руб.
2-м депутатам из простонароди. свободного состояния по	100 руб.
1 секретарю	300 руб.
1 чиновнику со стороны российской для поверки журнальных запис.	300 руб.
<u>На канцелярские расходы</u>	<u>100 руб.</u>
 Итого	 3350 руб.

27. Учреждая сей суд временно, я предоставляю себе впоследствии снабдить оный достаточным наказом и назначением жалования судьям, по испытании их усердия и верности к службе Всемилостивейшаго Государя Императора и ко благу кабардинского народа.

См.: Сборник сведений о Кавказских горцах. 1870. Вып. 4.
С. 10-121.

Документ № 5. О ГОРСКОМ СЛОВЕСНОМ СУДЕ *

7. Ведомству Горского словесного суда по делам уголовным подлежат все, указанные в уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, поступки, за исключением проступков, отнесенных положением о судах аульных (сельских) к ведомству сих последних.

Предусмотренные уложением о наказаниях уголовн. и неправ (изд. 1866 г.), и отнесенные уставом угол. судопр. 20 ноября 1864 г. к ведомству окружного суда преступки и преступления изъемляются из ведения горских судов, за исключением оставляемых по-прежнему за сими судами в Терской области следующих преступных действий: 1) нанесения ран, увечья и смерти в ссоре или драк, начавшейся без всякого намерения совершить убийство или чинить увечье и рану (ст. 1465, 1485); 2) случайного, без намерения и без неосторожности нанесения смерти, увечья, ран или иного повреждения здоровья (ст. 1470, 1495); 3) нарушения пределов необходимой, личной обороны (ст. 1467, 1493); 4) кражи со взломом (ст. 1647–1649), а также кражи при оружии (ст. 1653, 1654), если цена похищенного не превышает трехсот рублей и если кража совершена в первый или во второй раз; 5) похищения, растления и изнасилования женщин (ст. 1523–1530) и 6) дел по предупреждению и прекращению на основании местных обычаяв вражды и кровомощения, могущих возникнуть вследствие необнаружения виновных в убийстве.

При мечани е. В Кубанской области за горскими судами оставляются лишь преступления, означенные в 4 и 5 пунктах ст. 9.

9. Ведомству Горского словесного суда не подлежат: 1) дела о проступках и преступлениях, в совершении коих обвиняются, хотя бы вместе с горцами, не принадлежащий к горскому населению, и 2) дела о преступных деяниях, совершенных хотя бы одними лишь горцами, но не исключительно против горцев, а и против других лиц и нарушающие права этих лиц. В обоих указанных случаях дело рассматривается и решается, смотря по роду своему, в мировом или окружном суде.

* Здесь приведены в подлинном изложении статьи «Временных правил для Горских словесных судов Кубанской и Терской областей», утвержденных Наместником кавказским 18 декабря 1870 года.

10. В случае обвинения горца в двух или нескольких проступках или преступлениях, из коих одни подлежат рассмотрению Горского словесного суда, а другие подсудны мировому или окружному суду, дело по всем упомянутым обвинениям рассматривается и решается или в мировом, или окружном суде смотря по тому, которому из этих судов подведомо важнейшее из тех преступных деяний, в коих обвиняется горец. Равным образом в случае совокупности преступных деяний, из коих одни подсудны Горскому словесному суду, а другая аульному (сельскому) суду, дело о тех и других рассматривается и решается в горском словесном суде.

11. Совершенные горцами и предусмотренные уставом о наказан., налаг. мир. суд. проступки: против порядка управления (ст. 29–34), против благочиния, порядка и спокойствия (ст. 35–51), против общественного благоустройства (ст. 52–57), против народного здравия (ст. 102–116) и все нарушения уставов: о паспортах, строительного и путей сообщения, пожарного, почтового и телеграфного (ст. 58–101) решаются одним председательствующим в Горском словесном суде, без участия депутатов.

12. Горец, потерпевший от преступления, совершенного горцем же и отнесенного по ст. 8 настоящих правил к ведению Горского словесного суда, не лишается права, до назначения дела к разбору в горском суде, просить, чтобы дело его было рассмотрено в окружном суде; с передачею дела, на семь оснований, судебному следователю, оно изъемляется из ведения горских словесных судов.

13. По делам гражданским Горскому словесному суду подлежат все иски, отнесенные по 29 ст. уст. гражд. судопр. к ведомству мирового судьи, за исключением исков, подведомых аульным (сельским) судам на основании положения о сих судах.

14. Иски, превышающие власть мирового судьи и отнесенные уставом гражд. судопр. 20 ноября 1964 г. к ведомству окружного суда, изъемляются из ведения горских судов, за исключением оставляемых по-прежнему за сими судами исков не свыше двух тысяч рублей: 1) по долговым обязательствам, обеспеченным залогом недвижимого имущества, и о праве собственности на недвижимый имущество, когда иски эти не основаны на формальном акте и 2) о наследстве, о разделе наследства и спорах наследников как между собою, так и против действительности духовных завещаний, составленных по горским обычаям.

15. Кроме дел, поименованным в предыдущих ст. 13 и 14, Горский словесный суд может принять к своему рассмотрению всякий спор и иск гражданский, если обе тяжущиеся стороны будут просить его о решении их дела и удостоверять письменно, что лишают себя права обжаловать решение.

16. По искам, указанным в ст. 14 настоящих правил, предоставляется тяжущимся сторонам по взаимному согласию обратиться с просьбою о решении их спора в окружной суд; с принятием такого иска к производству в окружном суде, он изъемляется из ведения Горских словесных судов.

17. Ведомству Горского словесного суда не подлежат: 1) иски, сопряженные с интересом казенных управлений, и 2) иски, в коих участвуют, в качестве истца или ответчика, лица не принадлежащие к горскому населению. В обоих указанных случаях дело подсудно мировому или окружному суду, смотря по роду и цене иска.

18. Отнесенные к ведению горских словесных судов проступки, и преступления рассматриваются и решаются в том суде, в районе коего совершены. Исковые же дела подлежат тому суду, в ведомстве: коего имеет жительство ответчик.

19. Пререкания о подсудности между горскими словесными судами разрешает начальник области; пререкания между горским словесным судом и мировым судею или судебным следователем решает местный окружной суд, а между горским судом и окружным судом – Тифлисская судебная палата.

20. Заседания Горских словесных судов должны состоять, не менее, как из трех лиц, в том числе и председательствующего.

21. Заседания в судах происходят ежедневно, или в особо устанавливаемые начальником области сроки, за исключением воскресных и табельных дней, а также времени полевых работ.

П р и м е ч а н и я: 1) В местностях, занятых мусульманским населением, заседания судов закрываются по пятницам и во время праздников Байрама и Курбана.

2) Заседания Горских словесных судов для разбора дел открываются по Кубанской области не только в местах постоянного их прерывания, но и в других местностях, к их округам принадлежащих. Сии заседания открываются или в установленные постоянные сроки и в определенных

местах, или же где укажет необходимость, по особым распоряжениям председательствующего.

22. Горский словесный суд разбирает дела изустно и публично. При закрытых дверях разбираются дела: о проступках против прав семейственных, об оскорблении женской чести и других соединенных с соблазном действиях, а также дела о проступках, преследуемых не иначе, как по жалобам частных лиц, и дела исковыя, когда обе стороны просят о негласном разбирательстве дела и суд найдет их просьбу уважительною.

23. Для записывания всех действий и постановлений суда ведется, по прилагаемой форме, председательствующим настольный журнал, а делопроизводителем алфавитный указатель жалобщикам, обвиняемым, истцам и ответчикам.

24. Дела решаются большинством голосов; при разделении же голосов поровну, дело решается по тому из мнений, которое принято председательствующим.

25. Горский словесный суд приступает к разбирательству в делах гражданских не иначе как по исковой просьбе; в делах уголовных: 1) по жалобам потерпевшего от преступления или проступка и 2) по сообщениям полицейских и других административных властей.

П р и м е ч а н и е: Дела по проступкам, которые дозволяется оканчивать примирением, как-то: а) оскорбление чести, клевета, угрозы и насилие;

б) самовольное пользование чужим имуществом и повреждение или истребление онаго, также захват без насилия недвижимого имущества;

в) кража, мошенничество и присвоение чужого имущества между супругами, родителями и детьми;

г) прелюбодеяние и обольщение женщин

д) нанесение нетяжких ран,увечья и побоев, а также нанесение ран и увечья, по неосторожности,— преследуются не иначе как по жалобе самого обиженнаго или потерпевшаго от преступного действия.

26. Просьбы и жалобы приносятся лично или через поверенных словесно или письменно на простой бумаге; словесная просьба или жалоба заносится в настольный журнал суда, при чем назначается день для ее разбирательства.

П р и м е ч а н и е: В отношении поверенных соблюдаются ст. 44—50 уст. гражд. судопр.

27. Призыв к суду обвиняемого, ответчика и свидетелей делается письменною повесткою, которая должна заключать в себе точное указание: требуемаго лица, времени и места явки. По делам уголовным, не прекращаемым примирением, обвиняемый, если не заарестован предварительно полицею, приводится к суду.

28. Свидетели, в случае отдаленности места жительства их, могут быть допрашиваемы на месте, чрез местное полицейское начальство.

29. В случае неявки к суду в назначенный срок ответчика по делам гражданским, или обвиняемаго по делам уголовным, прекращаемым примирением, или же поверенного их, суд постановляет заочное решение или приговор и копию с него препровождает к ответчику или обвиняемому, которому в течение 2-х недель со времени получения сей копии предоставляется просить суд о новом рассмотрении дела. Если в срок, назначенный для нового рассмотрения дела, ответчик или обвиняемый снова не явится и не пришлет поверенного, то может, быть подвергнут денежному взысканию не свыше 25 рублей, а состоявшееся решение или приговор оставляется в силе.

П р и м е ч а н и е: Для жителей горных, местностей назначается вместо 2-х недель месячный срок.

30. На заочный приговор или решение может быть подана, вместо отзыва о новом пересмотре дела, апелляционная жалоба в срок, назначенный для принесения сказанных отзывов, если приговор или решение, по роду дела, подлежит апелляции.

31. В случаях неявки истца, обвинителя или поверенного их к назначенному сроку, без представления уважительных причин, суд постановляет об, отказе, иске или в жалобе, если последняя подана по такому уголовному делу, которое может быть прекращено примирением.

32. За неявку без уважительных причин к назначенному сроку свидетель из горцев присуждается судом к денежному взысканию в первый раз 5 рублей, а во второй раз по тому же делу 10 рублей.

П р и м е ч а н и е: При вызове свидетелей, не принадлежащих к горскому населению, и при наложении на них взысканий за неявку Горский словесный суд руководствуется по делам уголовным 65-72 ст. уст. угол. судопр., а по делам гражданским 88-94 ст. уст. гражд. судопр.

33. Свидетель может в течение 2-х недель со дня объявления ему постановления о наложенном за неявку взы-

скании, или при явке на вновь назначенный срок представить свои оправдания, и суд освобождает свидетеля от взыскания, если причиной неявки была одна из указанных в 388 и 612 ст. угол. судопр.

П р и м е ч а н и е: Для жителей горных местностей назначается вместо 2-недельного месячный срок.

34. Обвиняемый в совершении даже маловажного преступка обязан не отлучаться из места жительства, без разрешения суда; для пресечения же обвиняемому в более важном преступном действии способов уклоняться от суда горский словесный суд может, по особому постановлению, отдать обвиняемого на поруки, или же подвергнуть личному задержанию, смотря по силе представляющихся против него улик и строгости угрожающего ему наказания.

35. Для обеспечения гражданских исков и предъявленных требований о вознаграждении убытков, причиненных преступным действием, суд может по просьбе истца: 1) потребовать от ответчика или обвиняемого в преступном действии, причинившем убытки, поручительства надежных лиц; 2) подвергнуть аресту движимое имущество и 3) наложить запрещение на недвижимое имение. Об избрании той или другой меры и о причинах к тому побудивших составляется судом особое постановление.

36. Разбирательство начинается в делах гражданских прочтением или словесным изложением исковой просьбы, а в делах уголовных – чтением или словесным изложением жалобы лица и правительственные мест о совершившемся преступлении. Затем председательствующий спрашивает ответчика или обвиняемого признает ли он иск правильным или виновным себя в приписываемых ему действиях. В случае отрицательного ответа, суд выслушивает свидетелей истца или обвинителя и рассматривает доказательства им представленные; затем предоставляет ответчику или обвиняемому изложить свои оправдания, выслушивает указанных им свидетелей и рассматривает представленные им доказательства.

П р и м е ч а н и е: Свидетели допрашиваются порознь, и если окажется нужным, то первоначально в отсутствии обвиняемых и лица, прикосновенных к делу; при чем всякий свидетель спрашивается об отношениях его к участвующим в деле лицам.

37. По выслушивании каждого свидетеля, стороны могут предлагать ему вопросы. Равным образом председательствующий и депутаты могут предлагать вопросы как

допрошенному свидетелю, так и истцу или обвинителю, ответчику или обвиняемому.

38. Сущность показания сторон и свидетелей записывается председательствующим в настольный журнал.

39. Доказательства, представленные одною стороною, предъявляются другой.

40. Суду предоставляется производить, в случае надобности, осмотры, освидетельствования и обыски или возложить это на местную полицию. Ей же суд может поручить производство дознания и собрание требующихся справок.

41. О произведенных судом осмотрах, обысках и освидетельствованиях записывается в настольный журнал.

42. В тех случаях, когда для точного уразумения встречающихся в деле обстоятельств необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, промысле или каком либо занятии, суд приглашает сведущих людей, мнение которых выслушивает в публичном заседании. Сущность вызываемого ими мнения вносится в настольный журнал.

43. Если при рассмотрении обстоятельств дела окажется, что рассматриваемое дело неподсудно горскому словесному суду, то суд обязан: по делам уголовным, преследуемым помимо частных жалоб, немедленно передать оное по принадлежности мировому судье или судебному следователю; по делам же гражданским и по тем уголовным, кои преследуются не иначе как вследствие жалобы, прекратить дальнейшее производство, предоставив истцу или жалобщику обратиться в то судебное учреждение, коему сказанное дело подсудно.

44. Давность по делам гражданским признается 10-летняя, а по уголовным – указанная в 21 ст. уст. о наказ, нал. мир. суд., и в. 158 ст. улож. о наказ.

45. В делах гражданских, а также в тех уголовных, который прекращаются примирением, суд, выслушав объяснения сторон, предлагает им прекратить дело миром, указывая и способы к тому.

46. Мировая сделка записывается председательствующим в настольный журнал и по прочтении подписывается сторонами, или тем, кому они сие до верят, и удостоверяется подписью присутствовавших в заседании судей.

47. По упомянутым в ст. 45 делам примирение допускается во всяком положении оных, даже и после состоявшегося решения или приговора. В последнем случае

мировая сделка, совершенная указанным порядком, отменяет решение или приговор.

48. Дело, прекращенное мировою сделкою, не может быть возобновлено ни сторонами, участвующими в совершении ся, ни наследниками их.

49. Если стороны откажутся прекратить дело примирением, суд приступает к постановлению решения или приговора.

50. Горский словесный суд решает дела на основании местных обычаев и только по таким делам, для решения которых обычай не сложился, руководствуется общими законами Империи. Разбирательству же на основании шариата могут подлежать, из дел, подсудных Горскому словесному суду, дела о заключении и расторжении брака, о личных и имущественных правах, из брака вытекающих, о законности рождения и дела о наследстве.

51. При рассмотрении дел, подлежащих решению по шариату, председательствующий приглашает в заседание суда состоящего при суде кадия. После объяснений сторон, допроса свидетелей и рассмотрения всех представленных по делу доказательств и предпостановлением решения, суд выслушивает мнение кадия об относящихся к рассматриваемому делу шариатских постановлениях и о способе применения их. Сущность мнения кадия записывается в настольный журнал. По делам же собственно бракоразводным – кадий единолично делает постановление на основании шариатских постановлений.

52. При решении дел уголовных, суд определяет по совести – степень виновности обвиняемого, по обычаю – количество вознаграждения, следующего потерпевшему от преступления, и по закону – следующее виновному наказание.

53. Состоявшийся приговор или решение председательствующий записывает в настольный журнал и, после подписания его судьями, объявляет участвующим в деле лицам публично, в том же заседании, в котором разбирательство дела окончено. Участвующим в деле лицам, в случае просьбы их, выдается на простой бумаге копия состоявшегося приговора или решения.

54. Приговоры по делам уголовным, превышающим власть мировых судей и отнесенных по сим правилам к ведомству горского словесного суда, начальник округа (уезда) представляет, во всяком случае, начальнику области на утверждение.

55. Решения начальника области объявляются сторонам: наличным – в присутствии суда, а отсутствующим – на месте их жительства местной полицией.

56. Приговор горского словесного суда считается окончательным, когда им определяются: денежное взыскание не свыше 30 рублей с одного лица, арест не свыше одного месяца и когда вознаграждение за вред и убытки не превышает 100 рублей. По делам же гражданским решение считается окончательным, когда цена иска не превышает 100 рублей.

57. На все остальные приговоры и решения горского словесного суда могут быть приносимы апелляционные жалобы. Равным образом и по приговорам, кои на основании ст. 54 представляются начальнику области на утверждение, представляется участвующим в деле лицам представлять объяснения и возражения.

58. При объявлении приговора или решения, председательствующий объясняет участвующим в деле лицам: в какой срок и каким порядком может быть принесена апелляционная жалоба, присовокупляя к тому, что желающий принести жалобу должен заявить о том суду в течение суток от объявления приговора или решения. Не требуется заявления в течение суток неудовольствия по тем уголовным делам, по коим приговоры представляются (ст. 54) на утверждение начальнику области.

59. В объявлении срока и порядка обжалования, а также суточного срока для заявления неудовольствия, участвующая в деле лица или те, кому они доверят, расписываются в настольном журнале под приговором или решением, состоявшимся по их делу.

60. Апелляционная жалоба на простой бумаге подается, в месячный срок со дня объявления приговора или решения, тому окружному (уездному) начальнику, в округе (уезде) которого состоит суд, постановивший приговор или решение. Ему же подаются, в тот же месячный срок, объяснения и возражения по приговорам, представляемым на основании ст. 54 начальнику области.

61. Начальник округа (уезда) не позже недели по получении апелляционной жалобы представляет оную с делом и всеми документами начальнику области. Объяснения и возражения на приговоры, представленные начальнику области в силу ст. 54 настоящих правил, представляются окружным (уездным) начальником в дополнение, с первою почтою.

62. Апелляционная жалоба, равно как и отзыв на заочный приговор или решение, поданные по истечении установленных для сего сроков, возвращаются подавшему при надписи о причине возвращения.

63. Решение начальника области, последовавшее как по приговорам, представленным на его утверждение в силу статьи 54 настоящих правил, так и по апелляционным жалобам, а также окончательные решения и приговоры горских словесных судов (ст. 56) обращаются к исполнению немедленно.

64. Остальные затем приговоры и решения горского словесного суда при знаются вошедшими в законную силу и обращаются к исполнению:

1) когда в течение суток от объявления приговора или решения в публичном заседании суда не объявлено ни одною стороны неудовольствия;

2) когда по изъявлении неудовольствия не представлено апелляционной жалобы;

3) когда по приговору или решению заочному не представлено в установленный срок (ст. 29 и 30) ни отзыва о новом пересмотре дела, ни апелляционной жалобы, если приговор или решение, по роду дела, могут подлежать апелляции.

65. Вошедшие в законную силу решения и приговоры исполняются посредством местной полиции. На обязанности суда лежит исполнение вошедших в законную силу приговоров только во всем том, что не выходит из круга непосредственных судебных действий, как-то: объявление наличного подсудимого оправданным или освобожденным от наказания и освобождение его из заключения, если он заключен по этому же делу, объявление выговора, замечания и т. п.

66. Жалобы на медленное исполнение приговоров и решений приносятся начальнику округа (уезда), который принимает меры к скорейшему удовлетворению справедливых жалоб.

67. Свидетели и сведущие люди, вызванные в суд и желающие получить вознаграждение за путевые издержки, должны объявить об этом по окончании допроса. Вознаграждение это определяется только в случае призыва их на расстояние более 10 верст; в сем случае они получают путевые деньги по три коп. на версту и суточных по двадцати коп. за каждый день отлучки из места жительства.

68. Уплата денег этих обращается как в гражданских, так и в уголовных делах на сторону обвиненную. В случае решения иска частию в пользу одной, частию в пользу другой стороны, взыскание сказанного вознаграждения обращается на обе стороны поровну. Если иск или обвинение признаны недобросовестными, то вознаграждение свидетелей и сведущих людей обращается на истца или обвинителя. В случае отсрочки заседания за неявкою одной из сторон, вознаграждение свидетелей и сведущих людей, вызванных к этому заседанию, обращается на то лицо, по чьей вине рассмотрение дела отложено.

69. За записи из настольного журнала и за копии, выдаваемые по просьбе частных лиц, взыскивается по 20 коп. с листа, полагая на каждой странице по 25 строк. Неимущим, а также приговоренным по делам уголовным выдаются копии и выписки из настольного журнала бесплатно.

П р и м е ч а н и е: Деньги, взыскиваемые по этой ст., обращаются на канцелярские расходы и на хозяйственные надобности.

70. Штрафы, налагаемые горскими судами, и деньги, взыскиваемые на основании предыдущей ст., записываются в особую книгу, выдаваемую от начальника области каждому горскому словесному суду.

71. Наблюдение за арестантами из горцев, в отношении правильного их заключения, содержания и скорейшего движения о них дел, возлагается: в Кубанской области на обязанность вице-губернатора, а в Терской области на обязанность помощника начальника области; для чего горские словесные суды обязаны доставлять к ним ежемесячно списки о содержащихся под стражею горцах по форме, установленной начальником области.

72. Горскому словесному суду подлежат и дела по опеке над лицами, при надлежащими к горскому населению, и имуществами, оставшимися после горцев.

73. По делам опекунским на обязанности горских словесных судов лежит: выбор опекунов для попечения о лице и имуществе малолетних, когда духовным завещанием не назначено им таковых, или когда назначенные опекуны не оправдали своего назначения; а также выбор опекунов над имениями владельцев, не могущих почему либо управлять своею собственностью, как-то: ума лишенных, расточительных и проч. Опека может быть также учреждена и над имениями владельцев, находящихся в далеком и

долгом отсутствии, если только дознано будет, что лица, которым от таковых владельцев поручено управление имением, недостаточно пекутся о целости и улучшении его.

74. В опекуны судом избираются лица благонадежные и вполне соответствующие этому назначению и утверждаются в этом звании начальником ок руга (уезда); горские же суды, в определениях своих об учреждении опеки, обязаны излагать причины учреждения оной, сведения о лицах, назначаемых в опекуны, перечень имущества, в опеку поступающего, и определяемой по местному обычаю вознаграждение опекуну за труды по опеке.

75. В начале каждого года, не позже 1 марта, опекуны представляют в горские суды, для поверки, отчеты по управлению порученными им имениями за истекший год. В случае надобности в поверке на месте, суд может командировать одного из депутатов суда.

76. Жалобы на постановления суда по делам опекунским приносятся начальнику области чрез окружного (уездного) начальника, который представляя жалобу, излагает и все сведения; требующаяся по содержанию жалобы.

77. По прекращении причин, служивших поводом к учреждению опеки, имения освобождаются от оной с разрешения начальника округа (уезда).

78. В тех занятых горским населением местностях, где нет нотариусов, Горскому словесному суду предоставляется засвидетельствование таких совершаемых горцами актов, засвидетельствование, которых по ст. 2 положения о нотариальной части возлагается на мировых судей.

79. При засвидетельствовании сказанных актов, Горский словесный суд обязан наблюдать правила, изложенные в 90, 99, 100, 101 и 103 ст. положения о нотариальной части, и удостовериться порядком, указанным в 72, 73, 74, 83 и 89 ст. того же положения: в самоличности и пра- воспособности лиц, участвующих в совершении засвидетельствования.

80. Засвидетельствование явки актов делается на самом акте с означением лиц, оный предъявивших.

81. Для записывания совершенных засвидетельствований ведется реестр, разделенный на 5 граф, в коих означается: 1) номер по порядку сделанного засвидетельствования; 2) число и месяц засвидетельствования; 3) лица, для которых совершено засвидетельствование, и место жительства их; 4) содержание засвидетельствованных ак-

тов и 5) расписка в обратном получении за свидетельствованных актов лицами, предъявившими очные.

82. Пред наступлением каждого года, реестры эти, по изготовлении их горскими словесными судами, выдаются им канцелярию начальника области прошнурованные, скрепленные по листам и за подпись правителя канцелярии.

83. При каждом реестре ведется алфавитный указатель лиц, для коих за свидетельствованы акты; противу поименования сих лиц означается тот номер, под которым записано в реестре засвидетельствование.

84. По истечении года, председательствующий в горском словесном суде делает в реестре под последним внесенным в реестр засвидетельствованием, надпись о числе совершенных в том году засвидетельствований. Затем реестр, со следующим к нему алфавитом, оставляется в суд для хранения.

См.: Терский календарь на 1895 год. Владикавказ, 1894.
Вып. 4. С. 135—145.

Документ № 6. О СЕЛЬСКОМ (АУЛЬНОМ) СУДЕ *

35. Сельский суд ведает, на основании следующих статей, как споры и тяжбы между жителями, так и дела по маловажным их проступкам.

36. Сельский суд решает окончательно все споры и тяжбы собственно между жителями того же сельского общества, ценою до 30 рублей включительно, как о движимом и недвижимом имуществе в пределах сельского надела, так и по займам, покупкам, продажам и всякого рода обязательствам и сделкам, а равно и дела по вознаграждению за убытки и ущерб имуществу причиненные.

П р и м е ч а н и е: Начальнику области предоставляется, по его усмотрению, указанную в ст. 36 сумму 30 рублей увеличивать до 50 рублей.

37. Если дело превышает сумму 30 рублей, или тяжба касается недвижимого имущества, принадлежащего жителям в собственность, а также если участвуют в тяжбе лица других сельских обществ, то во всех этих случаях, по требованию одной из сторон, дело подлежит рассмотрению Горских словесных судов.

38. Независимо от сего окончательному решению сельского суда подлежат все без ограничения ценою иска между жителями споры и тяжбы, который тяжущаяся стороны по общему согласию предоставляют решению сельского суда. Споры и тяжбы, в коих кроме жителей селения участвуют и посторонние лица, могут быть также, по желанию тяжущихся сторон, предоставлены окончательному решению сельского суда.

П р и м е ч а н и я: 1) В таких случаях от тяжущихся должна быть отобрана подписка в том, что они дело свое предоставляют решению сельского суда и таковое признают окончательным.

2) По всем делам без ограничения их ценою иска, если с оными не соединено преступления или проступка и не сопряжены пользы малолетних и умалишенных, жители как одного, так и разных сельских обществ, а равно лица других состояний могут вместо разбирательства в сельском суде, обращаться по взаимному согласию к третейскому по совести суду, не стесняясь никакими формами, но удостоверив только особою подпискою о предоставлении своего дела решению таких-то посредников. Решение третейского суда в этих случаях составляется, объявляется тяжущимся и приводится в исполнение тем же порядком,

который установлен для решения сельского суда (ст. 49). Никакий жалобы на решения третейского суда нигде не принимаются.

39. Сельский суд разбирает и приговаривает к взысканию жителей, принадлежащих к сельскому обществу, за маловажные проступки, когда оные со вершены в пределах самого сельского общества, против лиц принадлежащих к тому же состоянию и без участия лиц других состояний, а также когда означенные проступки не находятся в связи с уголовными преступлениями, кои подлежат разсмотрению горского словесного суда или других судебных учреждений. Если в совершении проступка участвуют жители, принадлежащие к другому сельскому обществу, то виновных приговаривает к наказанию суд того сельского общества, в пределах которого проступок совершен.

П р и м е ч а н и я: 1) Маловажные проступки против лиц, подлежащие разбирательству сельского суда, следующие: а) проступки против личной безопасности: порча разными вредными веществами воды в речках, канавах и колодцах, продажа испорченных съестных припасов, не-подача просимой помощи при наводнении, пожаре и тому подобном происшествии, обида словом в церкви и мечети и общенародно, удар другого рукою, ногою, палкою или иным подобным орудием, без причинения увечья; б) проступки против права на имущество: злоумышленная за-пащка или потрава чужого поля, порча за бора, изгороди и тому подобного, употребление при продаже иных аршинов, весов или мер, а не тех, кои установлены законом, обмер и об вес, необъявление о забеглом скоте из других селений и намерение при этом воспользоваться чужой собственностью, не объявление об имуществе заведомо крашеном, необъявление о находке чужой вещи, платья и денег, злоумышленная растрата работником или приказчиком хозяйственного имущества, воровство – кража и воровство – мошенничество, когда цена краденого или присвоенного обманом не превышает десяти рублей и когда сие учинено в первый или второй раз, без всяких увеличивающих вину обстоятельств.

2) Лица других состояний либо других обществ, против коих совершены жителями селения проступки могут, буде пожелаю, отыскивать следующего им удовлетворения в местном сельском суде, или в общих учреждениях.

40. Сельский суд властен по маловажным проступкам приговаривать виновных к общественным работам до ше-

сти дней, или к денежному взысканию до 3 рублей, или же аресту до семи дней. Назначение рода и меры взыскания за каждый проступок предоставляется усмотрению самого суда.

П р и м е ч а н и е: Независимо от наказания, назначенного сельским судом, по проступкам, коими нанесен чужой собственности вред и убыток хотя и без намерения, виновный должен вознаградить владельца соответственно времени и убытку.

41. Налагаемая как сельским судом, так и сельским старшиною денежная взыскания обращаются в сельскую общественную сумму.

42. Приговоры сельского суда по проступкам, подлежащим его разсмотрению, считаются окончательными.

43. Сельский суд собирается по возможности и удобству в праздничные и свободные от работ дни, в случае же нужды созывается сельским старшиною и в другие дни.

44. Сельский суд входит в разбор споров и тяжб не иначе, как по жалобе истца. В разбор проступков он входит: 1) по жалобе обиженнаго, или его родителей или очекуна, если обиженный еще не достиг совершеннолетия; 2) по требованию сельского старшины или помощников старшины и 3) по извещению того, кто был свидетелем проступка, если обиженный не может принести жалобу.

45. Сельский старшина и помощники не должны вмешиваться в дела сельского суда и присутствовать при их обсуждении, если они не состоят с тем вместе и в звании сельских судей.

46. Все дела в сельском суде производятся словесно, при чем дозволяется находиться и посторонним.

47. При разсмотрении тяжебного дела в сельском суде, судьи, по выслушивании тяжущихся сторон, стараются склонить их к примирению. Если стороны примирились, то должны в то же время объявить, что одна уступает или чем вознаграждает другую и каким образом должно последовать удовлетворение. Если тяжущиеся стороны не пойдут на мировую сделку, то суд решает дело либо на основании заявленных в сельском суде сделок и обязательств, если таковые были заключены между спорящимися сторонами, либо, при отсутствии таковых сделок, на основании местных обычаев, принятых в народе.

П р и м е ч а н и я: 1) По тяжебным делам мусульман, подлежащим, по существу своему, ведомству сельского

суда, суд обязан сам поставить решение в порядке в ст. 47 указанном, не отсылая тяжущихся в шариат.

2) При сельском суде ведется книга сделок и договоров, в оном заявляемых. В эту книгу вносятся всякого рода сделки и обязательства (на сумму не выше 300 рублей), заключенные жителями как между собою, так равно с посторонними лицами, когда такия сделки и обязательства словесно объявлены в присутствии не менее двух свидетелей и подписаны обеими договаривающимися сторонами, или, по просьбе их, кем либо другим, за неумением грамоте. Записи, внесенные в эту книгу, а равно выдаваемые с них засвидетельствованные копии, имеют в случае спора силу судебного доказательства. Такая книга, ежегодно возобновляемая, должна быть за казенною печатью и скреплена начальником округа.

3) Жителям селения, которые того пожелают, предоставляется свидетельствовать духовные свои завещания о недвижимом и движимом их имуществе ценою не выше ста руб. в сельском суде, коему они подведомственны, с соблюдением при этом следующего порядка: а) духовное завещание должно быть словесно объявлено самим завещателем в сельском суде в присутствии сельских судей и не менее двух свидетелей; б) по таковом объявлении, завещание записывается в книгу сделок и договоров. Под сею записью сперва подписываются завещатель и свидетели, в случае же неумения их грамоте, другия по их просьбе лица, а потом и бывшие при явке завещания сельские судьи; в) затем выдастся завещателю точная со всего, что вписано в книгу, выпись за подпись наличных сельских судей и за печатью сельского управления.

Выписи эти имеют, в случае спора, силу судебного доказательства воли завещателя, если признаются действительными, т. е. не подложными.

48. В делах о проступках, если сельский суд найдет недостаточными показания лиц, причастных к делу, то для приведения оного в ясность он может сам производить допросы в присутствии двух и более свидетелей из местных домохозяев.

49. Решения и приговоры сельского суда составляются письменно и объявляются тяжущимся и причастным к делу лицам, в присутствии суда. Тяжущимся по желанию их выдаются копии с решений.

При мечаниe: За выдаваемые копии с решений сельского суда, так и с записей из книги сделок и договоров

взимается плата не свыше 20 коп. с листа, на покрытие расходов по письмоводству.

50. Решения и приговоры сельского суда как по спорам, тяжбам, так и попроступкам, приводятся в исполнение сельским старшиною, или помощниками старшины, в последнем случае под наблюдением старшины и за общею их ответственностью.

51. Если сельский суд постановит решение по такому делу, которое не подлежит его разбору на основании ст. 35—39 настоящего положения, или приговорит виновных в совершении маловажных проступков ко взысканию либо наказанию в мере, превышающей указанную в ст. 40 этого положения, или же постановит по делу решение без вызова к суду участвующих в деле лиц, вопреки ст. 47 этого положения, то такия решения и приговоры сельского суда, вследствие просьб, поданных лицами, до коих решение или приговор касается, могут быть отменены горским словесным судом.

В тех же случаях, когда в делах по проступкам сельский суд явно превысит власть, предоставленную ему законом, то участковый начальник может, если признает нужным по важности дела, представить горскому словесному суду об отмене приговора суда и без просьбы о том лица, до коего приговор касается.

52. Просьбы об отмене решений и приговоров сельских судов должны быть приносимы не позже, как в месячный срок со дня объявления решения или приговора суда лицам, до коих они касаются.

См.: Терский календарь на 1895 год. Владикавказ, 1895.
Вып. 4. С. 145—148.

Документ № 7. ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ СЕЛЬСКОГО СТАРШИНЫ И ДРУГИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

22. Сельский старшина ответствует за сохранение общего порядка и спокойствия в пределах сельского общества. В этом отношении ему вполне подчиняются помощники старшины.

23. Ведомству сельского старшины подлежат все без исключения жители, в пределах сельского общества находящиеся.

24. Сельский старшина обязан по делам полицейским в пределах ведомства сельского управления:

1) объявлять по предписаниям начальства законы и распоряжения правительства и наблюдать за нераспространением между жителями подложных указов и вредных для общественного спокойствия слухов; 2) заботиться о соблюдении порядка в общественных местах и о безопасности лиц и имущества от преступных действий, а также в случае нарушения порядка и безопасности принимать меры для немедленного их восстановления, впредь до распоряжения земской полиции; 3) задерживать бродяг, беглых и военных дезертиров и представлять их полицейскому начальству; 4) доносить начальству самовольно отлучившихся из общества, а также о преступлениях и беспорядках, случившихся в обществе; 5) распоряжаться подачею помощи в чрезвычайных случаях, как например: при пожарах, наводнениях, повальных болезнях, падежах скота и других общественных бедствиях и немедленно доносить начальству о чрезвычайных происшествиях в сельском обществе; 6) принимать предписанные полицейские меры к предупреждению всякого рода преступлений и проступков, а в случае совершения оных охранять следы сделанного преступления, до прибытия следователя, открывать и задерживать виновных и представлять их на дальнейшее распоряжение начальства; 7) приводить в исполнение приговоры сельского схода и суда.

25. Сельский старшина по делам общественным в пределах ведомства сельского управления обязан:

1) созывать и распускать сельский сход и охранятьенный на нем порядок; 2) предлагать на рассмотрение схода все дела, касающиеся нужд и польз сельского общества; 3) приводить в исполнение приговоры сельского, суда, а также распоряжения установленных властей; 4) наблюдать как за помощниками старшины там, где они

есть, так и за всеми другими должностными лицами, дабы каждый за них исполнял в точности свои обязанности; 5) наблюдать за целостью меж и межевых знаков на землях как принадлежащих в собственность жителей, так и находящихся в их пользовании; 6) наблюдать за исправным содержанием на тех землях дорог, мостов, гатей, водопроводных канав, перевозов и прочее; 7) наблюдать за исправным отбыванием жителями всякого рода казенных, земских и общественных повинностей как денежных, так и натуральных; 8) понуждать к исполнению условий и договоров жителей между собою, а равно и заключенных с посторонними лицами, когда такие договоры не оспариваются самими жителями; 9) надзирать за порядком в училищах, больницах, богадельнях и других общественных заведениях, если они учреждены обществом на свой общественный счет; 10) надзирать за торговыми заведениями, а также верностью весов и мер на базарах; 11) наблюдать за своевременным и правильным составлением камеральных списков, когда они требуются, и подавать оные, кому или куда следует; 12) по просьбам жителей о выдаче им установленных билетов на отлучки или об увольнении вовсе из общества выдавать им надлежащие свидетельства в том, что к увольнению их препятствий нет, свидетельства эти представляются просителем начальнику участка или начальнику округа; 13) заведывать в порядке, самим обществом установленном, общественным хозяйством и общественными суммами; надзирать за целостью общественного хлеба в запасных магазинах и за правильным распоряжением оным и 14) охранять от расходов те имущества неисправных плательщиков, коими обеспечивается взыскание недоимки.

26. Сельский старшина обязан исполнять беспрекословно все законные требования полицейского начальства и всех установленных властей по предметам их ведомства.

27. Сельскому старшине предоставляется право за маловажные полицейские проступки, совершенные подведомственными ему жителями, подвергать виновных: назначению на общественные работы на время до двух дней или денежному взысканию до трех рублей, или аресту до двух дней.

П р и м е ч а н и я: 1) Лица из привилегированных сословий, равно и все имеющие офицерские чины, могут

быть штрафуемы и арестуемы только по разрешению окружного начальника.

2) Маловажные полицейские проступки суть следующие: а) проступки против благочиния в церквях и мечетях: появление в них во время Богослужения в неприличном виде и произведение крика, хохота или иного шума и вообще причинение словом или действием соблазна; б) проступки против правительенного и общественного порядка: всякое ослушание против начальства, шум и брань на улице, драка в каком бы то месте ни было, самовольная отлучка без надлежащего вида далее 30 верст от места жительства отлучившегося как внутри уезда, так и за пределы оного, непочтение, грубость и дерзость младших против старших, а тем более против лиц, облеченных правительственою и общественною властью, грубость и неповинование работников своим хозяевам, непослушание родителям, оскорбление их и отказ им в пище, одежде и вспоможении, особенно в старости и болезни; в) проступки, заключающие в себе соблазн и дурное поведение: пьянство, расточительность и вообще поступки, противные благопристойности и чистоте нравов. В случаях, когда виновные во всех этих проступках заслуживают наказания наибольшего против предоставленного власти сельского старшины, сей последний отсылает их для суждения в сельский суд.

28. Сельский старшина обязан при исполнении дел особой важности именно: при производстве личных вызовов как полицейских, так и налагаемых сельским судом или сходом, при всяком обыске в доме или строении, при всяком задержании или взятии под арест, при приеме от сборщика и расходовании общественных денег непременно приглашать двух свидетелей, преимущественно из стариков сельского общества. То же правило, по возможности, наблюдается и при предварительном дознании по проступкам и преступлениям.

П р и м е ч а н и е: В случае малолюдства сельского общества или когда в ауле остается на лицо мало жителей, старшине дозволяется требовать на этот предмет свидетелей из ближайших сельских обществ.

29. Помощники старшины исполняют все приказания старшины и сверх того, не ожидая приказаний, обязаны содействовать ему в исполнении всех его обязанностей. Там, где помощники старшины избраны от малолюдных селений, в состав сельского общества входящих, они име-

ют жительство в избравших их селениях и состоя в непосредственном ведении сельского старшины, исполняют все им приказанное относительно вверенных их надзоруселений.

30. На лицо, исполняющее обязанности сборщика податей, возлагается:

1) взимание лежащих на жителей и всяких установленных денежных сборов, а также недоимок по этим сборам; 2) ведение счетов полученным деньгам; 3) наблюдение за безнедоимомным взносом от каждого дома следующих с него платежей; 4) хранение поступивших с жителей податей и сборов, впредь до представления их кому следует, в том месте и тем порядком, которые будут определены сельским сходом; 5) представление начальнику участка податей и сборов и получение установленных в сдаче оных квитанций; 6) представление сельскому сходу отчета в поступивших от жителей суммах; 7) представление сельскому сходу о неплательщиках, для принятия мер ко взысканию с них недоимок, 8) снабжение всех домохозяев надлежащими удостоверениями в получении денег.

П р и м е ч а н и е: Ответственность сборщика податей перед обществом оканчивается с представлением им отчета.

31. Обязанности остальных должностных лиц, как-то: разъездных, полевых сторожей, смотрителей канав и т. п. определяются самим названием должностей.

См.: Кубанский календарь на 1912 год. Екатеринодар, 1911.
Т. 8. С. 329–332.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Кабарда и Горские общества в XVI–XVIII веках	11
1. Общественно-политический строй в Кабарде и Горских обществах в XVI–XVIII веках	11
1.1. Территория и население	11
1.2. Социально-экономические отношения	14
1.3. Политический строй	19
2. К вопросу о характере кабардино-русских и балкарско-русских отношений в XVI – первой половине XVIII века	24
Глава II. Кабарда и Горские (балкарские) общества в условиях приставской системы управления на Северном Кавказе (1769–1858 гг.)	35
1. Введение приставского управления в Кабарде и Горских (балкарских) обществах	35
2. Учреждение в Большой и Малой Кабарде родовых судов и расправ	48
3. Временный кабардинский суд	52
Глава III. Кабарда и Горские общества в период становления системы военно-народного управления на Северном Кавказе (1858 – 1880-е годы XIX века)	59
1. Замена приставских управлений системой военно-народных округов	59
1.1. Создание системы военно-народных округов	59
1.2. Создание «народных судов»	63
2. Интеграция Кабардинского (Нальчикского) окружного военно-народного управления к условиям преформенной России (1869–1880-е годы XIX века)	68
2.1. Административные преобразования в ходе и после крестьянской реформы	68
2.2. Судебные реформы	76
Глава IV. Деятельность административных органов управления Нальчикского округа в условиях российской модернизации: характер и основные направления (конец XIX – начало XX века)	80
1. Окружные и участковые административные органы управления	80
2. Структура и характер деятельности сельской администрации	91
3. Полицейские силы окружной администрации	96
Глава V. Специфика деятельности новой судебной системы в конце XIX – начале XX века	104
1. Характер деятельности Нальчикского окружного словесного суда в конце XIX – начале XX века	104
2. Сельские словесные суды Нальчикского округа	111
Глава VI. Трансформация традиционных институтов власти в органы местного самоуправления	118
1. Съезд доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ	118
2. Сельские сходы в общественно-политической жизни кабардинцев и балкарцев	128
3. Мусульманское духовенство в системе местного самоуправления	131
Заключение	147
Приложения	151

Список замеченных опечаток

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
36	7-я сверху	чтобы ослабляя ее (Кабарду. – Ж. К.)	чтобы ограничить в свою пользу незави- симость Кабарды, все- мерно ослабляя ее (Кабарду. – Ж. К.)
43	16-я сверху	с 1863-го по 1960 годы	с 1763-го по 1860 год
78	15-я сноска	Цуциев А.	Цуциев А.
78	16-я сноска	Там же	Калмыков Ж. А. Указ. раб. С. 13.
147	14-я снизу	территории местного региона	территории региона